

81.63-32
17937
1279833

Ж.М. ГУЗЕЕВ

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ
СПОСОБ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКАХ**

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВА КБР И КБНЦ РАН

Ж.М. Гузеев

1279033

**Семантический способ
словообразования
в тюркских языках**

Нальчик
2009

ГУК «Государственная
библиотека КВР
им. К. Маллохова»
г. Нальчик, ул. Попова, 42

Г 932
УДК – 811. 512

ББК – 81.2 – 2

Г – 93

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-04-30302 а/Ю*

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор

Улаков М.З.

Рецензенты: Доктор филологических наук, профессор

А.И. Геляева

Доктор филологических наук, профессор

М.Б. Кетенчиев

Гузеев Ж.М.

Г 93 Семантический способ словообразования в тюркских
языках. – Нальчик: Издательство КБ ИГИ, 2009. – 236с.

ISBN 978-5-91766-010-3

В монографии впервые в тюркологии семантический способ словообразования рассматривается как самостоятельный и довольно распространенный, включающий в себя образование новых слов путем распада полисемии и лексикализации грамматических форм.

Книга рассчитана на лексикологов – тюркологов, студентов и аспирантов вузов.

Печатается по постановлению Ученого совета

Института гуманитарных исследований

Правительства КБР и КБНЦ РАН

от 09.10.2009г.

© Гузеев Ж.М., 2009

© КБИГИ, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА I Лексико-семантическая разновидность.....	8
1.1. Общие замечания.....	8
1.2. Структура значений многозначного слова.....	8
1.2.1. Лексическое значение слова и его компоненты.....	8
1.2.2. Основные типы лексических значений слова.....	15
1.2.2.1. Прямое и переносное значения.....	15
1.2.2.2. Непроизводное и производное значения.....	16
1.2.2.3. Свободное и несвободное значения.....	17
1.2.2.4. Номинативное и экспрессивно-синонимическое значения.....	23
1.2.3. Соотношение значений многозначного слова.....	24
1.2.4. Пути развития переносных значений слов.....	30
1.2.4.1. Метафорический перенос названий.....	30
1.2.4.2. Метонимический перенос названий.....	34
1.2.4.3. Эвфемизация и табуирование.....	39
1.2.5. Основные факторы и условия, способствующие многозначности слов.....	42
1.3. Омонимия генетически родственных слов, относящихся к одной и той же части речи.....	49
1.4. Слова, образованные вследствие распада полисемии в их отношении к частям речи.....	62
1.4.1. Общие замечания.....	62
1.4.2. Образование существительных.....	63
1.4.3. Образование глаголов.....	65
1.4.4. Образование наречий.....	66
1.4.5. Образование имен прилагательных.....	68
1.4.6. Образование частиц.....	69
1.4.7. Образование союзов.....	70
1.5. Разработка полисемии и омонимии в словарях.....	71
1.5.1. Разработка лексических значений слова.....	71
1.5.1.1. Общие замечания.....	71
1.5.1.2. Полнота выделения и разграничения различных типов значения слов.....	73

1.5.1.3. Порядок расположения значений слов в словарной статье.....	76
1.5.2. Разграничение полисемии и омонимии и определение исходного и производного слов в рядах генетически родственных лексических омонимов.....	81
1.5.2.1. Разграничение полисемии и омонимии.....	81
1.5.2.2. Определение исходного и производного слов в рядах генетически родственных лексических омонимов.....	82

ГЛАВА II Семантико-морфологическая

разновидность.....	84
2.1. Проблема лексикализации грамматических форм глагола.....	84
2.1.1. Образование имен существительных.....	91
2.1.1.1. Образование имен существительных от неличных форм глагола.....	91
2.1.1.1.1. Образование имени существительных от форм имени действия.....	91
2.1.1.1.1.1. Степень лексикализации форм имени действия.....	101
2.1.1.1.1.2. Образование имен существительных от причастий.....	102
2.1.1.1.2.1. Этапы субстантивации причастий.....	104
2.1.1.1.2.2. Причины, влияющие на субстантивацию причастий.....	104
2.1.1.1.2.3. Степень субстантивации причастий.....	110
2.1.1.2. Образование имен существительных.....	113
2.1.1.2.1. Образование имен существительных от взаимно-совместного залога.....	113
2.1.1.2.2. Образование имен существительных от форм желательного наклонения.....	116
2.2. Проблема лексикализации форм падежей.....	119
2.2.1. Образование наречий.....	131
2.2.1.1. Образование наречий от падежных форм.....	131
2.2.1.2. Образование наречий от деепричастий.....	137
2.2.1.2.1. Причины, влияющие на лексикализацию	

деепричастий.....	141
2.2.1.2.2. Степень лексикализации деепричастий.....	144
2.2.2. Образование послелогов.....	146
2.2.3. Образование имен прилагательных.....	149
2.2.3.1. Образование имен прилагательных от форм желательного наклонения глагола.....	149
2.2.3.2. Образование имен прилагательных от причастий.....	152
2.2.4. Образование глаголов от залоговых форм (внутриглагольное словообразование).....	152
2.2.4.1. Общие замечания.....	152
2.2.4.2. Образование глаголов от форм понудительного залога.....	157
2.2.4.3. Образование глаголов от форм страдательного залога.....	162
2.2.4.4. Образование глаголов от форм возвратного залога.....	166
2.2.4.5. Образование глаголов от форм взаимно-совместного залога.....	172
2.2.5. Разработка лексикализации грамматических форм глагола в общих словарях тюркских языков.....	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	186
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	193
Словник лексем, образованных семантическим способом.....	193
1. Путем распада полисемии.....	193
2. Путем лексикализации грамматических форм	207
ЛИТЕРАТУРА.....	221
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	232

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 70-х годов XX века словообразование на материале разных языков изучается особенно интенсивно. С достаточной аргументацией оно рассматривается как особый раздел языкознания, как особая система, характеризующаяся своими существенными признаками, которыми оно отличается от других систем. Однако в способах словообразования лингвистов, особенно тюркологов, по-прежнему продолжают интересоваться главным образом аффиксация, словосложение, их комбинация и аббревиация. Что же касается семантического способа словообразования, при котором новые слова образуются без аффиксации, сложения и т.п., а путем переосмысления или перехода в другую часть речи, то ему уделяется очень мало внимания не только в тюркском, но и в общем языкознании. Такой способ словопроизводства имеет три разновидности:

1) лексико-семантическую, при которой в результате изменений в смысловой стороне слово расщепляется на два и более синонима: *русск. мир* (вселенная) - *мир* (противоположное войне), *тюрк. ай ~ ой* «луна» - *ай ~ ой* «месяц (календарный)» и т.п.;

2) семантико-морфологическую, при которой новые слова образуются в результате лексикализации грамматических форм слов: *русск.* предлог *благодаря* возник на базе деепричастия *благодаря* (от глагола *благодарить*), *тюрк.* существительное *жазыучу* (*язывчу ~ їзувчи*) «писатель» - причастия *жазыучу* (*язывчу ~ їзувчи*) «пишущий» (от глагола *жаз-* (*яз- ~ їз-*) «писать» и т.п.;

3) семантико-морфолого-синтаксическую (или конверсионную), при которой слово из одной части речи переходит в другую, не претерпевая при этом никаких фонетико-морфологических изменений, в то же время сохраняя свою частеречную принадлежность: *русск. течь* (глагол) → *течь* (существительное), *тепло* (существительное) → *тепло* (наречие), *тюрк. бай ~ бой* «богатый» → *бай ~ бой* «богач» → *бай ~ бой* «богато», *кдп- ~ кун-* «вспухать, вздуться, вспучиваться» → *кдп ~ кун* «много» и т.п.¹

Из всех разновидностей семантического способа словообразования в специальной литературе рассматривается в основном толь-

¹ Эта разновидность не вошла в данное исследование.

ко одна – лексико-семантическая, потому что большинство лингвистов не отрицает факта образования омонимов в результате распада былой полисемии. Так образовались, например, слова типа *русск. брань* (ругань) и *брань* (война, битва), *болтать* (говорить) и *болтать* (смешивать), *среда* (окружение) и *среда* (день недели) [Шмелев 1977: 79], *топить* (печь) и *топить* (насиловать погрузать в воду), *тушить* (гасить огонь) и *тушить* (варить в закрытой посуде) [Дудников 1990: 80], *тарелка* (приспособление для еды) и *тарелка* (музыкальный инструмент), *успевать* (успеть находить время) и *успевать* (хорошо учиться) [Шмелев и др. 1990: 21], карач.-балк. *юр-* «дуть» и *юр-* «лгать», *топ* «мяч» и *топ* «пушка», *чечек* «цветок» – *чечек* «оспа» [Гузев 1985: 85-87], *сырт* «спина» и *сырт* «хребет (горы)», *кьыр-* «скоблить» – и *кьыр-* «истреблять», *кюн* «солнце» и *кюн* «день» [Отаров 1996: 22].

Тем не менее в словарях тюркских языков довольно часты случаи смешения полисемии и омонимии. Это обусловлено неразработанностью критериев разграничения данных явлений.

В тюркских языках субстантивации и адвербиализации посвящены отдельные работы, например, в узбекском и каракалпакском – субстантивации прилагательных [Абдурахманов 1950; Гулямов 1954; Аймурзаева 1985], в азербайджанском – адвербиализации [Беглярова 1979], в карачаево-балкарском – субстантивации глаголов и имен прилагательных [Хачирова 2003], адвербиализации [Кишტიкова 2004: 11-13]. Однако в них, во-первых, не разграничиваются узуальная и окказиональная формы субстантивации и адвербиализации, не показываются их этапы, причины и условия, а, во-вторых, не рассматривается связь этих явлений с конверсией.

Помимо всего, в этих работах нечетко разграничиваются лексикализованные и нелексикализованные падежные формы, что отражено и в словарях; наречия, образованные путем лексикализации падежных форм, и наречия, образованные по аналогии с ними, минуя процесс изоляции собственно падежной формы, в которых падежные аффиксы выступают уже как словообразующие. В них не затрагивается вопрос о возможности развития значений наречий, образованных от грамматических форм слов, и перерастание их в лексические омонимы. Следовательно, смешиваются аффиксальный и семантико-морфологический способы словопроизводства.

ГЛАВА I

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ

1.1. Общие замечания

Несмотря на огромное количество исследований, посвященных полисемии и омонимии в разных языках, в том числе и тюркских, многие узловые аспекты и проблемы разграничения этих явлений продолжают оставаться спорными и нерешенными. Это отношение между значением слова и понятием, которое выражает оно, соотношение значений многозначного слова, факторы и условия, способствующие многозначности и др.

Омонимов, образованных при распаде полисемии слов, в тюркских (и не только в них) языках много. Однако они очень мало изучены. Омонимами продолжают считаться только слова, имеющие семантически не связанные значения, не имеющие общей внутренней формы.

Неизученность омонимов, образованных на базе полисемии слов в тюркских языках, сказывается на практике составления словарей. В них немало упущений, связанных с разграничением полисемии и омонимии, а также различных типов значений слова, с их рубрикацией, с определением производного слова в омонимической паре или группе.

Следовательно, изучение полисемии и семантически связанных омонимов является настоятельной потребностью не только теории тюркских языков, но практики составления их словарей.

В задачу настоящей главы исследования входят изучение спорных и нерешенных вопросов полисемии и омонимии семантически связанных слов и определение условий, способствующих разрыву семантических связей между значениями слова и образованию омонимов.

1.2. Структура значений многозначного слова

1.2.1. Лексическое значение слова и его компоненты

Под лексическим значением слова многие лингвисты понимают соотношенность слова с каким-либо явлением объективной действительности, закрепленную в сознании говорящего обще-

ственно языковой практикой [Виноградов 1953: 10; Смирницкий 1955: 89; Ахманова 1969: 160-161; Розенталь, Теленкова 1976: 113; Шевченко 1979: 123 и др.]. Однако большинство современных лексикологов считают, что данный признак является лишь основой семантической структуры слова, одним из ее обязательных компонентов [Шмелев 1977: 58; Фомина 1978: 24; 1990: 30; Котелова 1975: 7; Шанский, Иванов 1981: 14], что в состав значения слова входит еще эмоционально-экспрессивная оценка.

Учитывая, что анализ зависимости смысловых компонентов слова определяется отношением между значением слова и понятием, для определения лексического значения слова важно уточнить его соотношение с понятием. В лингвистике лексическое значение слов сопоставляется с философской категорией понятия. При этом «одни учёные отождествляют понятие с лексическим значением слова, другие отрицают их связь» [Гак 1990: 26]. Те, которые отрицают связь между понятием и лексическим значением слова, считают, что при лингвистическом определении значения слова нельзя выходить за рамки языка. Однако при определении лексического значения слова невозможно ограничиться собственно языковыми моментами, такими, как сочетаемость и соотношение данного слова с другими. Объясняется это тем, что основное назначение слова – называть предметы и явления. Если бы мы при определении значения слова ограничились только языковыми моментами, то, как это удачно выразил Д.Н. Шмелёв, «... очутились бы перед «уравнением со всеми неизвестными», так как, определяя значение одного слова из его возможных сочетаний с другими словами, мы и значения этих других слов должны были бы определить их возможными сочетаниями с ещё какими-то словами и т.д., т.е. определять одни величины другими, ещё не определёнными величинами» [Шмелёв 1977: 56].

О связи между словом (естественно, и его значением) и понятием говорит такой факт: слово непосредственно связано с представлениями о реальной действительности; эти представления впоследствии становятся основой понятий, называемых при помощи слов. В основе значения каждого знаменательного слова лежит именно понятие, содержащее общие существенные признаки какого-то отрезка действительности.

Если учесть, что значение слова, помимо основного компонента, включает в себя ещё оценочный и ряд других компонентов, то следует признать, что оно шире понятия. С другой же стороны, значение уже понятия: в научном понятии отражены общие и существенные признаки предметов и явлений, а в значении – только их отличительные, основные признаки. Эти признаки предмета и составляют лексическое значение слова, и их «достаточно для его опознания и для правильного употребления его имени» [Кацнельсон 1965: 19]. Значение – это тот минимум признаков понятия, который необходим и достаточен для опознания и понимания слова [Новиков и др. 1987: 141].

Однако некоторые лингвисты слишком сужают значение понятия «отличительные (или основные) признаки предметов и явлений» и предлагают такие толкования, как «род кустарника», «деталь машины» [Щерба 1974: 280]. В таких определениях значений слов не указываются основные признаки предметов, которые бы позволили отличить одну деталь машины от другой, одно растение от другого. Когда в толковании не приводятся отличительные признаки предмета или явления, «толкование теряет всякий смысл» [Сороколетов 1962: 26].

Таким образом, несмотря на то, что понятие и значение принадлежат к разным наукам (понятие – к логике, значение – к лингвистике), они соотносительные и во многом однородные категории. Различие их в том, что одно и то же явление рассматривается с разных сторон (под углом зрения логики и языка) и поэтому с различной степенью глубины.

Учитывающим все аспекты значения слова, характер отношения значения к обозначаемому словом предмету, а также отношение значения с понятием представляется лишь определение значения слова, предложенное М.И. Фоминой: «Лексическое значение слова – это не только его непосредственная (или опосредованная) соотносённость с отображаемым конкретным (или абстрактным) предметом. В значении слова отражены и общие предметно-логические связи, и отношения с лексическими значениями других слов данной (или близкой) лексической парадигмы, и границы лексической сочетаемости, и характер лексико-грамматической отнесённости... и присущие слову эмоционально-экспрессивные свойства» [Фомина 1990: 30].

Лексическое значение слова – сложная структура, определяемая общими свойствами слова как знака: его семантикой, прагматикой, синтактикой. Данное понятие включает сигнификативный, денотативный, коннотативный, парадигматический и синтагматический компоненты и определяется многими факторами. В собственно семантическом смысле в структуре лексического значения слова выделяются два компонента: сигнификативный и денотативный.

Ядром лексического значения слова является его сигнификативный (познавательльно-обобщающий) компонент [Гак 1990: 262]. Сигнификат – это совокупность тех признаков предмета и явления, которые существенны для их правильного именованя данным словом в системе данного языка. Сигнификативный компонент представляет основное языковое содержание слова, так как в нем выражается отражение объективной действительности. Этот компонент значения определяется «тем, что из содержания понятия выбираются те опознавательные признаки, с помощью которых одна лексическая единица отличается по своему содержанию от других» [Новиков и др. 1987: 16]. Поскольку в словарях он демонстрируется в виде толкований, думается, что его можно назвать собственно семантическим значением слова.

Сигнификативный компонент значения закрепляет в слове результаты познавательльно-обобщающей деятельности и «...может не только изменять лексические значения слов, но и порождать у данного слова новые значения, становясь источником полисемии (многозначности) слова» [Дудников 1990: 61].

Лексикологи отмечают интернациональность, т.е. характерность для слов каждого языка, сигнификативного компонента лексического значения слова [Прохорова 1980: 3]. Однако это не означает, что сигнификат не имеет национальной специфики. Национальная специфика выражается в объеме значения слов, называющих аналогичные понятия в разных языках. Например, словам русского языка *щека* (боковая часть лица от скулы до нижней челюсти) и *челюсть* (лицевая кость, в которой укреплены зубы) в тюркских языках соответствует одно слово *жааяк* (*жаак* ~ *янак*) сущ. 1. Щека; 2. Челюсть. Словам *жаулукъ* (*яулык* ~ *жоолук*) «шаль (большой вязаный или тканый платок)» и *кьол жаулукъ* (*кульяулык*) «носовой

платок (платок, предназначенный для сморкания, вытирания носа, рта, лица)» в русском соответствует слово *платок* (предмет одежды, кусок ткани, обычно квадратный, или вязаное, трикотажное изделие такой формы). Из этих примеров видно, что одно слово в одном языке называет одно понятие, а в другом – два понятия.

В одном языке понятие называется простым словом, а в другом оно может называться сочетанием слов, сложным или парным словом. Так, понятие «сорная луговая, обычно придорожная, трава с мелкими цветками, собранными в колос, выражает в русском языке слово *подорожник*, в татарском – *бака яфрагы*, киргизском – *бака жалбырак* (букв. «лист лягушки»). В карачаево-балкарском языке нет слова, подобного слову *прохожий*, поэтому для передачи понятия «идуший куда-либо, мимо кого-чего-либо» используется парное слово *ётген-сётген*.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что «каждый язык по-своему членит явления действительности» [Прохорова 1980: 3]. В этих примерах отражение национальной специфики слова сигнификатом выражено в различии внешней формы слова. Но оно может выражаться и в различии внутренней формы слова. Например, в парах слов *акъ ётмек* «белый хлеб» (*карач.-балк.*) и *белый хлеб* (*русск.*), *чыгырбаи кьуиш* «гриф белоголовый» (*карач.-балк.*) и *гриф белоголовый* (*русск.*) в основу называния легли различные признаки: в первой паре в карачаево-балкарском языке – цвет, в русском – качество (пшеничный хлеб из высоких сортов муки), во второй паре в карачаево-балкарском языке – отсутствие волос (*чыгыр баи* «лысая голова»), в русском – *цвет*.

Сигнификативный компонент значения слова тесно связан с явлениями денотации и коннотации. **Денотация** – это понятийное ядро значения, т.е. объективный компонент смысла, абстрагированный от семантико-стилистической или эмоционально-экспрессивной оценки. Денотативное значение – это предметное значение лексической единицы. Оно определяется через отношение слова к конкретному предмету. Денотацией обладают, как правило, имена существительные, обозначающие конкретный предмет или явление, а также другие слова, «выполняющие номинативную функцию в аспекте «чистого» названия реальной сущности предмета, явления» [Дудников 1990: 62].

Коннотация – эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска слова. Она дополняет денотативное значение слова и придаёт ему экспрессивную окраску. Следовательно, это дополнительное содержание слова, которое накладывается на его семантику.

Узуальное коннотативное значение обычно передаётся различными аффиксами, звукоподражаниями, экспрессивно окрашенными словами. Например, в слове *урлака* (балк.) «ворюга» денотативное значение – «вор», а коннотативное значение передаётся аффиксом *-ка*, имеющим экспрессивную окраску презрения и усиливающим оттенок просторечности. В словах *хамхот* «морда (человека)», *гая* «харя» – коннотация отрицательной экспрессивно-эмоциональной оценки, которая заложена в самих корнях.

В 80-90-е годы лингвисты стали уделять повышенное внимание коннотации и денотации. Предпринята попытка выделения и группировки коннотаций [Филиппов, Шанский 1981: 26-30; Говердовский 1985 № 2; Дудников 1990: 62-64]. Например, выделяются коннотации ироничности, эвфемистичности, жаргонности, разговорности, диалектности, положительной оценки, отрицательной оценки и другие.

Примеры:

1) ироничность: *Бригадир жыйынны артындан созулуп баргъан Назирни къатына жууукъ барды да: – Берчи, гашиперт чалгъынгы, мен да бир эки тартайым, – деди (газ. «Заман») «Бригадир подошёл близко к Назиру, который еле шёл за группой, и сказал: – Дай-ка, косарь (букв. косящий в день один гектар), косу, и я немного покошу»;*

2) эвфемистичность: *Ол насытсызны да атайтмаздан ауругъан хатары барды (журн. «Минги-Тау») «– Говорят, что этот горемычный болен атайтмазом (раком)»;*

3) разговорность: *Аракъычы юйню къонагъы къурумаз (пов.) «В доме пьющих гости не переводятся»;*

4) диалектность: *Аминат гефхин къыйыры бла бетин сыйпады (Ёзденланы А.) «Аминат вытерла лицо краем фартука»;*

5) жаргонность: *Бу жол а бизни футболчуларыбыз кючлю ойнагъандыла (газ. «Къарачай») «А в этот раз наши футболисты здорово играли».*

Коннотация, с одной стороны, является автономным, самостоятельным компонентом значения слова. Она может присутствовать в слове как семантический «довесок» его денотации. С другой стороны, слова могут обходиться и без этого «довеска». Например, слова *ата* «отец», *ана* «мать» имеют денотативное значение. При прибавлении к ним аффиксов *-чыкъ*, *-ке*, они приобретают коннотацию, которая выражается в оттенке ласкательности: *атачыкъ* «папенька», *энеке* «маменька». Каждое слово обладает денотацией, ибо это его собственное содержание. Коннотацию же большинство слов не имеет, это дополнение к собственному содержанию слова, следовательно, подчинённый ему компонент. Всё это говорит о связи коннотации с денотативным значением слова. Факты карачаево-балкарского языка свидетельствуют о том, что эта связь имеет определённую закономерность.

Например, однокоренные слова в подавляющем большинстве случаев имеют одну коннотацию. Так, однокоренные имена существительные *батыр* (*баатыр*) «богатырь, храбрец», *батырлыкъ* (*баатырдык*) «храбрость, мужественность, отважность», *батырлан-* «храбриться, смелеть», *батырсын-* «возомнить себя храбрым, богатырём, отважным, мужественным» объединены общей коннотацией возвышенности, торжественности.

Не все компоненты содержания слова играют одинаковую роль в его существовании. Один из них является самым важным, а остальные играют второстепенную роль. Соотношение их, т.е. основного и второстепенных компонентов значения, определяет тип лексического значения слова.

Для установления типов денотативных значений слова требуется: 1) изучение исторического изменения значения слова, 2) установление объяснимости-необъяснимости значения через другие значения, 3) выявление широты употребления слова в том или другом значении, 4) определение традиционности-нетрадиционности значения.

Исходя из того, какой из этих параметров лежит в основе сопоставления семантики слов, В.В. Виноградов выделил следующие лексические значения слов: 1) прямые и переносные, 2) основные и производные, 3) прямые номинативные и экспрессив-

но-синонимические, 4) синтаксически свободные и несвободные: а) фразеологически связанные и б) конструктивно обусловленные.

В дальнейшем данная классификация значений слов развивалась и уточнялась в исследованиях ведущих лексикологов-русистов, которые высказывают новые соображения, несколько отличные от виноградовской классификации. Наиболее приемлемой из них в отношении к тюркским языкам представляется классификация, предложенная М.И. Фоминой. Согласно ей, лексические значения слов следует различать по следующим параметрам: 1) по характеру связи их с объективной действительностью, 2) по степени их семантической мотивированности, 3) по степени их лексической сочетаемости и 4) по характеру выполняемых ими назывных функций [Фомина 1978: 29-36; 1990: 36-44]. По первому параметру выделяются прямое и переносное, по второму – непроизводное и производное, по третьему – свободное и несвободное, по четвёртому – номинативное и экспрессивно-синонимическое значения.

1.2.2. Основные типы лексических значений слова

1.2.2.1. Прямое и переносное значения

Прямое значение отражает предмет прямо, непосредственно, минуя участия других значений того же слова, например: *баш* «голова» – часть тела человека и животных выше шеи, *аякь* «стопа ноги, ступня» – часть ноги от щиколотки вниз, опирающаяся на землю ступней, *дауур* «шум, гам, галдёж» – беспорядочный гул голосов, крик, шум.

Переносное значение отражает предмет не прямо, а косвенно, т.е. при участии других значений того же слова. Оно возникает в результате переноса названий с одного предмета на другой по сходству или по смежности, например: *баш* (перен.) 3. «ум, рассудок» – то, что отличает человека от других животных, способность человека мыслить, 7. «железный конец (напр. топора, молотка)», *аякь* 3. «ножка» – опора, стойка (мебели, утвари и т.п.), *дауур* 2. «конфликт» – столкновение, серьёзное разногласие, спор, скандал.

1.2.2.2. Непроизводное и производное значения

Такие значения можно установить, изучая исторические изменения семантики слова. Непроизводное значение слова – это первоначальное, исконное его значение, а производное – такое, которое возникло позднее, обычно на базе непроизводного, первоначально-го, исконного. Непроизводное значение не мотивируется, потому что оно первичное. Производное значение мотивируется первичным, исконным значением, поэтому его называют вторичным.

Непроизводное (немотивированное) и производное (мотивированное) значения имеют как однозначные, так и многозначные слова. Значения производных слов мотивируются прямым значением или прямым и переносным (переносными) значениями непроизводных слов. Например, значения карачаево-балкарских слов *аша*- «кушать» – есть, принимать пищу, *ашам* «аппетит» – желание есть, *ашамлы* «прожорливый» – способный очень много есть, *ашлау* «поднос» – специальная доска для передачи посуды и подачи еды на стол, *ашсын*- «одобрить пищу», *ашамлы* – любящий поесть, имеющий аппетит к еде, *ашамсыз* – не имеющий аппетита к еде, страдающий плохим аппетитом – мотивированы прямым значением слова *аш* «пища, еда»; значения слов *жерлеиш* «земляк», *жерлеишдир*- «селить кого, заселять что кем», *жерсин*- «осваиваться с новой обстановкой, средой (о человеке)», *жерсиз* «безземельный», *жерчилик* «земледелие» мотивируются значением слова *жер* «земля», «почва», «грунт», «место». Это видно в толковании значений данных слов: *жерлеиш* «урожеец одной с кем-либо местности», *жерлеишдир*- предоставлять место для жительства в незанятых помещениях, незанятом месте, *жерсиз* – не имеющий земли для ведения сельского хозяйства, *жерчилик* – отрасль народного хозяйства – возделывание, обработка земли с целью выращивания сельскохозяйственных растений.

Значения слов *жерсиз*, *жерчилик* мотивированы прямым значением слова *жер* (т.е. «земля»), а значения слов *жерлеиш*, *жерлеишдир*- – его переносным значением (т.е. «место»).

Характер мотивированности производных значений довольно сложный. У слова все значения могут быть мотивированными,

если оно само производное. При этом могут мотивироваться эти значения одним или разными значениями другого, мотивирующего слова. Например, значения слова *тузлу* 1. «солёный» – содержащий в себе соль, 2. «пересолённый» – имеющий соли больше, чем нужно, мотивированы прямым значением слова *туз* 1. «соль», а у слова *тузсуз* 1. прямые значения «несолёный, недосолённый» – не имеющий или недостаточно имеющий соли, 2. «пресный» – лишённый определённого характерного вкуса вследствие отсутствия или небольшого количества соли мотивированы прямым значением слова *туз* 1. «соль», значение 3. «бессмысленный» – его переносным значением «смысл».

У одних слов все производные значения мотивируются их прямыми значениями. Например, в слове *бурун* второе-пятое значения мотивируются первым: *бурун* 1. «нос» – орган обоняния; 2. «кончик чего-либо»; 3. «клюв» – роговое двустворчатое окончание рта у птиц и некоторых других животных; 4. «нос (*напр.* лодки)» – передняя часть лодки, судна, самолёта и т.п.; 5. «носок (*напр.* обуви)» – передний конец обуви или чулка. У других слов одни производные значения мотивируются прямым, а другие – друг другом. Например, в слове *баиш*, с одной стороны, все производные значения мотивируются его прямым значением «голова», а с другой стороны, мотивированность переносных значений семантически связана между собой: переносное значение «3. ум, рассудок» мотивировано переносным значением «2. человек, душа», переносное значение «4. глава, предводитель» – переносным значением «3. ум, рассудок», переносное значение «б. супруг, муж» – переносным значением «4. глава, руководитель».

1.2.2.3. Свободное и несвободное значения

То, что значение слова зависит от тех контекстов, в которых оно выступает, никем из лингвистов не оспаривается. Например, киргизское слово *сан* в словосочетаниях *бутун сан* «целое число», *жуп сан* «четное число» имеет значение «понятие, служащее выражением количества, при помощи которого производится счёт», в словосочетаниях *кызматкерлердин саны* «количество рабочих», *тактайдын саны* «количество досок» – количество

кого-чего-либо, в словосочетаниях *жакшылардын санында* «в числе хороших», *келликлени санында* «в числе тех, которые придут (приедут)» – «состав, ряд, совокупность кого-чего-либо», в терминологических сочетаниях *жекелик сан* «единственное число», *көптүк сан* «множественное число» – «грамматическая категория, выражающая единичность или множественность».

Этот факт нельзя подвергать сомнению. Однако существование значения слова вне контекста некоторые исследователи не только ставят под сомнение, а вообще не признают, считая, что значение всегда обусловлено контекстом. Например, по мнению Л. Ельмслева, «в абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте, под которым мы понимаем ситуационный или эксплицитный контекст, не важно, какой, поскольку в неограниченном или продуктивном тексте (живом языке) мы всегда можем превратить ситуационный контекст в эксплицитный контекст» [Ельмслев 1960: 303-304].

Большинство лингвистов эту точку зрения не разделяют и в опровержение её приводят веские доводы. Например, возражая против мнения Л. Ельмслева, Д.Н. Шмелёв пишет: «Если слова не имеют собственно лексического значения, их объединение в тексте может быть только случайным с точки зрения того, что они обозначают, а следовательно, не способны и выявить в них вообще какое-то лексическое содержание» [Шмелёв 1973: 57].

Признавая в целом существование лексических значений, независимых от контекста, некоторые лингвисты продолжают идеализировать роль последнего, предельно ограничивая при этом бесконтекстное, самостоятельное употребление значений. Они считают, что слово вне контекста обладает только «каркасом» значения, т.е. общим (или главным) значением, которое и является фактом языка, а контекстуальные значения его проявляются не на уровне языка, а на уровне речи, т.е. они представляют якобы окказиональное явление [Якобсон 1936 № 6; Новак 1959 № 2; Балдингер 1957: 22 и др.]. Некоторые лексикологи собственно значением слова считают только его общее значение [Сорокин 1960: 64].

Большинство исследователей отвергают подобные концепции, так как «они не учитывают различия между контекстом, представляющим реализацию тех или иных синтагматических связей слов, диктуемых самой системой, и контекстом как таким объединением слов, которое индивидуально развивает заложенные в значениях возможности» [Шмелёв 1973: 58]. Например, карачаево-балкарское слово *жол* в сочетании с некоторыми словами выражает значение *амал*- «путь» (выход из положения, возможность). Это обусловлено возможностью слова *жол* как единицы языка вступать в сочетания с определёнными словами: *хыйлалыкны жолу* «путь жульничества», *тюзлюкню жолу* «путь истины», *тюзетир жол* «путь исправления». Другое значение слова *жол* «дорога – узкая полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения», т.е. его пространственное значение, выявляется тоже в контексте: *узакъ жол* «далёкий путь», *асфальт жол* «асфальтированная дорога», *хауа жол* «воздушный путь», *тау жолла* «горные дороги» и т.п. Разница между этими значениями заключается лишь в том, что «первое в меньшей степени, чем второе, обусловлено парадигматически и большей – синтагматически» [Шмелёв 1973: 58]. Например, первое значение слова *жол* отчётливо противопоставляется парадигматически таким словам, как *тау* «гора», *тюз* «степь», *суу* «вода», *таш* «камень», и входит в синтагматические связи с широким кругом слов. Другие же значения его, например, указанное здесь «путь – выход из положения, возможность» или ещё «направление деятельности, развития *кого-*, *чего-либо*» такой чёткой парадигматической противопоставленности лишены, зато «жестко» связаны в текстах с вполне определённым, ограниченным кругом слов, т.е. строго закреплены синтагматически. Это и даёт основание считать, что пространственное значение слова *жол* является свободным.

Свободные значения имеют место при сочетании относительно широком и независимом. Они непосредственно направлены на окружающую действительность и непосредственно её отражают. Свободными, например, являются значения таких слов в киргизском языке, как *уй* «дом», *ыр* «песня», *аңгеме* «рассказ» и т.п., которые имеют свободную сочетаемость, ср.: *уй* «дом», *ариу* «красивый», *чоң* «большой», *эски* «старый», *жаңы*

«новый», *кичинекей* «маленький», *бийик* «высокий», *кирпич* «кирпичный», *таш* «каменный» и т.п. Контексты употребления в их основном, прямом, значении соответствуют связям, отношениям, состояниям и т.п. обозначаемого в самой действительности. Однако следует отметить, что в логически недопустимом контексте свободные значения не выявляются. Например, слово *уй* «дом» не может сочетаться со словами *таттуу* «сладкий», *чийки* «сырой», *акылдуу* «умный», *же-* «есть, кушать» и т.п. Это говорит о том, что свобода лексической сочетаемости слов – понятие не абсолютное, а относительное, так как «она ограничена предметно-логическими отношениями слов в языке» [Фомина 1990: 39].

Итак, «свободным является то значение слова, в котором оно встречается часто и в сочетании со многими словами, которое определяется предметно-логически, и которое прежде всего возникает в сознании носителя языка при произнесении слова вне контекста» [Шмелёв 1990: 382].

Слова имеют и другие значения, которые ограничены в своём употреблении, выявляются только в сочетании с определёнными, немногими словами. Такие значения принято называть *несвободными*. От других значений они отличаются ограниченной сочетаемостью, синтаксической позицией, грамматической конструкцией. В соответствии с этим несвободные значения подразделяются на фразеологически связанные, синтаксически обусловленные и конструктивно ограниченные.

Фразеологически связанное значение – это такое лексическое значение, которое существует или приобретает только в составе фразеологической единицы или в других устойчивых сочетаниях слов сходного рода. Употребление слов с такими значениями обусловлено не предметно-логическими отношениями, а закономерностями функционирования самой лексико-семантической системы. В карачаево-балкарском языке такие значения распространены особенно у глаголов и имён прилагательных, но они характерны и для имён существительных. Примерами фразеологически связанных слов могут служить, например, значения имён существительных *тюрсге* (балк.), *тюнке*, *гылын*, *болжар*, *одал* в карачаево-балкарском языке, которые не имеют своих прямых номинативных значений и употребляются

соответственно только в сочетании со словами *бир* «один», *юзюл*- «оторваться, оборваться», *кьюш* «орёл», *салам* «солома», *чапыракъ* «лист»: *бир тюрсге* «одинаково», *тюнкеси юзюлдю* «обессилеть, выбиться из сил», *гылын кьюш* «сова», *болжар салам (ист.)* «солома (которую стелили в чабуры)», *одад чапыракъ* «мать-и-мачеха».

Многие слова выражают своё фразеологически связанное значение в сочетании с двумя, а иногда и тремя словами. Например, каждое из слов *сюрем*, *кътатели / кътала*, *ыстым*, *ауукъ*, *армау*, *жебек* в этом языке употребляется с двумя словами: *эниш сюрем* «спуск», *ёрю сюрем* «подъём», *кътатели / кътала тууар* «разъярённый рогатый скот», *кътатели / кътала кьурт* «личинка овода (в теле животного)», *ыстым кече* «восьмая ночь после рождения ребенка», *ыстым той* «танцы, веселье в честь восьмой ночи после рождения ребенка», *бир ауукьда* «в одно время», *ол ауукьда* «в то время», *армау бол-* «растеряться», *армау эт-* «привести кого-либо в нерешительность, поколебать кого-либо». В сочетание с тремя словами могут вступать такие единицы, как *бедеу*, *ырнык*: *бедеу сырт* «гладкая спина (животного)», *бедеу бол-* «ожиреть, заглеть жиром», *бедеу санла* «тучная фигура», *ырнык картоф / гардош* «прошлогодняя картофелина (оставшаяся в земле)», *ырнык ханс* «дикорастущее растение», *ырнык киштик* «одичавшая кошка».

Сочетания, в составе которых имеются слова с фразеологически связанным значением, могут находиться между собой в синонимических отношениях: *тюнкеси юзюлдю* и *тюнкеси тауусулду* «обессилеть, изнемогать», *амыры тутмайды* и *амыры тартмайды* «нет охоты (что-либо делать)», *жебегине жет-* и *жебегине кьатыл-* «разозлить, задеть за живое».

Иногда фразеологически связанными бывают не все значения слова, а лишь одно из них. Фразеологическое значение в таких случаях служит средством дифференциации многозначного слова: ср. *тин* 1. «тело – организм человека», 2. «дух, сознание, мышление, психические способности». Во втором значении слово *тин* сочетается лишь со словами *дуния* «мир» и *кир-* «входить»: *тин дуния* «духовный мир», *тин кирди* «воспрянуть духом». Еще примеры: *баш* 11. «крыша» и *баш* 19. «причина чего-либо», *баш* 20. «что-л. главное в чем-либо»; *ёзек* 1. «сердцевина, стержень» и *ёзек* 4. «основа, сущность чего-либо». Слова *баш* и

значениях 19, 20, а *ёзек* в значении 4 имеют строго ограниченную сочетаемость: *палахны башы* «причина несчастья», *туйюшню башы* «причина драки», *даулашыны башы* «причина ссоры», *ишны башы* «главное в деле», *жашауну ёзегу* «основа жизни», *сагъышланы ёзегу* «основа размышлений».

Среди лексических значений, выделяемых на основании синтагматической обусловленности, особое место занимают *синтаксически обусловленные*. Этот тип «качественно отличается от всех других типов значений тем, что синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику» [Виноградов 1953: 24]. Переносные значения данного типа проявляются в слове при случае выполнения необычной для него функции в предложении. Например, слова *маймул* «обезьяна», *жаныуар* «животное», *тууар* «скотина» и т.п. в обычном употреблении в предложении являются чаще всего подлежащими или дополнениями и имеют прямое значение: *Зоопаркда кёп тюрлю жаныуар барды*. «В зоопарке много разных животных»; *Тууар кютген кёой да кютер (погов.)* «Кто имеет крупный рогатый скот для пастьбы, тот может иметь и овец»; *Охо, маймулдан эриши туйюл эсе, жарарыкёды (Чыпчыкъланы Б.)* «Ладно, если [он] не страшнее обезьяны, то сойдет»; *Уммола келе, Тюрю тёшде келе (фольк.)* «Идут коровы, они идут на Тюрю тёшде (на склоне горы Тюрю)». Но такие слова, как уже говорилось, нередко употребляются в нехарактерных для имени существительного функциях – сказуемого, обособленного определения, приложения. Часто они употребляются с указательными местоимениями *ол* «тот», *бу* «этот» и как обращения. Во всех подобных случаях они имеют синтаксически обусловленное значение.

Есть и такой вид переносного значения, который раскрывается в определенных синтаксических конструкциях. Он называется *конструктивно ограниченным*. Благодаря употреблению в различных синтаксических конструкциях, такие значения, во-первых, отличаются друг от друга в пределах многозначного слова, а во-вторых, от других типов значений. В карачаево-балкарском языке, как и во многих других тюркских языках, конструктивно ограниченные значения слов в абсолютном большинстве случаев проявляют себя в позиции второго компонента изафетной конст-

рукции: *жагъа* 1. «ворот, воротник», 2. «берег» (*сууну жагъасы* «берег реки», *тенгиз жагъа* «берег моря»); *тиш* 1. «зуб», 2. «зубчик, долька, зубец» (*сарысмакъны тиши* «зубчик чеснока», *таракъ тиш* «зубец пилы»); *бутакъ* 1. «ветка», 2. «зуб вил» (*айрыны бутагъы* «зуб деревянных вил»; *сенек бутагъы* «зуб вил»); 1. *къулакъ* «ухо», 2. «ушко» (*челек къулакъла* «ушки ведра», 3. «зубчик» (*жаулукъну къулакълары* «зубчики платка (шерстяного»)), 4. «перила» (*кётюр къулакъла* «перила моста»), 5. «спинка мебели» (*орундурукъну онг къулагъы* «правая спинка кровати») и т.п.

Первые значения этих слов – структурно неограниченные: *жагъа* 1 «ворот – часть одежды вокруг шеи», *тиш* 1. «зуб – орган во рту для откусывания и разжевывания пищи», *бутакъ* 1. «ветка – боковой отросток дерева, кустарника, травянистого растения», *къулакъ* 1. «ухо – орган слуха». Другие же значения конструктивно ограничены и выявляются лишь при употреблении слов в изафетной конструкции, что и дифференцирует их: *жагъа* 2. «берег – край земли около воды», *тиш* 2. «зубчик, долька, зубец – выступ (обычно острый) на инструменте, орудие, части машины или часть плода некоторых растений», *бутакъ* 2. «зуб – один из зубьев вил», *къулакъ* 2. «ушко – у некоторых предметов приспособление для подвешивания, подъема».

Таким образом, фразеологически связанные значения проявляются во фразеологических или других устойчивых сочетаниях, конструктивно ограниченные – в свободных словосочетаниях, а синтаксически обусловленные – в предложениях.

1.2.2.4. Номинативное и экспрессивно-синонимическое значения

Номинативное значение слова непосредственно направлено на предметы и явления, реально существующие в объективном мире, это «опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений» [Виноградов 1977: 171]. В словах с таким значением эмоциональные и экспрессивные элементы могут и отсутствовать и присутствовать. Например, слова с такими элементами – *юйчюк* «домик», *жашичыкъ* «паренёк», как и слова без них – *юй* «дом», *жаши* «парень», являются словами с

номинативным типом значения. Тем не менее эмоциональность и экспрессивность не являются основными элементами значения в подобных словах. Такие слова обычно сочетаются с другими словами свободно, конечно, в пределах логической возможности.

Экспрессивно-синонимическим называется такое лексическое значение, в котором основным является эмоционально-оценочный элемент, выступающий на первый план. Особенностью этого типа значения является то, что «на предметно-понятийное ядро наслаивается закреплённая узусом эмоционально-экспрессивная окраска» [Туркина 1977: 18]. Слова с экспрессивно-синонимическим значением функционируют прежде всего как экспрессивные синонимы слов с номинативным значением, выполняющих сигнификативную функцию, и проявляют себя в сопоставлении с ними. Ср., например, номинативные значения слов *ат* «лошадь», *юй* «дом», *кёнчек* «брюки», *аш* «еда, пища», *аууз* «рот» со значениями их стилистических синонимов *мырка* «кляча», *гыты* «хибара», *шалбар* «штаны», *кьабарыкь* «хавушка», *гай* «хайло». Некоторые слова могут выступать в номинативном и экспрессивно-синонимическом значениях. Например, у слов *gedеш*, *ит*, *тёммек / тенгек* в карачаево-балкарском языке значения «курятник», «собака», «чурка» – номинативные, а значения «хибара», «плохой человек», «инвалид, калека» – экспрессивно-эмоциональные.

Это свидетельствует о том, что тип значения слов может изменяться при возникновении особых условий, номинативные слова могут выполнять экспрессивно-синонимическую функцию.

Слова с *экспрессивно-синонимическими значениями* существуют в языке так же самостоятельно, как и слова с номинативными значениями. «Однако воспринимаются в сознании носителей языка по ассоциации с их номинативными синонимами» [Фомина 1990: 42]. Это означает, что появление слов с экспрессивно-синонимическим значением обусловлено существованием в языке стилистически нейтральных слов, синонимичных им.

1.2.3. Соотношение значений многозначного слова

Лингвисты давно пришли к единому мнению, что значения многозначного слова связаны каким-то общим смысловым

стержнем, что «многозначное слово представляет собой микро-систему, в которой значения взаимосвязаны и взаимообусловлены» [Прохорова 1980: 32; см. также: Юлдашев 1972: 376]. Однако соотношение между прямым (основным, первичным) и переносным (производным) значениями многозначного слова нельзя считать выясненным до конца.

Прежде чем перейти к вопросу о смысловом соотношении между основным и производным значениями слова, остановимся на вопросе самостоятельности значений многозначного слова и его тождества.

Самостоятельность лексических значений слова доказывает то, что каждое из них:

1. Обозначает отдельное понятие, поэтому названия этих понятий могут принадлежать разным лексико-семантическим группам. Например, у слова *тёш* значение «бугор» принадлежит к лексико-семантической группе «возвышенность» (*тау* «гора», *дуппур* «холм»), *тёбе* «курган», *сырт*, *сыртлыкь* «плато, плоскогорье»), а значение «грудинка (у птицы)» – к лексико-семантической группе «части тела птицы» (*кьанат* «крыло», *бут* «нога», *баш* «голова», *баур* «печень», *ташдордан* «желудок», *жюрек* «сердце»).

2. Может входить в разные типы значений: первое значение данного слова *тёш* – номинативное, второе по происхождению – экспрессивно-синонимическое.

3. Входит в отдельную антонимическую пару: *карач.-балк.* значение *тёш* «бугор» – *тюз* «ровное место», значение *тёш* «грудинка (самое почетное место у птицы)» – *баш* (самое нелюбимое место, которое обычно не едят).

4. Имеет неодинаковую возможность для образования синонимов: значение *тёш* «бугор» – *тёбе* «курган» – *дуппур* «холм», значение *тёш* «грудинка (птицы)» не имеет синонимов.

5. Имеет различную лексическую сочетаемость: в значении «косогор» слово *тёш* сочетается только со словами, показывающими размер: *уллу тёш* «большой косогор», *гитче тёш* «небольшой косогор», *бийик тёш* «высокий косогор», *алаша тёш* «низкий косогор», а в значении «грудинка (птицы)» – со словами, показывающими размер, упитанность, название птиц: *уллу тёш* «большая грудинка», *гитче тёш* «маленькая грудинка», *семиз*

тёш «жирная грудинка», *арыкъ тёш* «нежирная грудинка», *тауукъну тѣшю* «грудинка курицы», *къырым тауукъну тѣшю* «грудинка индошки», *къазны тѣшю* «грудинка гуся» и т.п.

6. Имеет различные словообразовательные возможности: от значения *тёш* «косогор» образуются: существительные *тѣшек* «матрас», *тѣшчыок* «бугорок», *тѣшеме* «мягкая удобная постель», прилагательные *тѣшлю* «бугристый», *тѣшсюз* «не имеющий бугров», глагол *тѣше-* «стлать, мостить что», от значения *тёш* «грудинка (у птицы)» – только прилагательное *тѣшлю* «грудастый».

Несмотря на свою самостоятельность, указанные значения не нарушают тождества слова *тёш*. Для объединения описания двух различных понятий в систему одного слова способствуют следующие факторы:

1. Одинаковость звучания. Это, конечно, не означает, что все одинаково звучащие слова входят в одну микросистему. Например, не являются членами одной микросистемы слова-омонимы – *битдир-* «закончить, завершить» и *биттир* «летучая мышь» (фонетические), *ай* «луна» и *ай* «месяц», *иги* «хорошо» и *иги* «хороший» и т.п., потому что идентичность их звукового состава не зависит от системы слова, не подкреплена семантическими отношениями.

2. Определенные отношения, существующие между значениями слова на основе общих семантических ассоциаций. В нашем случае – метафора: основное и переносное значения объединяют сходство различных предметов, что и обеспечивает тождество слова «*тёш*».

То, что производные значения образуются путем переноса названия с одного предмета, явления на другой предмет, явление по их сходству или смежности, говорит о том, что название первого предмета, явления является первичным, производным. Однако ни в названии этого значения, ни в определении его сути нет полного согласия во мнениях лингвистов. Так, первичное значение одни из них называют общим значением [Якобсон 1936 № 6], другие – главным значением [Курилович 1955: 81], третьи – обобщенным значением [Кузнецова 1983: 10], четвертые – ведущим значением [Юлдашев 1972: 380, 381]. Большинство же исследователей называет это значение основным, что вполне соответствует,

на наш взгляд, роли первичного значения слова: ему прямо или косвенно подчиняются все остальные значения.

Лексикологи признают, что не всегда легко выделить основное значение многозначного слова [Шмелев 1973: 78; Туркина 1977: 23]. Хотя смысловой характеристике слова посвящена большая литература, еще не выработалось единое мнение о том, что является главным критерием определения основного его значения. Большинство исследователей в качестве основного значения признают степень употребительности, другие – степень воспроизводимости, третьи – объем значения, четвертые – базовый характер.

С нашей точки зрения, ни один из этих критериев не отражает адекватно истинное содержание основного значения слова.

То, что основное значение слова не есть статистически господствующее, наиболее употребительное его значение, можно видеть, например, на значениях таких карачаево-балкарских слов, как *аякъ*, *дырын*. Сравним употребление прямых и производных значений этих слов.

Аякъ

1. «нога – одна из нижних конечностей человека, животных и птиц»: *уллу*, *гитче*, *кенг*, *узун*, *къысха*, *ауругъан аякъ* «большая, маленькая, длинная, короткая, большая нога», *атны*, *ийнекни*, *ёгюзню*, *къойну*, *эчкини*, *тюени*, *бузоуну*, *тауукъну*, *къазны д.а. к. аягъы* «нога лошади, коровы, вола, овцы, козы, верблюда, теленка, курицы, гуся и т.п.»;

2. «конец, предел, последняя грань чего-либо в пространстве или во времени»: *ыйыкъны*, *айны*, *каварталны*, *жсылны*, *ёмюрню*, *элни*, *шахарны*, *кёлню*, *бассейнни*, *орунну*, *тойну*, *жырны*, *хапарны*, *ишни д.а.к. аягъы* «конец, недели, месяца, квартала, года, века, села, города, озера, бассейна, постели, свадьбы, песни, рассказа, работы и т.п.».

Дырын

1. «скошенная трава»: *дырын жыяргъа* «убирать сено», *дырын къуруду* «скошенная трава высохла», *дырын чириди* «скошен-

ная трава сгнила», *дырынны айландырырғыа* «переворачивать скошенную траву», *дырын жибиди* «скошенная трава намокла»;

2. «процесс уборки сена»: *дырынга чыкь-* «выйти на уборку сена», *дырын жетди* «подшло время уборки сена», *дырынга барырғыа* «идти на уборку сена», *дырындан келирге* «прийти с уборки сена», *дырын баиланды* «началась уборка сена».

Нет никакого основания считать, что прямые значения этих слов более употребительны, чем их переносные значения. А таких слов в каждом тюркском языке довольно много. К тому же употребительность значений слов в тюркских языках не исследована, поэтому при решении этого вопроса лексикографы обычно руководствуются своей интуицией, а это часто приводит к субъективизму.

Структура производного слова имеет немаловажное значение для его осмысления. Однако на основе этого не всегда можно определить подлинное значение слова.

Естественно, значения многих слов отличаются по объему (широте употребления): у одних он шире, у других уже. Так, прямое значение слова *этек* «подол» употребляется в таких словосочетаниях: *кенг, тар, узун, кысыха, хар этек* «широкий, узкий, короткий, длинный, кружевной подол», *чепкенни, жыйрыкъны, тонну, плацны, палтонну, жамычыны этеги* «подол платья, дубленки, плаща, пальто, бурки», *этеки бюк-* «подшить подол» и др., а переносные значения «конец, край» – в двух словосочетаниях: *чегетни / агъачны этеги* «опушка леса», *жер этеги* «край света», «подножие» – в одном; *тауну этеги* «опушка леса» – в другом. Но слов, у которых производные значения по объему не уступают прямым, в тюркских языках много (такowymi являются приведенные выше слова *аякь, дырын*). Поэтому вряд ли можно считать широкие значения основными.

Известно, что не всегда можно установить прямую зависимость в развитии значений слов [Туркина 1977: 24]. Поэтому нельзя считать надежным критерий, согласно которому основным считается значение, на базе которого возникают остальные значения слова.

Нам представляется, что признак, на основе которого должно выделяться основное значение в слове, более удачно сформулировали Е.К. Курилович, Д.Н. Шмелёв и В.Н. Прохорова. Е.К. Кури-

лович указывал на такой признак основного значения, как независимость его от контекста [Курилович 1962: 246]. Эта мысль в более ясной форме выражена Д.Н. Шмелёвым, считающим основным такое значение, «которое наиболее обусловлено парадигматически и наименее – синтагматически» [Шмелев 1973: 212]. По мнению В.Н. Прохоровой, «основное значение есть название того понятия, в содержании которого сочетается большинство дифференциальных признаков понятий, обозначаемых этим словом» [Прохорова 1980: 10].

Иногда нелегко бывает различать не только разные типы значения, но даже варианты одного и того же типа значения. Например, не так просто отграничить прямые номинативные значения слов *жагъа* «ворот», *тённе* «макушка, темя» от их производно-номинативных значений «берег» (*сууну жагъасы* «берег реки»), вершина (*тауну тённеси* «вершина горы»), потому что в тех и в других своих значениях эти слова называют предметы. Однако в отличие от прямых номинативных («ворот», «макушка», «темя») производно-номинативные значения («берег», «вершина») называют предметы не прямо, а через различные сравнения, ассоциации, которые возникают в сознании человека, но называют их более конкретно, чем прямые номинативные значения; ср.: *ёре жагъа* «стоячий воротник» и *тенгизни жагъасы* «берег моря», *эки тёнпели* «имеющий две макушки» и *терекни тённеси* «макушка дерева». Основное их отличие в том, что производно-номинативные значения более зависимы от контекста, чем прямые номинативные значения.

Значения одного и того же типа, например, переносные, тоже неоднородны. Так, переносными являются как значение «секрет, тайна», так и значения «начинка, фарш» (*хычинни ичи* «начинка пирога»), «подкладка» (*пальтону ичи* «подкладка пальто») слова *ич* «внутренняя часть чего-либо». Однако образность первого и двух других переносных значений неодинакова: образность первого переносного значения не потухла, а у других переносных значений она уже потухла. Иначе говоря, перенос в первом случае собственный, а в других случаях он генетический. Исходя из этого, переносные значения слова можно подразделить на *собственно переносные* и *генетически переносные* [Гузев 1985: 23]. Вторые, называемые еще как номинативно-

переносные (см. выше), функционируют в языке наравне с прямыми значениями, то есть для наименования предметов объективной действительности.

1.2.4. Пути развития переносных значений слов

В лингвистической литературе о способах образования переносных значений слов нет единого мнения. Некоторые исследователи наряду с метафорой и метонимией выделяют как самостоятельные виды переноса еще синекдоху [Ахманова 1969: 405; Реформатский 1960: 83; Шмелев 1977: 101-103; Калинин 1978: 35], перенос по сходству функций [Шмелев 1977: 103-105], ассоциативный признак [Новиков и др. 1987: 48-49], контекст [Малкондуева 1970: 7-8; Пшуков 1982: 47-51]. По нашему мнению, их не следует выделять как особые виды: они являются разновидностями метафоры и метонимии. Поэтому в данной работе мы будем говорить о метафорическом и метонимическом переносах, имеющих место во всех языках, а также эвфемизации и табуировании, которые в карачаево-балкарском языке занимают заметное место в образовании переносных значений слов, как об особых видах переноса.

Выделение этих способов образования переносных значений слов обусловлено тем, что, образуя определенное семантическое единство, значения многозначного слова связаны между собой на основании сходства реалий или смежности.

1.2.4.1. Метафорический перенос названий

Метафора (от греч. *metaphora* – перенесение) как языковой феномен означает перенос названия одного понятия на другое по сходству признаков этих понятий. Такой перенос обусловлен свойством человеческого мышления сравнивать уже имеющиеся понятия о предметах, действиях, явлениях с новыми.

Разные предметы, действия, явления с такими же понятиями могут иметь сходные признаки. Эти признаки делают возможным употребление названий предметов, действий, яв-

лений одного семантического класса для обозначения другого семантического класса.

По свидетельству лексикологов, «чем более многопризнаковым, информативно богатым и нерасчлененным является значение слова, тем легче оно метафоризируется. Среди имен это, прежде всего, конкретные существительные – имена естественных родов (то есть предметов, явлений, понятий, объединенных общими существенными признаками. – Ж.Г.), реалий и их частей» [Арутюнова 1990: 296]. К таковым в тюркских языках прежде всего относятся названия частей тела человека: *аууз* (*авыз* ~ *агыз* ~ *ооз*) «рот, пасть» и *карач.-балк.* «ущелье», *кёз* (*күз* ~ *гёз*) «глаз» и «ушко (иголки)», «отверстие (в оконной раме для стекла)», *бурун* «нос» и «кончик», *кьаши* «ухо» и «лука (седла)», *тил* «язык» и «язычок» (*напр.* ботинка, пряжки подпруги)» и др. Так же активно употребляются в переносном, метафорическом, значении слова, наиболее употребительные и важные для жизни общества: *алтын* «золото» и «о ком-либо, о чем-либо, отличающемся большим достоинством»; *юй* «дом» и «семья, семейство», *тамал* «основа, основание, фундамент» и «источник, главное в чем-либо», *атлам* «шаг» и «развитие, движение чего-либо», *таш* «камень» и «место обитания человека», *жол* «дорога» и «способ, метод», *аш* «пища, еда» и «то, что является источником для чего-либо», *жан* «душа» и «человек», «самое главное, суть чего-либо», *суу* «вода» и «сок» и др.

Метафоризация значения может проходить в пределах одной функциональной категории слов либо сопровождаться синтаксическим сдвигом. Метафоризация, не выходящая за пределы конкретной лексики, используется для целей номинации. Вторичная для метафоризации функция служит техническим приемом образования имен предметов: *карач.-балк.* *жагъа* «ворот, воротник» и *жагъа* «берег» (*сууну, кёлю жагъасы* «берег реки, озера»), *этек* «подол» и «подножие» (*тауну этеги* «подножие горы»), *кьаши* «бровь» и *кьаши* «лука» (*иерни кьаши* «лука седла»)» др. Такой тип метафоры некоторые лингвисты называют *номинативным* [Арутюнова 1990: 296].

Следует различать языковые (узуальные) метафоры и индивидуальные (окказиональные) метафоры. *Языковые метафоры* – это факты языка, результат переноса на основе реле-

вантных и общеизвестных признаков сходства. *Индивидуальные метафоры* – факт речи, результат переноса на основе второстепенных, нерелевантных признаков, они экспрессивны. Следовательно, различие «метафорического переноса» и «метафоры», о которых говорилось чуть выше, есть различие между языковыми и индивидуальными метафорами.

Сходство между предметами и явлениями объективной действительности в тюркских языках, как и в других языках, может быть самым различным, например, во внешних признаках, в выполняемых функциях, в месте расположения, в форме и вкусе и т.д. В соответствии с этим и образуются переносные значения. Например, в карачаево-балкарском языке:

1. Сходство местоположения: *аякъ* «нога» и «ножка» (*столну аягъы* «ножка стола»), *къанат* «крыло» и «край» (*жаулукъну къанаты* «край платка»), *баш* «голова» и «колос» (*будай баш* «колос пшеницы»), «ботва» (*гардошну / картофну башы* «ботва картофеля»), *боюн* «шея» и «шейка» (*гёгенни боюну* «шейка кувшина»).

2. Сходство формы, внешнего вида, производимого впечатления: *кёз* «глаз» и «ушко» (*ийнени кёзю* «ушко иголки»), «глазок» (*тюрмени эшигини кёзю* «глазок тюремной двери»), *къулакъ* «ухо» и «ушко» (*чоюнну къулагъы* «ушко котла», *бёркню къулакълары* «уши шапки»), *тил* «язык (орган в полости рта)» и «язычок» (*ботинканы тили* «язычок ботинка»).

3. Сходство функций: [*къанат* «крыло (птицы)» и «крыло (самолета)», *окъ* «пуля» и *карач.* «жало (пчелы)»], *кюбюр* «сундук» и «кузов» (*арбаны кюбюрю* «кузов арбы», *машианы кюбюрю* «кузов машины»), *башчы* «глава, руководитель» и «заправила, зачинщик, заводила, инициатор», *таянчакъ* «спинка, валик, перила, опора» и «опора, поддержка».

4. Сходство характера или поведения: *хайыуан* «скот, скотина» и «глупец, дурак», *тюлкю* «лиса» и «хитрый, лстивый человек», *ит* «собака» и «подлец, негодяй», *келепен* «проказа» и «гадкий, жестокий, зловердный человек», *доммай* «зубр» и «о спокойном, тихом человеке».

5. Сходство эмоциональных восприятий: *тамгъа* «пятно» и «позор», *шапа* «повар, кашевар», «прислуживающий за столом» и «о раболепном приспешнике, подхалиме», *жарты* «половина» и «(умственно) неполноценный человек, придурок».

Следует отметить, что часто перенос осуществляется одновременно по двум признакам, особенно по сходству формы и местоположения: *жинигирик* (балк.) «локоть» и «поворот дороги, изгиб чего-либо», *бурун* «нос» и «носик (кувшина, кумгана и т.п.)», *тиш* «зуб» и «зубец (пилы, гребенки)», *бууун* «запястье» и «один из суженных участков стебля», *танка* «полка» и «выступ (скалы)», *кьалакь* «лопатка» и «весло».

Индивидуальные метафоры являются одним из важнейших изобразительных средств в тюркской литературе, особенно в поэзии. Они возникают на основе какого-нибудь непривычного сходства, это образные явления действительности, например: *кюнню кьылычы* «коромысло солнца», *кюнню кьолу* «рука солнца», *сууукьну ийнелери* «иглы мороза», *хауаны чарсы* «завеса воздуха», *жайны тылтыуу* «дыхание лета», *жерни чачы* «волосы земли», *булутланы кёзлери* «глаза облаков», *отну тили* «язык пламени».

Иногда трудно отграничить языковые метафоры от индивидуальных, потому что они образуются по одной и той же характерной для данной тематической группы модели, хотя, как уже отмечалось, и имеется для этого критерий – необычность и экспрессивность индивидуальной метафоры. Например, если сравнить метафоры *кюнню кьолу* «рука солнца», *кюнню кёзю* «свет солнца (букв. «глаз солнца)», *кюнню кьылычы* «коромысло солнца», *кюн таякьла* «лучи солнца», то в окказиональности метафор *кюнню кьолу* и *кюнню кьылычы* сомневаться не приходится: такое употребление совершенно необычно и встречается только у единичных авторов. Что касается метафор *кюнню кёзю* и *кюн таякьла*, то они употребляются очень часто, потеряли свою «экспрессивность в результате уничтожения двуплановости» [Прохорова, 1980, 13], выступают в функции уже не переименования, а наименования, поэтому наравне с метафорами *терезени кёзю* «отверстие (в оконной раме для стекла)», *ийнени кёзю* «ушко (иголки)» стали языковыми.

Думается, что характер метафоры, степень ее узуальности в сочетаниях *ботинканы тили* «язычок ботинка», *ачхычны тили* «бородка ключа», *талкьыны тили* «подвижная деталь (похожая на язык) кожемалки», *отну тили* «язык пламени» ничем не отличаются. Употребление слова «*тил*» в подобных сочетани-

ях нормативно. Тем не менее многие словари исследуемых языков не фиксируют значение «язык пламени» в слове *тил*, а его другие переносные значения- «бородка (ключа)», «язычок (ботинка)» – регистрируют как специальные и разные.

Приведенные примеры говорят о том, что между индивидуальными и языковыми метафорами нет принципиальных различий, индивидуальные метафоры с течением времени могут стать языковыми.

1.2.4.2. Метонимический перенос названий

Метонимия (от *греч. metonymia* – переименование) – это замена одного слова другим на основе связи их значений по смежности. При метонимии название с одного класса объектов или единичного объекта переносится на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности [Арутюнова 1990: 300].

Метонимические переносы употребляются в языке чаще, чем метафорические. Как и метафорические, они бывают индивидуальные и узуальные.

Основными видами *узуальных* метонимических переносов в тюркских языках являются следующие:

1. Перенос названия с материала на изделие из него: *чепкен* «домотканое сукно» и «мужская верхняя одежда из этого материала (черкеска)», *чоюн* «чугун (сплав железа и углерода)» и «котел из этого металла», *мюйюз* «рог» и «бокал из рога», *чын* «фарфор» и «пиала», *чай* «высушенные и обработанные листья вечнозеленого растения, из которых приготавливается ароматный напиток» и «напиток, настоянный на этих листьях».

2. Перенос названия с одного явления на другое, когда они связаны во времени: *ашхам* «вечер, сумерки» и «еда в это время в период уразы», *сараиш* «время до рассвета в период уразы» и «еда в это время», *ингир* «вечер, вечернее время» и «общественное собрание в это время», *ушхуур* «вечер» и «ужин».

3. Перенос названия отрасли знания, науки на предмет науки и наоборот: *лексика-* «словарный состав» и «наука о словарном составе», *грамматика-* «грамматический строй» и «наука о

грамматическом строе», *фонетика*- «звуковой строй языка» и «раздел языкознания, изучающий звуковой строй», *стилистика*- «учение о стилях речи» и «раздел языкознания, изучающий системы стилей языка».

4. Перенос названия с действия на его результат: *окьюу* «учение» и «учеба», *иш* «процесс действия» и «предмет, являющийся итогом, результатом работы как действия», *боюу* «украшение» и «краска», *айтыу* «говорение» и «легенда, предание», «поговорка», *жазыу* «писание» и «письмо, алфавит», «запись», *даулаш*- «спорить» и «спор, ссора», «дискуссия», *сюрюу* «выгон, прогон» и «стадо, отара».

5. Перенос названия с вместилища на вместимое (одно в другом или на другом): *стол* «предмет мебели», «такой предмет мебели вместе со всем, что поставлено на нём для еды», «отдел в учреждении, занимающийся *каким-либо* специальным кругом дел», *юй* «дом» и «семья», «двор, усадьба», *жилик* «мосол, мозговая кость» и «костный мозг».

6. Перенос названия с действия на инструмент действия: *билеу* «точка *чего-либо*» и «оселок, брусок, точило», *эгеу* «пилка, пиление, точка, стачивание *чего-л.* (напильником)» и «напильник», *буруу* «закручивание, завинчивание, скручивание» и «бурав, сверло», *тырнау* «царапание» и «грабли».

7. Перенос названия с состояния и свойства предмета на предмет (обычно абстрактный): *жангылыкь* «новизна, состояние нового» и «новость», *аманлыкь* «плохое качество или состояние *чего-либо*» и «подлость, пакость», «преступление, правонарушение», *игилик* «хорошее, положительное качество *кого-либо, чего-либо*» и «добро, благодеяние», *ариулукь* «состояние красивого» и «красота», *тюзлюк* «правота, невинность, невиновность» и «правда», *усталыкь* «мастерство (умение)» и «специальность, квалификация», *кыйынлыкь* «трудность, сложности» и «несчастье, горе», *тазалыкь* «чистое состояние *кого-либо, чего-либо*» и «чистота».

8. Перенос названия с действия на средство действия: *жагыуу* «смазка, втирание» и «мазь», *чулгъау* «обертывание, заворачивание, наматывание» и «портянка», *байлау* «связывание, обвязывание, перевязывание, перевязка» и «повязка, бинт».

9. Перенос названия с орудия на действие, производимое этим орудием: *чалгъы* «коса» и «косовица, сенокос», *оракъ* «серп» и «жатва, косовица».

10. Метонимический перенос названий имеет и более сложные модели, но они малопродуктивны, например: родовое название переносится на видовые: *агъач* «лес (дерева)» и «дерево», «дерево, бревно (как материал, древесина)», *къагъыт* «бумага» и «письмо», «документ», *къошун* «керамика (изделия из обожженной глины)» и «масса, из которой изготавливаются такие изделия (*спец.*)», «кровельный материал в виде обожженных глиняных или цементных желобочных пластинок», «отдельная такая пластинка», «кувшин, горшок, жбан».

11. Перенос происходит по логической смежности: *баш* «голова» и «человек, душа (при счете людей), количество (при счете скотины)», «ум, рассудок», «глава, предводитель», «супруг, муж (*разг.*)», *жан* «душа (нематериальное начало в человеке)» и «душа (человек)», «самое основное, главное, суть чего-либо».

12. Специфической разновидностью метонимии является перенесение названия с целого предмета на его часть, называемое *синекдохой* (от *греч. synekdoche* – соотношение).

Она имеет широкое распространение особенно в карачаево-балкарском языке: *дуру / дюрю* «полоса скошенной травы» и «валок (гряда скошенной травы)», *къала* «город» и «крепость», «дворец», «башня», *къабакъ* «село, селение» и «ворота», *аякъ* 2. «нижняя часть ноги животного» и 3. «копыто», *къап* «тыква (растение)» и «плод этого растения», *сохан* «лук (растение)» и «листья или луковицы этого растения», *быхы* «морковь (растение)» и «корни этого растения», *хууан* «дыня (растение)» и «плод этого растения», *чюгюндюр* «свекла (растение)» и «корень этого растения», *машина* «механизм, совершающий *какую-нибудь* полезную работу» и «автомобиль, автомашина» и др.

Вопрос об отнесении переноса названий плодов и ягод на их растения в некоторых языках, например, в карачаево-балкарском, нуждается в уточнении. В этом языке названия растений и их плодов и ягод не совпадают. В названиях плодовых и ягодных растений обязательно присутствуют слова *терек* «дерево» или *кёкен / котур* «куст»: *алма терек* «яблоня», *эрик терек*

«слива (дерево)», *наныкъ терек* «малина (куст)», *дугъум кёкен / котур* «куст смородины», *итбурун кёкен / котур* «куст шиповника» и др. При названии же плодов и ягод этих растений «прибавки» «терек», *кёкен / котур* отсутствуют: *алма* «яблоко», *эрик* «слива», *наныкъ* «малина», *итбурун* «шиповник», *дугъум* «смородина». Поэтому плоды, ягоды и растения, на которых они растут, не могут быть названы одним словом. Следовательно, здесь не приходится говорить о синекдохе. Некоторые лексикологи, не учитывая это обстоятельство, утверждают, что слово *алма* означает «яблоко» и «яблоня», *кертме* «груша» и «грушевое дерево», *шантал* «абрикос» и «абрикосовое дерево», то есть в таких словах видят перенос названия плода, ягоды на их растения [Отаров 1996: 5].

Другое дело – названия бахчевых культур. В них действительно имеет место явление *синекдохи*, так как названия таких растений и их плодов (и корней) совпадают, и название с плода или корня переносится на их растения: *наша* «огурец (плод)» и «растение огурца», *харбуз* «арбуз (плод)» и «растение арбуза», *чюгюндюр* «свекла (корень)» и «растение свеклы», *турма* «редис (корень)» и «растение редиса», *къап* «тыква (плод)» и «растение тыквы» и др.

Помимо узуальных, в исследуемых языках довольно много случаев индивидуальных, контекстуально обусловленных употреблений переноса названий по метонимической модели. Собранный нами фактический материал свидетельствует о том, что в моделях образования метафор гораздо больше узуальных значений, а в моделях метонимических образований – индивидуальных употреблений. Между моделями образования в индивидуальных метафорических и метонимических переносах значений обнаруживается ещё такое различие: индивидуальная метафора очень часто употребляется в произведениях художественной литературы, являясь выразительным тропом, индивидуальная же метонимия обычно является достоянием разговорной речи.

Основные случаи индивидуальной метонимии в тюркских языках можно показать на примере карачаево-балкарского языка:

1. Перенос названия с вместилища на содержимое или объем содержимого: *шыша / шеша* «бутылка» и «жидкость»,

содержащаяся в бутылке», *табакъ* «тарелка» и «еда, содержащаяся в тарелке», *аякъ* «чашка, тарелка, миска», «бокал, чарка, кубок, чашка» и «содержимое этой посуды».

Подобные примеры некоторые лингвисты оценивают как факт языка [ТСТЯ 1981: 216; Пшуков 1982: 42; Отаров 1996: 14; СБЯ 1993: 290]. Однако здесь не лингвистическая метонимия, а метонимия индивидуальная. «Не с приобретением словами новых специальных значений, а с подчинением (разрядка автора. – Ж.Г.) их общей метонимической модели нужно объяснить такое употребление существительных, обозначающих сосуда, разные виды посуды и т.п., как *выпил два стакана, пролил все ведро* и т.п. (в отличие от «собственного» значения слова *блюдо*)» [Шмелев 1973: 221].

2. Перенос названия с места населенного пункта на совокупность его жителей: *эл* «село» и «жители села», *школ* «школа» и «преподаватели» и «учащиеся школы», *класс* «класс» и «учащиеся», *шахар* «город» и «жители города», *ауул* «аул» и «жители аула» и др.

Не учитывая того факта, что в языке совокупность людей может обозначаться словом, обозначающим место, где они живут, работают и т.д., некоторые лексикологи и лексикографы считают, что в таком случае слово приобретает соответствующее значение [ТСТЯ 1977: 10; Пшуков 1982: 41-42; Отаров 1996: 4]. В подобных случаях следует видеть не языковые значения, а употребление, то есть окказиональную метонирию. Объясняя окказиональность употребления слова *берег* в значении «люди, живущие на берегу» во фразе «Кулика этого знает уже весь *берег*», Д.Н. Шмелев отмечает, что в этой фразе «существительное *берег* возможно не потому, что оно имеет значение «люди, живущие на *берегу*», а потому, что в языке существует закономерность, согласно которой многие названия местностей, помещений, учреждений и т.д. могут быть использованы также для обозначения находящихся там людей» [Шмелев 1973: 220].

3. Перенос названия с социального события, мероприятия на его участников: *съезд* «собрание представителей каких-нибудь организаций, групп населения и т.п. и «участники съезда», *кенгеш* «совещание» и «участники совещания» и др.

Вряд ли можно согласиться с Н.Д. Арутюновой, которая в подобных переносах усматривает не индивидуальную, а узуальную метонимию [Арутюнова 1990: 300].

4. Перенос названия с имени автора на его произведения.

Квалифицирование некоторыми исследователями аналогичных употреблений словарным явлением представляется неубедительным, поскольку «возможность подобного употребления имен собственных обусловлена не тем, что они приобретают какие-то новые значения, но тем, что языку вообще присущи подобные виды метонимических сокращений» [Шмелев 1973: 221].

5. Употребление единственного числа вместо множественного: *Орусну туз арбасы кьоян тутар (погов.)* «У русского телега, нагруженная солью, зайца поймает (то есть русский человек все делает не торопясь, но обстоятельно)».

Кьой кютген – байлыкьгьа, жылкьы кютген – субайлыкьгьа (погов.) «Овцеводство (букв. пасти овцу) – ради богатства, коневодство (букв. пасти лошадь) – ради престижа».

В данных примерах имена существительные *орус* «русский», *кьой* «овца» употреблены вместо *оруслула* «русские», *кьойла* «овцы».

Естественно, аналогичное использование имен существительных нельзя отнести к метонимическим изменениям значений, как это делают некоторые лингвисты [Отаров 1996: 5].

1.2.4.3. Эвфемизация и табуирование

В каждом языке имеются неприличные, грубые или нетактичные слова и выражения. Образованные, культурные и вежливые люди предпочитают заменять их приличными, тактичными словами и выражениями, то есть эвфемизмами (*греч. euphemismos*, от *eu* – хорошо, и *phemi* – говорю). Это приводит к образованию синонимов, омонимов и многозначности. Например, в карчаево-балкарском языке замена слова *кьарт* «пожилой, старый» эвфемизмом *уллайан* делает их синонимами: замена слова *ёл* «умереть» словом *аууш* порождает лексико-грамматические омонимы: *аууш* I «перевал» – *аууш*- II «умереть»; замена слова *кьозла* «рожать» словом *кьутул* расширяет семан-

тику глагола *кьутул*- 1. «спасаться, избавляться», 2. «убегать», прибавляя к нему новое значение – 3. «разрешиться».

В соответствии с темой данного исследования нас интересует эвфемизация как способ образования многозначности. При этом анализируются лишь эвфемизмы – существительные, что тоже связано с этой темой; значительная часть эвфемизмов карачаево-балкарского языка – это глаголы и имена прилагательные.

У карачаевцев и балкарцев грубоватым является слово *кьатын* «жена». Поэтому оно заменено смягченным, нейтральным в стилистическом отношении синонимом *бийче* «княгиня». Так появилось многозначное слово *бийче* 1. *ист.* «княгиня», 2. «жена, супруга».

Нетактичные для литературного языка слова *бууазлыкь* «беременность», *кьуйрукь* «зад, задница» заменили эмоционально нейтральные *кьарын*, *арт*. Значения «плод, беременность», «часть тела человека ниже спины», таким образом, стали вторыми значениями слов *кьарын* «живот», *арт* «зад, задняя сторона чего-либо, место, расположенное сзади».

Некоторые грубые, неприятные слова заменяются не одним, а несколькими эвфемизмами. В таких случаях среди них встречаются слова, имеющие иронический оттенок. Таковыми, например, являются слова *быстырбаш* (*букв.* «с тряпкой на голове») – синоним слова *кьатын* (наряду с *бийче*).

Нередки такие случаи, когда причиной замены слова бывает не грубость, оскорбительность, невежливость его, а пренебрежение, неуважение или просто желание скрыть его смысл от людей. Например, *милициячы* «милиционер» часто заменяется словом *кьызылжагьа* «человек с красными петлицами (*букв.* с красным воротником)», *шайтан* «черт» – *терсаякь* «с кривыми ногами», *бит* «вошь» – *гужума* (*карач.*) «волчья стая», *ууакь мал* «мелкий скот», *гитлерчи* «гитлеровец», *фашист* или любое другое слово, имеющее значение «враг», *терстамгьа* (*букв.* «человек с неправильно поставленным клеймом»). Все эти эвфемизмы имеют проторечный, разговорный оттенок.

Приведенные примеры говорят о том, что эвфемизмами могут быть как эмоционально нейтральные, так и экспрессивно-эмоционально окрашенные слова, что они заменяют не только грубые, нетактичные, но и неудобные для данной обстановки сло-

ва. В связи с этим неубедительным кажется мнение тех лексикологов, которые считают, что эвфемизмы – «эмоционально нейтральные слова или выражения» [Арапова 1990: 590].

К эвфемизации примыкает и табуирование – запрет на слова по суеверным или каким-либо другим представлениям. Это явление связано «с верой в возможность непосредственного воздействия на окружающий мир при помощи языка» [Леонтьев 1990: 501]. Древние карачаевцы и балкарцы твердо верили, что употребление слова, которое является названием нехорошего явления, предмета, может вызвать какую-либо беду. Поэтому они вынуждены были переименовать названия некоторых реалий. Это в основном были названия тяжелых и заразных болезней и хищных животных.

Например, слова *эшек гуммос* «рак (злокачественная опухоль)», *кёме* «корь» были запрещены из-за боязни распространения болезней, названных ими. Их заменили существующие в языке слова *атайтмаз букв.* «имя которого нельзя назвать» (вместо *эшек гуммос*), *бюртюк* «зерно» (вместо *кёме*). В результате у «заменителей» появились новые значения: *бюртюк* 1. «зерно», 2. табу «корь», *атайтмаз* 1. «имя которого нельзя назвать», 2. «рак (*мед.*)».

Этот вид табуирования, появившийся на религиозно-мистической основе, сохранился в основном в речи старшего поколения.

Другой вид табуирования связан с обычаем народа, запрещающим произносить имена *мужа, жены, свекра, тёщи, шурина, умершего* и других. Например, пожилые супруги карачаевцы и балкарцы не называют имен друг друга. В значениях «муж» и «жена» употребляется ими слово *юйдеги*.

Кроме того, женщины своих мужей называют словом *эр киши*, а мужчины своих жён – словом *тиширыу*. В результате такого табуирования у слов *юйдеги* «семья», *эр киши* «мужчина», *тиширыу* «женщина» появились новые значения: «муж, жена», «муж, супруг», «жена, супруга».

Запрет может быть наложен на слова и по другим соображениям, например, с целью сокрытия преступления. Так, в прежние времена с целью грабежа, угона скота совершались набеги, называемые «*жортууул*». Чтобы скрыть истинную цель своих набегов,

участники их запретили произносить это слово и в значении «набег» употребляли другое слово – *кёнчеклик* «отрез на брюки». В результате последнее приобрело дополнительное значение – «набег с целью грабежа, угона скота» (*букв.* «поход за отрезом на штаны»).

Исходя из приведенных фактов, понимание табу только как религиозного запрета [Ожегов 1973: 723; СРЯ 1982: 329; Леонтьев 1990: 501] представляется нам узким.

Еще одна особенность эвфемизации и табуирования, выявленная на материале карачаево-балкарского языка: оба эти явления могут сосуществовать в одном слове, как и его значения. *бюртюк* 1. «зерно». 2. «крупица, частица», 3. *табу* «корь», 4. *карач. табу* «ячмень (на глазу)».

1.2.5. Основные факторы и условия, способствующие многозначности слов

Как и словарный состав языка, значения слов находятся в постоянном развитии, изменении. И это связано с изменением реалий, их социальной оценки, табу и т.д. Изменения же реалий обусловлены изменениями, происходящими в экономической, политической и культурной жизни народа. Следовательно, образование многозначности – обязательная закономерность развития словарного состава языка [Уфимцева 1962: 221; Прохорова 1980: 29; Новиков и др. 1987: 41].

На развитие многозначности могут влиять как внеязыковые, так и языковые причины. Главными из внеязыковых причин являются две. Первая – это *принцип экономии*. Суть его заключается в следующем: нельзя обозначать каждое новое понятие словом, ибо это приведет к непомерному увеличению словарного состава языка. Поэтому «...мы вынуждены использовать одно и то же слово для обозначения разных предметов, связываемых в нашем языковом сознании, перенося названия данного предмета на другие» [Новиков и др.: 1987: 41]. Вторая причина определяется *способностью человека обобщать в слове явления окружающего нас мира*, которая отражается в языке, в том числе в многозначности [Будагов 1958, № 6; Смирнова 1970: 161-165].

Приведем несколько примеров, отражающих внеязыковую причину развития многозначности имен существительных.

Например, слово *жан* «душа» получило новые значения «живое существо, создание», «душа, едок, человек», «вдохновитель, душа» в связи с религиозными представлениями, бытовавшими у многих тюркских народов.

Многозначность слова *жюрек* «сердце», видимо, связана не столько с тем, что является важнейшим жизненным органом человека, сколько с тем, что выступает как очень распространенный образ фольклора. *Ёнке* «лёгкие», *бюйрек* «почка», *тамакъ* «горло, глотка, гортань» – тоже важные органы человека, тем не менее они однозначны. Словари не зарегистрировали ни одной поговорки и поговорки с этими словами. На слово же *жюрек* приводится свыше двух десятков этих единиц.

Слово *тёре* первоначально имело значение «третейский суд», которое сохранилось и поныне: *Тёре кесген бармакъдан къан чыкъмаз* (погов.) «Из пальца, порезанного тёре, кровь не пойдет [то есть тёре справедлив]». С изменением политического строя, например, у карачаевцев и балкарцев это слово приобрело новые значения – «обычай, порядок», «привычка»: *Кесинден таматаны сыйлагъан, къарыусузгъа болуихан, тамата аллына келсе, къобун, къолун тутхан дегенча ахишы тёрелерибиз кёрдюле* (журн. «*Минги-Тау*») «У нас много хороших обычаев: уважать старших, помогать слабым, встать перед старшим и подать ему руку и другие»; [Ильяс Хасанга]: *Неди сени бу мени кёргенлей, иичилерингден тарыгъып башлагъан тёрениз?!* (Гадийланы И.) «[Ильяс Хасану:] Что у тебя за привычка: как только видишь меня, начинаешь жаловаться на своих рабочих?!».

Причины образования многозначности бывают внешние и внутренние. К внешним относится, например, образование переносных значений слова, обусловленное русско-тюркским двуязычием. Например, терминологические значения «прилагательное», «корень», «жила, сосуд», «подлежащее», «ворота (*спорт.*)», «вклад» у карачаево-балкарских слов *сыфат* «облик, внешний вид», *тамыр* «корень», *башчы* «руководитель, начальник, лидер, главарь», *къабакъ* «село, селение», «створка, ставня, ставень, ворота», *къошум* «добавка, прибавка» появились таким образом. Из внутренних причин можно назвать взаимодействие литературного

языка с диалектами и его вариантов (например, карачаевского и балкарского) между собой. Так, благодаря этому появились значения «возраст», «ремешок из шкуры овцы или козы» у слов *жыллыкь* «годовщина», *жары* «тонкая овчина без шерсти» в карачаевском варианте, «радость», «место обитания человека» у слов *жарыкь* «свет», *таши* «камень», а у слов *кюрёк* «лопата (для сгребания, насыпания чего-либо)», *гелля* «бабушка» – диалектные значения «лопата (для копания земли)», «мама».

Развитию многозначности слов в исследуемых языках способствуют различные условия. Основными из них являются следующие:

1. Отсутствие экспрессии и эмоциональной окраски у производящего слова. Это особенно заметно в синонимичных словах. Например, в карачаево-балкарской синонимичной паре слов *кекел* и *чуукал* «чуб» первое не имеет экспрессии и национальной окраски. В ТСКБЯ у этого слова отмечены три значения: 1) *чуб* – спускающаяся на лоб прядь волос у мужчин: *Лиза Азаматны кекелчигин онг жанына тарады, башына дух сепди (Токьумаланы Ж.)* «Лиза расчесала чубчик Азамата на правую сторону и надушила волосы»; 2) *чёлка* – опущенная на лоб и подстриженная прядь волос: *Кюзю аллында сюелип, кьызыкь, кекелчигин бармагы бла буруб, бурма этерге кюрешеди (Бабаланы С.)* «Стоя перед зеркалом, девочка закручивает свою чёлку пальцем, стараясь ее завить»; 3) *оселедец* – длинный чуб, оставляемый на бритой голове: *[Залим:] Асхат, сен да, запорожьечи кьазакълылача, кекел ёсдюре кёреме (Залийханланы Ж.)*. «[Залим:] Асхат, оказывается, ты тоже, как запорожские казаки, оставляешь (на голове) оселедец». А слово *чуукал* – диалектизм, то есть имеет экспрессию, поэтому у него лишь одно значение, совпадающее с первым значением слова *кекел*. В синонимичных словах *жюк* и *ылыкыф* «груз» второе – архаизм, однозначно, а первое многозначно: 1) *груз* – товар, принимаемый для перевозки: *Жюгю ауур болса, эшек жоргъа болур (посл.)* «Если груз тяжелый, то осел начинает семенить (еле идет)»; 2) залог, заклад, задаток, вещь, остающаяся у выдавшего под нее ссуду: *Кюбюрчекге жыяйым мен малынгы, борчлу бол жюкге берирге жанынгы (сб. «Жилтинле»)* «Я соберу твой скот вместе, если дашь свою душу под

залог»; 3) *бремя, обуза* – тяжесть, нечто тяжелое, трудное: *Къзауатны ауур жюгюнден талгъан аскерчиле энди жоббу-жоббу олтурадыла (Къобанланы Д.)* «Уставшие от тяжелого бремени войны бойцы сидят группами». В ряду однокоренных синонимов *тилчи – тилляй – тилтаппа – тилбаракъ* с общим значением «доносчик, ябедник» первое слово, лишенное экспрессии и эмоциональности, выступает в трех значениях: 1) «доносчик, ябедник» – человек, занимающийся доносами: *Тилчи акъгъа къараны жагъар (погов.)* «Ябедник белое очернит»; 2) «сплетник» – человек, который сплетничает: *Тилчини тили хунадан ётер (посл.)* «Язык сплетника каменный забор пробивает»; 3) редко «языковед» – ученый, специалист по языковедению: *Илму кенгешге белгили тарихчиле, тилчиле, адабиятчыла, этнографла эм археологла къатышхандыла (газ. «Къарачай»)* «На научном совещании принимали участие известные историки, языковеды, литераторы, этнографы и археологи». Остальные три слова – из ряда просторечных, у которых лишь одно значение, общее для всего ряда.

2. Частота употребления слова, если обозначаемое им понятие актуально. Например, в лексико-семантической группе названий кухонной посуды: *аякъ* «чаша, чашка», *къашыкъ* «ложка», *чанчхы* «вилка (столовая)», *табакъ* «миска, тарелка», *стакан, чолту* «половник, поварёшка», *пиала, кружка* переносные значения образует только слово *аякъ*. 1) «чаша, чашка» – небольшой, округлой формы, сосуд для питья»: *Кюмюш аякъда суу татыулу кёрюнюр (посл.)* «В серебряной чаше вода кажется вкуснее»; 2) «бокал, чарка, кубок» – посуда для вина в виде большой рюмки: – *Айып этме – энди ичаллыкъ тюйюлме, – деп, Хамит аягъын бир жанына тюртдю (Тёппеланы А.)* «Не обесудь, больше не могу пить», – сказал Хамит и отодвинул свой бокал»; 3) тост – короткая речь с пожеланием *чего-либо* и предложением выпить в честь *кого-либо* или *чего-либо*: *Шохла, ой шохла! Алгъыш аякъ алыгъыз, толкъун къарсла урулуп, тюз тепсеуге барыгъыз! (Гыттыулары М.)* «Друзья, эй, друзья! Поднимите бокалы за заздравный тост, под хлопки в ладоши танцуйте групповой танец!». Объясняется это нужностью, актуальностью понятия, обозначаемого словом *аякъ*. Другие же слова данной группы однозначны, потому что обозначаемые

ими понятия являются менее активными, хотя по частоте употребления, возможно, не уступают слову аякъ. Еще пример. Слова, входящие в лексико-семантическую группу «металлы» (*алтын* «золото», *кюмюш* «серебро», *багъыр* «бронза», *жез* «медь, латунь», *акъкъалай* «алюминий», *къоргъаши* «свинец», *темир* «железо» и др.), часто употребляемы и однозначны. Исключение из них составляет лишь слово *алтын* «золото», которое имеет переносное значение (см. выше), что объясняется указанным обстоятельством.

3. Нечленимость основы слова с морфологической точки зрения. У слов с производной основой словообразовательных возможностей меньше, чем у слов с непродуцной основой. Это объясняется тем, что «значение словообразовательных формантов индивидуализирует общее значение слова и мешает использованию его в качестве знака для обозначения других понятий» [Прохорова 1980: 21]. Так, в ТСКБЯ из 86 многозначных существительных на букву А производными являются 28 (32,5%), из 82 существительных на букву Ж-32 (39%). Следовательно, подавляющее большинство имен существительных с переносным значением имеет непродуцную основу. Данные нашего исследования показывают также, что слова с производной основой в основном не имеют переносных значений, то есть однозначны.

4. Словообразовательные возможности лексико-семантической группы, к которой относится данное слово. Наличие переносных значений слов в значительной степени зависит от их словообразовательных возможностей. Анализируя различные лексико-семантические группы имен существительных, мы убедились в том, что те из них, которые лишены деривационных потенциалов, не употребляются и в переносных значениях. Это названия металлов, украшений, напитков, кушаний, пищевых продуктов, орудий труда, деревьев, инструментов, тканей и изделий из них, машин, постельных принадлежностей, мебели и многие другие.

Из такой огромной массы имен существительных многозначны лишь единицы: *ийне* «иглолка, игла»: 1. «заостренный металлический стержень с ушком для вдевания нити, употребляемый для шитья»: *ийне баишаланы кийиндиреди, кеси уа къымыжады* (посл.) «Иглолка других одевает, а сама голая»; 2. *перен.* «предмет такой

формы, заостренный с одного конца, колющий»: [Айю:] *Киртини уа хорлар эдим, алай ийнелеринден кьоркьама* («Халкь жомакь-ла») «[Медведь:] Ежа бы я, конечно, одолел, но боюсь его игл»; *эт* «мясо» 1. «мясо» – части туши убитых животных, употребляемые для приготовления пищи: *Эт келсе, кет дейди* (погов.) «Мясо подали – пора уходить»; 2. *перен.* «тело» – организм человека: *Этинг кюйгенден эсе, этегинг кюйсюн* (погов.) «Чем телу гореть, лучше пусть подол горит»; *гыржсын* 1. «чурек, лепешка» – хлеб в форме большой толстой лепёшки: *Гыржсынны кеп чайнасанг, чий керюнюр* (погов.) «Если долго будешь жевать, чурек сырым покажется»; 2. «хлеб» – средство существования: [Мамаш Умаргьа:] *Билемисе, сен бизни гыржсыныбызны сыйыра тураса* (Шауаланы Х.) «[Мамаш Умару:] Знаешь, ты отбираешь наш хлеб»; *стол* «стол» (см. выше), *тёшек*: 1. «матрас, тюфяк» – мягкая толстая стёганая подстилка на кровать или предмет такого же назначения с твердым каркасом: *Мен тёшекде жатмагьанлы да бола болур ай* (Езденланы А.) «С тех пор, как я не лежал на матрасе, прошел, наверное, месяц»; 2. *перен.* «постель» – место для сна с постоянными на нем спальными принадлежностями: *Жамий тёшекни жыйды да ийнеклени сауаргьа чыкьды* (Кьулийланы Х.) «Жами убрала постель и вышла доить коров».

Наибольшей словообразовательной активностью, а следовательно, и возможностью образования многозначности в карачаево-балкарском языке отличаются следующие лексико-семантические группы существительных:

1. Названия степени родства: *ата* «отец»; 2. *мн.* «предшествующее поколение, предки»; 3. *перен.* «основатель, родоначальник чего-либо»; 4. «отец (обращение детей к отцу)»; 5. «*ата* (обращение к пожилому мужчине)»; *ана* 1. «мать»; 2. «мама (обращение к матери)»; 3. «мать (обращение к пожилой женщине)»; 4. «самка (у некоторых животных)»; *эгеч* 1. «сестра»; 2. «женщина, объединенная с кем-либо общими интересами, положением, условиями»; 3. «сестра (обращение к молодой женщине)»; *кьарындаш* 1. «брат»; 2. «фамильярное или дружеское обращение к мужчине»; 3. «товарищ, единомышленник»; *жаш* 1. «юноша, парень»; 2. «сын (мужчина по отношению к своим родителям)»; 3. «сын (страны, Балкарии, Карачая и т.п.)»; 4. «сын (обращение к молодому мужчине)»; *кьыз* 1. «девушка»; 2. «дочь (лицо жен-

ского пола по отношению к своим родителям»); 3. «женщина как носитель характерных черт своего народа, общества, страны»; 4. «сестра (обращение к молодой женщине)»; 5. *карт.* «дама».

В этих примерах перенос в основном метонимический. Исключение составляют три метафорических переноса: вторые значения в словах *жаш* и *къыз* и четвертое в слове *ана*.

2. Названия животных, особенно домашних: *эшек* 1. «осел»; 2. *прост.* «о тупом человеке»; *ит* 1. «собака»; 2. *прост.* «о плохом человеке»; *къадыр* 1. «мул»; 2. *прост.* «об упрямом человеке»; *тюлкую* 1. «лиса»; 2. «о хитром, льстивом человеке»; *ийнек* 1. «корова»; 2. *груб. прост.* «о толстой, неуклюжей, а также неумной женщине»; *ёгюз* 1. «вол»; 2. *груб. прост.* «о неуклюжем и неумном мужчине»; *къой* 1. «овца»; 2. *разг.* «о спокойном человеке»; *жсилян* 1. «змея»; 2. «фурия» и др.

Следует отметить, что названия птиц и насекомых в ряде языков, например, в карчаево-балкарском, в переносном значении вообще не употребляются, а названия диких животных и пресмыкающихся употребляются редко.

В указанной группе слов основанием для переноса (метафорического) является сходство человека с животным: сходство физических качеств, свойств, поведения. Человек приписывает мулу упрямство, лисе – хитрость, овце – покорность, кротость, ослу – тупость, змее – злость, собаке – подлость и т.д. и эти качества переносит на человека.

3. Ботаникосемизмы: *урлукъ* 1. «семя»; 2. «порода, сорт»; *тамыр* 1. «корень»; 2. *анат.* «жила, сосуд»; *бюртюк* 1. «зерно»; 2. *карач.* «ячмень (на глазу)»; 3. *перен.* «частица, крупица»; *зыгыт* 1. «глазок, росток»; 2. «побег, отросток», *жетек* 1. *бот.* «побег, пасынок»; 2. *этно.* «ветвь, колено», *чирчик* 1. «почка»; 2. *перен.* «потомок».

В этой группе слов, где перенос также метафорический, прослеживаются различные этапы роста растения.

4. Название частей тела человека и вообще антропоморфные слова [Черданцева 1984: 132]: *баш* 1. «голова»; 3. «ум, рас­судок»; 12. «крыша»; *бурун* 1. «нос»; 2 «обоняние» (*Аны буруну ишлемейди* «У него нет обоняния»), 3. «передняя часть чего-либо» (*къайыкъны буруну* «нос лодки»), *тил* 1. «язык»; 2. «пленный», 3. «язык (*напр.* пламени)» и др.

Здесь имеют место оба вида переноса: метафора и метонимия: 12-е значение *баиш*, 3-е значение *бурун*, 3-е значение *тил* – метафора, 3-е значение – *баиш*, 2-е значение *бурун*, 2-е значение *тил* – метонимия.

Все слова, входящие в перечисленные группы (из слов 4-й гр. приведены лишь некоторые), участвуют в словообразовании.

1.3. Омонимия генетически родственных слов, относящихся к одной и той же части речи

Разграничение омонимии и полисемии до сих пор продолжает оставаться трудной, до конца неразрешенной проблемой. Взгляды лингвистов на эту проблему диаметрально противоположны. От решения её зависит ответ на вопрос, существуют ли в языке этимологически тождественные омонимы или омонимами являются слова, различные по происхождению.

Трудность разграничения полисемии и омонимии привела некоторых лингвистов (*напр.*, В.И. Абаева, А.В. Калинина, Н.М. Шанского) к более простому решению вопроса: омонимами следует считать только слова, различные по происхождению.

Так, по мнению В.И. Абаева, «между полисемией и омонимией нет ничего общего, никаких точек соприкосновения. Полисемия никогда не может стать омонимией и обратно» [Абаев 1957: 40].

А.В. Калинин также считает, что слова, одинаково звучащие, никак не могут быть связаны между собой по смыслу [Калинин 1978].

То же самое утверждает Н.М. Шанский: «Омонимами являются... слова, одинаково звучащие, но имеющие совершенно различные, невыводимые сейчас одно из другого значения...» [Шанский 1964].

Данная точка зрения направлена на глубокое изучение природы слова как лексической единицы, на восстановление его истории. Она помогает избежать смешения омонимии и полисемии при подаче соответствующих единиц в словарях, поскольку проблема разграничения этих явлений исчезает сама по себе. Однако, как совершенно верно замечает Д.Н. Шмелев, «во-первых, не во всех случаях удаётся установить происхождение слова, а во-вторых, – и это главное – следование такой

установке отодвинуло бы понятие омонимии в область исторической лексикологии, в то время как именно для современных языков приходится разграничивать значения, связанные одно с другим, и значения, которые, хотя и выражены одинаковой звуковой формой, в семантическом плане не имеют ничего общего. Это вопрос не только лингвистической теории, но и лексикографической практики» [Шмелев, 1990: 345]. С 60-х годов XX в. мнение, согласно которому, омонимы могут образоваться и на базе полисемии, т.е. в результате утраты смысловой связи между значениями слова, начинает преобладать над первым мнением. Сторонники его считают это закономерным процессом, являющимся результатом развития языка. Так, исследователь башкирской лексикологии М.Х. Ахтямов пишет, что «признав возникновение многозначных слов закономерным и необходимым явлением языка, нельзя не признавать и образование лексических омонимов из былой полисемии также естественным и закономерным, и возникновение многозначных слов, и образование на этой основе лексических омонимов есть результат одного и того же процесса – развития языка, его содержательной и формальной сторон» [Ахтямов 1966: 8]. В настоящее же время мало кто из специалистов сомневается в том, что производное значение слова со временем может потерять связи с исходным значением, в результате чего обособляется от него и приобретает такую же самостоятельность, какую имеет исходное значение. То, что это, т.е. возможность перерастания полисемии в омонимию является фактом языка, доказана многими лингвистами и на примере разных (родственных и неродственных) языков. В качестве омонимов, образованных таким путём, в словарях приводятся, например, слова типа *карач.-балк. ай* «луна» и *ай* «месяц (время года)», *сюр-* «гнать, гонять» и *сюр-* «пахать», *башк. ойо-* «свернуться (о молоке)» и *ойо-* «неметь, цепенеть (о конечностях)», *сәсәк* «цветок» и *сәсәк* «оспа»; *киргиз. кон-* «сидеть с лета» и *кон-* «ночевать», *тамак* «глотка, горло» и *тамак* «еда, пища»; *русс. свет* «вселенная» и *свет* «освещение», *рак* «пресноводное или морское животное с клешнями и брюшком» и *рак* «злокачественная опухоль». Однако в этих же словарях нередко наблюдается неразличение полисемии и

омонимии: с одной стороны, необоснованное разделение на омонимы многозначных слов, а с другой, объединение в одной словарной статье явных омонимов. Например, в ТСКБЯ значения слов *башчы* «руководитель, начальник» и «подлежащее» (*грам.*) *бич-* «кроить» и «кастрировать», *бёлюм* «отдел, отделение, раздел, часть» и «слог» (*грам.*) квалифицированы как омонимы, а в КРС *бай* «богач» и *бай* «муж», *кун* «солнце» и «день», в УРС *ой* «луна» и «месяц (часть года)», *ойлик* «месячная зарплата, оклад» и «месячник», являющиеся настоящими омонимами, – как значения. Такие случаи имеют место даже в словарях тех языков, в которых омонимия рассматриваемого типа изучена значительно лучше, чем во многих других языках. К таким относится, например, русский язык, в словарях которого по-разному оценены значения слов *мех* «шкура пушного животного» и «мешок из шкуры животного», *долг* «обязанность» и «деньги, взятые займы», *приход* «поступление денежных средств» и «церковно-административная единица»: в словаре С.И. Ожегова – как омонимы, а в СРЯ – как значения. Объясняется это тем, что теоретические основы выделения генетически родственных собственно лексических омонимов пока что не выработаны. «Проблема непосредственно связана с определением семасиологических границ слова, что, несмотря на многочисленные попытки её теоретического осмысления на материале самых различных языков, продолжает оставаться во многом неясным и спорным» [Юлдашев 1972: 288].

В 1960 году Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР проводило специальную дискуссию по вопросам омонимии. Существующие разногласия по данной проблеме не были преодолены и на ней, хотя в ней принимали участие ведущие лексикологи страны. Несмотря на это, она была полезной: 1) выявила все существующие мнения по обсуждаемой проблеме и дала им объективную оценку; 2) установила недостаточную разработанность вопроса о разграничении полисемии и омонимии; 3) убедила большинство участников в правоверности выделения в качестве омонимов значений слова, несвязанных между собой по смыслу; 4) нацелила специалистов на дальнейшее исследование проблемы на материале конкретных языков.

Следует отметить, что мнения лингвистов по вопросу о роли распада многозначного слова не совпадают. Одни из них (*напр.*, А. И. Смирницкий, В.В. Виноградов, А.А. Реформатский) считают процесс расхождения значений слова непродуктивным, другие (*напр.*, Е.М. Галкина-Федорук, О.С. Ахманова, З.А. Толмачёва, А.А. Юлдашев, Ж.М. Гузев, М.И. Фомина, Д.Н. Шмелев) продуктивным.

Так, по мнению А.И. Смирницкого, основным источником пополнения языка омонимами следует считать случайные звуковые совпадения [Смирницкий 1954: 78].

В.В. Виноградов был уверен, что «еще меньше омонимов обязано своим образованием семантическому распаду единой лексемы на несколько омонимичных лексических единиц типа *свет* – «вселенная» и *свет* – «освещение» [Виноградов 1960: 10].

А.А. Реформатский утверждал, что в русском языке «больше всего омонимов, возникших благодаря заимствованиям» [Реформатский 1967: 90].

Анализ литературы по данному вопросу свидетельствует о том, что сторонников второго мнения довольно много. При этом они ссылаются на следующие обстоятельства: 1) если в 50-х годах XX в. *свет* «освещение» и *свет* – «Земля, мир, вселенная», *долг* – «обязанность» и *долг* – «взятое взаймы» рассматривались как варианты одного и того же слова с разными значениями, то в настоящее время они квалифицируются как омонимы; 2) расхождение значений слова наблюдается в языке не только у исконных русских, тюркских и других слов, но и у слов, заимствованных из какого-либо одного языка. Например, в *русск. агент* – «представитель государства, организации» и *агент* – «действующая причина тех или иных явлений» (из лат.), *карач.-балк. ууахты* «время» и *ууахты* «судьба, рок» (из араб.); 3) на 2360 омонимичных слов зарегистрированных в словаре О.С. Ахмановой 248 случаев разошедшейся полисемии [Фомина 1990: 71].

Наряду с активностью и продуктивностью способа расщепления значений слова специалисты указывают в то же время и на большие трудности определения завершённости и незавершённости этого процесса. Основная сложность, по их мнению, заключается в том, что расхождение значений, т.е. утрата ими общих семантических элементов, обычно осуществляется

постепенно. А это предполагает, как они считают, «... промежуточные явления между многозначностью и омонимией ... во многих случаях можно говорить о процессе омонимизации значений слова, когда они уже не обнаруживают прочной, регулярной связи, но ещё не стали настоящими омонимами» [Новиков 1987: 53]. Такие явления могут быть «... в языке в каждый период его существования...» [Шмелев 1973: 87]. Следовательно, омонимия – понятие синхроническое: «те или иные слова являются омонимами именно с точки зрения данного состояния языка, как сосуществующие языковые единицы» [Там же: 84], «нет омонимии «вообще» – есть только омонимия определённого состояния языка, той или иной эпохи его развития» [Новиков 1987: 53].

Приведём примеры на слова, которые ещё не стали омонимами, а находятся на стадии омонимизации, т.е. между омонимией и полисемией. Так, слова карачаево-балкарского языка *жаз* «весна» и «охота», *жол* «дорога» и «удача», *узбек. ёқа* «ворот, воротник» и «берег», *сирке* «гнида» и «экзема», *киргиз. эр* «мужчина» и «богатырь, храбрец», *жол* «дорога» и «строка», *караимск. эмэн* «дуб» и «пень», *йолдаш* «товарищ, друг» и «супруг(а)» по смысловому соотношению своих значений стоят как бы на грани распада на омонимы. Однако большинством носителей языка значения этих слов не поддаются однозначной квалификации, поэтому отнесение их к числу собственных омонимов, с нашей точки зрения, нецелесообразно. Поиски объективных критериев оценки завершения процесса омонимизации связаны с указанными трудностями.

За время, прошедшее после дискуссии, появились десятки исследований, посвященных омонимии в языках различных систем. Однако в них описываемый тип омонимов в большинстве случаев не рассматривается. Поэтому проблема разграничения полисемии и омонимии продолжает оставаться во многом нерешённой. Критерии разграничения этих языковых явлений, выдвигаемые лексикологами, касаются лишь отдельных ее аспектов или являются слишком общими. В большинстве случаев в них не учитывается семантическая структура конкретных языков. Так, О.С. Ахманова предлагает следующий критерий разграничения полисемии и омонимии: наличие связи между значениями – по-

лисемия, отсутствие её – омонимия [Ахманова 1957: 113]. Однако когда дело доходит до определения конкретных случаев разрыва семантических связей между значениями, лексикографы испытывают значительные затруднения, потому что эти случаи не определены. Понятие «разрыв семантических связей» истолковывается по-разному. Это приводит к тому, что в разных словарях, как уже указывалось, настоящие семантические омонимы оцениваются как значения одного слова, а в других – наоборот. Во избежание этого, надо помнить, что факт разрыва семантических связей слов – явление индивидуальное, требующее в каждом конкретном случае строгого подхода и решения», следовательно, вопрос о том, могут или не могут быть соединены данные семантические различия в одном слове, возможно решить «только исходя из особенностей семантической структуры именно данного языка» [Шарафутдинова 1968: 51].

Материал тюркских языков показывает, что ненормативность слова в его производном значении не служит препятствием для его квалификации как омонима по отношению к исходному значению, если это значение (производное) в других отношениях удовлетворяет требованиям, предъявляемым к нему как омониму.

Производными могут быть такие ненормативные значения слов, как терминологические, религиозные, новые, устаревшие, стилистически ограниченные, региональные, эвфемистические, диалектные и другие.

Производное значение слова в исследуемых языках часто употребляется в качестве термина, например, карач.-балк. *арна* (мед.) «ячмень» (от *арна* «ячмень»), *къасмакъ* (бот.) «облепиха» (от *къасмакъ* «пригар», «застывшая грязь»), *мысты* (кул.) «приправа» (от *мысты* «кислица»), *кьууукъ* (анат.) «мочевой пузырь» (от *кьууукъ* «полова, мякина»), *киргиз. чыгыш* (бухг.) «приход» (от *чыгыш* «восток»), *кызылча* (мед.) «корь» (от *кызылча* «свекла»), *байламта* (грам.) «союз» (от *байламта* «связь, связка»). Терминологические значения этих слов являются омонимами по отношению к своим исходным значениям, так как употребление их не обусловлено синтаксически, не ограничено только специалистами, и встречаются они не только в специальных текстах.

Значения слов *жазыу* (*жазуу ~ языв*) «судьба», *къара* (*кара ~ кора*) «траур» – религиозные, *туйме* (*туймо ~ туймэ ~ тугма*) «нагрудник, украшение», *жал* «зарплата, арендная плата» – устаревшие, *багъа* (*баа*) «оценка, отметка», *гыллыу* «ритм» – новые. По отношению к своим производящим основам *жазыу* (*жазуу ~ языв*) «письменность», «графика», «письмена», *туйме* (*туймо ~ туймэ ~ тугма*) «пуговица», *жал* «наем», *багъа* (*баа*) «цена», «стоимость», *гыллыу* «бег трусцой» они давно уже осмысливаются как омонимы, потому что, как и их нормативные исходные основы, отвечают требованиям, предъявляемым к ним как омонимам.

Стилистически ограниченные значения слов могут также стать омонимами своих основных значений, ибо они общеупотребительны; ср. *карач.-балк. тыкыр* «цыпки» – *тыкыр* (*пре-небр.*) «лапа (рука)», *курсабай* «экскурсант» – *курсабай* «щеголь, модник» (*прост.*).

Ограниченное употребление производного значения слова не может служить препятствием для его квалификации как омонима по отношению к производящему значению: об этом свидетельствуют, например, слова типа карачаево-балкарских *билеу* (*карач. и балк.*) «оселок, брусок, точило» – *билеу* (*карач.*) «бляха на мужском поясе», *гюх* (*карач. и балк.*) «ступа» – *гюх* (*карач.*) «журавль (у колодца)», *дигиза* (*карач. уст.*) «няня, кормилица» – *дигиза* (*балк.*) «женщина, обслуживающая молодую невесту», *чегет* (*карач.*) «лес» – *чегет* (*балк.*) «северная сторона» и др.

Нередко у слов основное и производное значения бывают региональными. И в таких случаях возникают омонимы, если эти значения общеупотребительны для носителей языка данного региона: *карач.-балк. жагъым* «мазь» – *жагъым* «обояние», *гокка* «узор» – *гокка* (*дет.*) «игрушка, забава» (употребляются карачаевцами).

Эвфемистические значения слов, в отличие от названных выше производных значений, в основном бывают известны определённой части населения, поэтому редко перерастают в омонимы по отношению к своим исходным основам. Так, из трёх с лишним десятков эвфемистических значений существительных в карачаево-балкарском языке омонимами своих исходных значений стали только четыре: *жанлы* (*жандуу*) «живое существо» – *жанлы* (*эф.*) «волк», *уятлыкь* «позор, стыд,

срам» – *уятлыкь* (эвф.) «половой орган», *кир* «грязь» – *кир* (эвф.) «кал, испражнения, нечистоты», *ёшюн* «грудь» – *ёшюн* «грудь (женская)».

Исключение составляют диалектные значения, которые как и сами диалектизмы, в силу своего употребления незначительной частью населения и непонятности его основной массе не могут стать омонимами своих исходных основ. Например, карачаево-балкарское литературное слово *букьу* «пыль» в цокащем диалекте карачаево-балкарского языка употребляется ещё в значении «мука», региональное слово *жалдан* (карач.) «вторичная буза (получаемая после вторичного процеживания хмельной)» в значении «копоть».

Из изложенного по вопросу разграничения полисемии и омонимии вытекает, что в этом вопросе ещё очень много неясного. Однако на дискуссии лингвисты предложили ряд критериев в этом плане: 1) отсутствие смысловой связи между развившимися значениями многозначного слова, т.е. семантический; 2) учёт различия в словообразовательной структуре омонимов; 3) способность слова в производном значении стать производящей основой для дальнейшего словообразования; 4) учёт своеобразия конструктивных свойств, условий употребления и формообразования омонимов; 5) «чутьё» языка; 6) этимологический. После дискуссии прибавилось ещё несколько критериев: 1) различная предметная отнесенность значений слова; 2) наличие у каждого члена омонимичной пары своего фразеологического окружения; 3) синонимический; 4) антонимический; 5) тематический.

Во-первых, представление о сохранности или отсутствии связей между значениями слова «может не совпадать у разных носителей языка, так как оно обусловлено множеством социолингвистических причин» [Прохорова, 1980: 36]. Во-вторых, «решить этот вопрос для всего языка... представляется совершенно невозможным» [Пешковский 1925: 300]. В-третьих, учёт самого факта разрыва смысловой связи между значениями слова, предопределяющего возникновение омонимов, нужен здесь в основном лишь в спорных случаях [Юлдашев 1972: 296]. В-четвёртых, «сущность омонимии составляет не отсутствие смысловой связи между двумя изолированными словами, а то, что они вычлняются и бытуют именно как разные слова с вы-

текающими отсюда последствиями, присущими любому другому слову» [Там же: 295]. Если учесть все эти обстоятельства, то следует признать, что полный смысловой разрыв между значениями слова не может служить опознавательным признаком омонимов.

Действительно, не только трудно, но в ряде случаев даже невозможно установить факт связи отдельных значений слова между собой. В одних случаях связь для носителей языка кажется несомненной, в других – невозможной, а в третьих – сомнительной, т. е. для одних отсутствующей, а для других – присутствующей. Так, наличие связи между значениями «голова» и «глава» в слове *баш*, «пола, подол» и «подножие» в слове *этек* не вызывает сомнений у носителей тюркских языков. В лексемах *кюн* (*кун ~ гун*) «день» и *кюн* (*кун ~ гун*) «солнце», *ай* (*ой*) «луна» и *ай* (*ой*) «месяц» одни из них видят связь, а другие ее отсутствие. В таких же случаях, как *чек*- «взвешивать» и *чек*- «терпеть что-либо», *бау* (*бав*) «хлев, сарай (для скота)» смысловая связь кажется невероятной.

Некоторые производные значения слов уже с момента своего возникновения образуют вместе с исходными значениями словообразовательные ряды, что, естественно, порождает омонимию. Например, карачаево-балкарские слова *жашлыкь* «молодость» и *жашлыкь* «пасынок» образованы от разных значений одного и того же слова по разным моделям: первое – от *жаш* «молодой» по аналогии с *кьартлыкь* «старость», *жангылыкь* «новость», *ариулукуь* «красота», *эришлик* «уродливость»; второе – от *жаш* «сын» по аналогии с *кьызылыкь* «падчерица», *аналыкь* «мачеха». Другие общетюркские слова, например, *жазыу* (*жазуу ~ языв*) «письменность», «графика», «письмена» и *жазыу* (*жазуу ~ языв*) «судьба, предначертание, предопределение» образованы от разных значений одного и того же слова по единой модели: первое – от *жаз-* (*яз-*) «писать», второе от *жаз-* (*яз-*) «предопределять, предначертать» по аналогии с *кечиу* (*гечив ~ кичу ~ кечуу*) «брод» (*от кеч-* (*геч-* ~ *кич-*) «перейти вброд»), *окьуу* (*охув ~ уку*) «учеба» (*от окьу-* (*оху-* ~ *уку-*) «учиться»), *сюрюу* (*сирив*) «стадо» (*от сюр-* (*сир-*) «гнать, выгонять»), *кьашыу* (*кьычыв*) «чесотка» (*от кьашы-* (*кьычы-*) «чесать»).

Однако, во-первых, подобных случаев в тюркских языках мало, а, во-вторых, близость или различие производных значений между собой по смыслу не зависит от смыслового соотношения производящих значений. Поэтому расхождение словообразовательных рядов, образуемых от разных значений слова, не может быть критерием омонимии.

Слово в своём производном значении так же, как и в исходном, может стать производящей основой: ср. *карач.-балк. жазыу* (*жазуу ~ языв*) «письменность», «графика», «письмена» (*жазыучу* «писатель», *жазыулу* «надписанный» – *жазыу* (*жазуу ~ языв*) «судьба, предначертание, предопределение» (*жазыусуз* «непредначертанный судьбой»), *жазыулу* «предначертанный судьбой»), *эшик* «дверь» (*эшикли* «имеющий дверь», «посторонний» (*перен.*)) – *эшик* «двор» (*эшикге* «во двор, на улицу», *эшикде* «во дворе, на улице»), *сюр-* «гнать, выгонять» (*сюрюу* «стадо», *сюркел-* «ползти», *сюрюш-*, *сюрюн-* «раскачиваться») – *сюр-* «пахать» (*сюрдю* «пахота»), *тёш* «бугор, пригорка, холм» (*тёшлеу* «бугристое место», *тёшлю* «холмистый, бугристый», *тёше-* «мостить, стлать») – *тёш* «наковальня» (*тёшле-* «отбивать что», *тёшчюк* «маленькая наковальня», *тёшлю* «имеющий наковальню»).

Одни слова употребляются только с одним или двумя «охота» устойчиво сочетаются только со словом *чыкъ-* (*арна чыкъды* «соскочил ячмень», *жазгъа чыкъ-* «идти на охоту»), а глаголы *тартын-* «быть сведенным судорогой», *жаз-* «успокаивать, утешать, ублажать» – соответственно с существительными *къол* «рука», *бут* «нога» [*къолу тартынды* «его (ее) руку свело судорогой», *бутум тартынды* «мою ногу свело судорогой») и *кёл* «настроение», *жюрек* «сердце» (*кёлюн жаз-*, *жюрегин жаз-* «успокоить его, (ее)»). Тем не менее эти слова являются омонимами слов *арна* «ячмень», *жаз* «лето», *жаз-* «ковать (железо)», катать (тесто)), *тартын-* «смущаться, стесняться». Ограниченная употребительность слова, как и его широкая употребительность, в одинаковой мере могут быть и признаком полисемии; ср.: (*тауну этеги* «подножие (горы)» и (*жыйрыкъны, тонну, пальтону, плацны, жамычыны этеги* «пола (платья, шубы, пальто, плаща, бурки)).

Этимологический критерий исходит из генетических связей слов. Слова – омонимы, образовавшиеся из разных значений слова, должны быть генетически связаны. Данный критерий помогает установить признаки реалий, на основе сходства или смежности которых был сделан перенос. Однако знать этимологию многих слов довольно трудно не только рядовому читателю, но и специалисту, так как в абсолютном большинстве тюркских языков нет ни этимологических исследований, ни этимологических словарей.

По мнению ряда ученых, «чутьё» языка является языковым сознанием, языковой практикой большинства говорящих [Евгеньева 1960: 87], интуитивной ориентацией на «общепринятые нормы осмысления и использования данного языкового явления... в его основе лежит прочный практический навык» [Юлдашев 1972: 297], поэтому оно является одним из опознавательных признаков омонимии. Однако поскольку у людей способность понимать языковые факты никак не может совпасть, «чутьё» языка не гарантировано от субъективизма.

Производные значения корневых слов *кьол* «балка», *бау* (*бав*) «хлев, сарай», *эрик* «дубильный раствор», *тёш* «наковальня», *тютюн* «табак» в отношении к своим исходным значениям (*кьол* «рука», *бау* «завязка», *эрик* «слива», *тёш* «бугор, горка», *тютюн* «дым») имеют различную предметную отнесенность и являются истинными омонимами. Такие же значения общетюркских слов, например, *кьаш* «лука», *баш* (*бош ~ бас*) «ботва», *этек* (*итек*) «подножие», *кьулакь* (*гулак ~ кулак ~ колак*) «ушко», *ич* (*эч*) «начинка» не являются омонимами своих исходных значений (*кьаш* (*гаш*) «бровь», *баш* (*бош, бас*) «голова», *этек* (*итек*) «пола, подол», *кьулакь* (*гулак ~ кулак ~ колак*) «ушко», хотя обозначают другие предметы.

То, что значения первой группы слов между собой омонимичны, а значения второй группы слов полисемичны, связано не с различной предметной отнесенностью их, а с сочетательной возможностью этих слов в производном значении. Слова первой группы в производном значении имеют такую же широкую сочетаемость, какую они имеют в прямом значении, и могут употребляться без определяемых слов. Это и сде-

лало их самостоятельными словами. Слова же второй группы в производном значении сочетаются со строго ограниченным кругом слов и не могут употребляться без определяемых слов. Например, (*иерни*) *къашы* «лука (седла)», (*картофну*, *чюгюндюрню*, *быхыны*) *башы* «ботва (картофеля, свеклы, моркови)», (*тауну*) *этеги* «подножие (горы)», (*чоюнну*, *кастурунну*) *къулагъы* «ушко (котла, кастрюли)», (*хычинни*, *бёрекни*) *ичи* «начинка (хичина, пирожка)».

Исходя из приведенных фактов, различную предметную отнесённость значений корневых слов нельзя считать критерием омонимии.

Из около ста омонимичных пар и групп, зарегистрированных ТСКБЯ и КБРС, в состав фразеологизмов входят члены лишь нескольких из них: *борч* «долг, заём» – *борчха бат-* «увязнуть в долгах», *борчха кир-* «влезть (войти) в долги» и *борч* «обязанность» – *борчдан чыкъ-* «исполнить свой долг», *борч сал-* «обязать кого-л.»; *чот* «счёт, учёт» – *чотха ал-* «брать на учёт», *чотдан чыгъар-* «не брать в счёт» и *чот* «обстановка, обстоятельства дела» – *чот анда туююлдю* «дело не в этом»; *тёре* «третейский суд» – *тёреге кир-* «судиться на (третейском суде)» и *тёре* «обычай, порядок» – *тёре эт-* «соблюдать обычай»; *эшик* «дверь» – *эшиги жабылды* «он (она) пропал (пропала)» (букв. «у него (неё) дверь закрылась»), *эшикни жас-* «испотить дело» (букв. «закрыть дверь») и *эшик* «двор, улица» – *эшикге чыкъ-* «выйти замуж» (букв. «выйти на улицу»). Если руководствоваться критерием, согласно которому образование семантических омонимов подтверждает наличие у каждого члена омонимичной пары своего фразеологического окружения, то в каждом языке омонимов, образованных на базе полисемии, было бы всего несколько. В действительности же в любом языке имеются сотни таких омонимов.

Согласно синонимическому критерию значения слова образуют синонимические ряды, а омонимы их не образуют: ср. *карач.-балк. уахты* «время» и *уахты* «судьба, предначертание» – омонимы (их синонимы *заман* – *кезуу* – *сагъат* и *буйрукъ* – *жазыу* – *къадар* не синонимичны между собой) и *къатын* «жена» и *къатын* «женщина» – значения одного слова (их синонимы *бийче* и *тиширыу* тоже синонимичны между собой).

Согласно антонимическому критерию, значения слова не образуют антонимических рядов, а омонимы образуют их; ср: 1) *бет* «лицо»; 2) *перен.* «совесть»; 3) «склон чего-л.»; 4) «поверхность чего-л.»; 5) «страница» (ни одно из этих значений не имеет антонима) и *аталыкъ* «отцовство» (антоним *аналыкъ* «материнство») и *аталыкъ* «отчим» (антоним *аналыкъ* «мачеха»).

Однако, как показывает материал, синонимические ряды могут образовать не только значения слова, но и омонимы, а антонимические ряды – не только омонимы, но и значения слова: члены омонимичной пары у карачаево-балкарских слов *чулгъау* «сверток, пакет» – *чулгъау* «портянка» имеют синонимов: *чулгъау* – *чулгъам* «свёрток, пакет», *чулгъау* – *чырмау* «портянка»; во-вторых, синонимы этих омонимов тоже синонимичны между собой: *чулгъау* – *чырмау* «свёрток, пакет» и *чулгъам* – *чырмау* «портянка»; значения слов *огъурсуз* 1) «недобрый»; 2) «строптивый»; *эртте* 1) «рано»; 2) «давно» составляют антонимические ряды: *огъурсуз* «недобрый» – *огъурлу* «добрый», *огъурсуз* «строптивый» – *жууаши* «покорный, смиренный, спокойный», *эртте* «рано» – *кеч* «поздно», *эртте* «давно» – *бусагъатда, шёндю* «сейчас; в настоящее время».

К тому же в подавляющем большинстве случаев ни у слов-омонимов, ни у значений многозначных слов не бывает синонимов и антонимов.

Суть тематического критерия в следующем: значения слова называют понятия, принадлежащие к одной и той же тематической группе, а омонимы к разным тематическим группам; ср. *карач.-балк. суу* «вода» – *суу* «река» – *суу* «влага» – *суу* «сок» – значения одного слова, *тиш* «зуб» и *тиш* «скирда», *эшме* «коса (женская)» и *эшме* «коревая сыпь» – омонимы.

Однако омонимами могут быть и слова, называющие понятия, принадлежащие к одной и той же тематической группе, а значения одного и того же слова могут называть понятия, принадлежащие к разным тематическим группам: *карач.-балк. этек* «пола, подол» и *этек* «юбка», *юр-* «дуть» и *юр-* «лаять» – омонимы, *этек* «подол», «подножие», *ич* «зачаток, эмбрион», «начинка», «потроха», «подкладка».

Таким образом, одни из названных критериев характеризуют лишь отдельные случаи разграничения полисемии и омонимии, другие субъективны.

Приемлемыми для всех случаев выделения рассматриваемого типа омонимии А. А. Юлдашев считает следующие критерии, против которых трудно возразить:

- 1) обособленность производного значения слова от всех других его значений;
- 2) способность его употребляться как самостоятельная лексема;
- 3) осмысленность этих двух фактов большинством носителей языка [Юлдашев 1972: 303].

1.4. Слова, образованные вследствие распада полисемии в их отношении к частям речи

1.4.1. Общие замечания

Вопрос о том, многозначные слова каких частей речи могут перерасти в омонимы, в тюркологии не изучен. В работах, посвященных образованию омонимов на базе полисемии, приводятся примеры, как правило, только на существительные. Однако исследуемый нами фактический материал показывает, что значения многозначных глаголов, прилагательных и наречий могут распадаться не в меньшей мере, чем значения многозначных существительных, хотя в словарях не приводится ни одного примера на это. Причина невозможности перерастания полисемии местоимений и числительных в омонимию не нуждается в доказательстве: полисемия на эти части речи, как правило, не распространяется.

Что касается образования служебных частей речи вследствие распада полисемии, то этот вопрос в тюркологии пока не ставится. Если учесть тот факт, что в словарях тюркских языков нет никаких примеров на возникновение омонимов вследствие расхождения значений многозначных служебных слов, то становится очевидным, что тюркологи априори исключают такую возможность. Однако как нам представляется, возможность обособления значений служебных слов, например, частиц и союзов, и образование на этой основе омонимов

является очевидной. Омонимия на послелогои не распространяется, так как они моносемантически.

Итак, в данной работе рассматривается образование существительных, прилагательных, глаголов, наречий, частиц и союзов вследствие распада полисемии.

1.4.2. Образование существительных

Наше исследование подтверждает, что из всех вышеназванных частей речи процесс расщепления многозначного слова и превращение его значений в самостоятельные слова – омонимы более активно происходит у существительных, менее активно у союзов. Наблюдения показывают, что по сравнению со значениями производных существительных значения производных существительных реже перерастают в омонимы. При этом более продуктивными являются производные существительные на *-лыкь / -лик* и *-у*: *кьуллукь* (*куллукь ~ гуллукь*) «рабство, кабала», «холопство, положение крепостного» – *кьуллукь* (*куллукь ~ гуллукь*) «служба, работа, труд, занятие», «пост, чин, должность», *айлыкь* (*ајлыкь ~ ойликь ~ айлыкь*) «оклад, зарплата» – *айлыкь* (*ајлыкь ~ ойликь ~ айлыкь*) «месячник», *жыллыкь* (*йыллыкь, жылдыкь*) «возраст», *тенгликь* (*теңдикь ~ тиңлэкь*) «одинаковость, равноправие» – *тенгликь* (*теңдикь ~ тиңлэкь*) «дружба, товарищество», *жарау* «нужда» – *жарау* «тренировка», *ачыу* (*ачывь ~ ачуу*) «горе, несчастье» – *ачыу* (*ачывь ~ ачуу*) «гнев, злоба, злость», *чулгъау* «портянка» – *чулгъау* «свёрток, пакет», *чырмау* «помеха, препятствие» – *чырмау* «обмотка», «портянка», «узел, свёрток», «связка», *ашау* «корм» – *ашау* «прибыль, доход», «посobie» и др.

П р и м е р ы: *Кишини кьуллукьундан, бийлигинден да бизни хатарыбыз жокьду* (Кучиналаны М.) «Нас не волнует ни господство, ни рабство людей»; *Дуняда уллу кьуллукьдан татлы зат болмаз!* (Токьумаланы Ж.) «На свете нет ничего слаще большой должности!» (карач.-балк.).

Унинг ойлиги қанча? «Каков у него оклад? (Сколько он получает в месяц?)»; *Китоб ойлиги* «месячник книги», *дарахт уткашиш ойлиги* «месячник посадки деревьев» (УРС).

Ачыу, не улуу болса да, тауну бузмаз (посл.) «Каким бы сильным не был гнев, гору не разрушит»; *Ачыу жилияугъа, къууанч тепсерге юйретир (досл.)* «Горе научит плакать, радость – танцевать» (*карач.-балк.*).

Расхождение значений многозначного слова наблюдается в языке не только у исконно тюркских существительных, но и у существительных, заимствованных из других тюркских языков, например, *чоюн* «чугун» – *чоюн* «котел», *чот* «счет», «счеты», «учет» – *чот* (*карач.*) «дело, обязанность, функция» (*русск.*), *чарх* (*чарк ~ чарык*) «точило», «колесо» – *чарх* «организм», «сила, возможность» (*перс.*), *ууахты* «время» – *ууахты* «смерть», «судьба, рок, предначертание» (*араб.*), *гуруиша* «сомнение» (*балк.*) – *гуруиша* «обида, недовольство», «упрек, укор» (*карач.*), *гебенек* «мотылек» – *гебенек* «(войлочная) накидка с капюшоном» (*каб.-черк.*).

Приме ры: Къарындашым а чоюн эритген цехде ишлейди (Жаныбекланы Б.) «А брат мой работает в чугунолитейном цехе»; *Мен а этни табада къуурулгъанындан эсе, чоюнда бишгенин сюеме (Бабаланы С.)* «А мне вареное мясо больше нравится, чем жареное».

Атабызны чархы къолай тюйолдю (журн. «Шуёхлукъ», №19) «У нашего отца самочувствие неважное; *Чархла да кезиу тёнгерейдиле (погов.)* букв. «И колёса катятся по очереди».

Жаш энди гуруишаны, сёгююню кётюралмайды (Хубийланы О.) «Парень теперь не выносит упреков, критику»; *Мени санга бир тюрлю гуруишам жокъду (Гуртуланы Э.)* «У меня нет никакого подозрения на тебя».

Многие производные значения существительных стали омонимами своих исходных основ благодаря тому, что они в языке закрепились как специальные термины, например: *карач.-балк. эшме* «коса (женская)», «плетень», «связка, вязанка» – *эшме* «коровая сыпь», «скарлатина» (*мед.*), *къагъанакъ* «новорожденный» – *къагъанакъ* «слизь (на теле новорожденного теленка, ягненка)» (*вет.*), *жашлыкъ* «молодость» – *жашлыкъ* «пасынок» (*этно.*); *киргиз. кызылча* «свекла» – *къызылча* «корь» (*мед.*), *арпа* «ячмень» – *арпа* «ячмень» (*мед.*) и др.

Приме ры: Халиматны уа ол Теке улу Кемалны жашлыгы сюеди дейдиле (Сылпагъарланы К.) «Говорят, Халимат

любит пасынок Текеева Кемала»; *Ай, жашлыкъ, ай, жашлыкъ, къайдаса сен?! (МПА) «Эх, молодость, молодость, где ты?!» (карач.-балк.)*

Кызылчанын тушумун жыйноо башталып калды (Осмонов А.) «Сбор урожая свеклы уже начался»; Жеңиш болсо кызылчадан ооруп жатат (Салкынбеков М.) «А Жениш лежит больным корью» (киргиз.)

Арыш, арпа да кибэ һэм бодайлар да саргалап башладылар (Ш. Камал) «Рожь, ячмень созрели, и пшеница стала желтеть»; Ул малайның кузлэрэнэң икесенэ дэ арпа чыкты (Ф. Эмирхан) «У этого мальчика на обоих глазах выскочил ячмень» (татар.)

Расхождение значений многозначных слов – существительных нередко может иметь не общезыковой, а региональный характер. Например, *карач.-балк. тиш* «зуб» – *тиш* «вертел» (*карач.*), *чепкен* «сукно (домотканое)» – *чепкен* «платье (женское)» (*карач.*), *этек* «подол, пола» – *этек* «юбка» (*балк.*), *шарт* «признак, черта, свойство» – *шарт* «факт» (*балк.*) и др.

П р и м е р ы: Тиши баргъа чайнап берме (погов.) букв. «Тому, у кого есть зубы, не давай еду прожевав»; *Тиш да, тишлик да кюймезча (погов.)* «Так, чтобы и вертел, и шашлык не горели».

Келля чепкен согдады, атпа уа талкъы бла чабырлыкъ терини ийлейди (Кучиналаны М.) «Бабушка тклет сукно, а дед обрабатывает шкуру для чабыров (обувь из шкуры)»; *Назифаны къыз чепкенлеринден эм мажалы меннге жетгенди (Сылпагъарланы К.)* «Самое хорошее из платьев снохи Назифы досталось мне».

Файруз, чилле жыйрыгыны этеклери жел эте, терк-терк атлап келеди (Къулийланы Х.) «Файруз идет быстро, а полы шёлкового платья развеваются на ветру»; *Этекле, огъары жанла тигип да сатабыз (газ. «Заман»)* «Мы шьем юбки, кофты для продажи».

1.4.3. Образование глаголов

В отличие от значений производных существительных значения производных глаголов расходятся очень редко, а значения производных глаголов – довольно часто, например: *сууур-* «про-

вейвать», *сюр-*, *айда-* «гнать, выгонять», «гнаться за кем», «догонять кого», «кугонять» – *сюр-*, *айда-* «пахать, вспахивать», *ачы-* (*ачи-*) «болеть, испытывать боль» – *ачы-* «сквашиваться», «киснуть, горкнуть», «взойти, подняться (о тесте)», *кеч-* (*кич-*) «идти вброд» – *кеч-* (*кич-*) «прощать», *сёк-* (*сок-* ~ *сук-*) «распаривать, отпаривать», «разматывать, распускать что» – *сёк-* (*сёк-* ~ *сук-*) «критиковать, осуждать», «порочить, хулить, чернить», *кьыр-* (*қир-* ~ *қыр-*) «убивать, уничтожать, истреблять» – *кьыр-* (*қир-* ~ *қыр-*) «сколблить, чистить, тереть», *сокъ-* (*сок-*) «ткать» – *сокъ-* (*сок-*) «ударять, бить» – *сокъ-* «играть (на музыкальном инструменте)», *туй-* «бить, избивать; колотить», «ковать», «молотить, толочь, рушить» – *туй-* «вязать, завязывать, связывать», *сюз-* (*суз-* ~ *суз-*) «фильтровать; цедить, процеживать» – *сюз-* (*суз-* ~ *суз-*) «плавать, плыть»; *ачыт-* (*ачит-*) «причинять боль, вызывать боль», «вызывать жожение» – *ачыт-* (*ачит-*) «заквашивать» (от *ачы-* «сквашиваться»), *тартын-* «быть сведенным судорогой», «натягивать на себя; подтягивать к себе» – *тартын-* «смущаться, стесняться».

Примеры: *Кудай төбөбуздөн сокподубу!* «Ох, и осрамились же мы!» (букв. «Разве бог не стукнул нас по макушке!»); *Колго соккон жун жоолуктар сатылган жерге бардым* (Мамытов К.) «Я пошел туда, где торгуют шерстяными платками ручной работы» (*киргиз.*).

Ургъан, туйген этмегенбиз (*Бабаланы С.*) «Мы его не били, не трогали»; *Зубайда gyранчаны чачакъларын бек ариу туюеди* (*Шауаланы М.*) «Зубайда очень красиво завязывает бахрому шелкового платка» (*карач.-балк.*).

Динар чоң эненин коз айнегин тартынып алган «Динар надела очки своей бабушки»; *Тим эле бет алдынча кеп айнып, тартынбай хандан, суйлөду* (*фольк.*) «Совершенно стесняясь, он смело говорил в лицо хану» (*киргиз.*).

1.4.4. Образование наречий

Словари тюркских языков свидетельствуют, что обычно распадаются значения производных наречий места: *алгъа* (*алга, олдига*) «вперед», – *алгъа* (*алга, олдига*) «сперва, сначала», *алда* (*олди-*

да) «вперед» – *алда* (*олдида*) «вначале», *артха* (*артка*) «назад» – *артха* (*артка*) «на будущее», *артда* (*артта* ~ *ортида*) «позади» – *артда* (*артта* ~ *ортида*) «потом, после», *илгери* (*илгари*) «вперед, впереди» – *илгери* (*илгари*) «раньше, прежде» и др.

П р и м е р ы: Турналаны алчылары – *алда* (посл.) «Вожак журавлей – впереди»; *Назмум, сени ишинг жюреккени жылы-тыуду, сенде турсун жангы жылыуу жазны, жашланы алда иги муратлары (Къулийланы Къ.)* «Стих мой, твое дело – согреть сердца, пусть в тебе живет новое тепло весны, хорошие мечты парней в будущем» (*карач.-балк.*).

Катардан илгери – *кийин тургандар* «Те, кто стоит впереди и сзади ряда (нарушая ряд)»; *Илгери* – *кийин сөз болбосун, бутүрөлү* «Давайте закончим, чтобы потом не было разговоров» (*киргиз.*).

Душманланы аслам кючу артдан келе тура эди (Залийханланы Ж.) «Основная сила врага шла сзади»; *Къарт къой артдан юркюр (погов.)* «Старая овца после всех пугается (когда уже опасность миновала)» (*карач.-балк.*).

Из приведенных примеров видно, что производные значения наречий места, потеряв семантическую связь с исходным значением, переходят в наречия времени.

Распадение значений производных наречий других разрядов наблюдается редко. При этом они, в отличие от производных наречий места, при расщеплении не переходят в другие разряды; ср. *къурулай* «бесплатно» (нар. обр. дейст.) и *къурулай* «всухомятку», «вхолостую» (нар. обр. дейст.), *алгыын* «сначала, сперва» (нар. вр.) и *алгыын* «раньше, прежде; давно, в прежнее время» (нар.вр.).

П р и м е р ы: *Жамбот къойну айтхан багъасындан бир кесек тюшген эди да, оллахий, къурулай бергенча, къуанганма! (Шауаланы М.)* «Жамбот немного уступил от первоначальной цены овцы. Это так меня обрадовало, будто он отдал бесплатно»; *Быллай татлы гыржынны къурулай ашаргъа боллукъду (журн. «Шуёхлукъ»)* «Такой сладкий хлеб можно есть и всухомятку».

Алгыын сагъыш эт да айтырынгы алай айт (посл.) «Прежде чем говорить подумай»; *Алгыын, уруш башлангынчы, биз шахарда жашаучу эдик (Тёпеланы А.)* «Раньше, до войны, мы жили в городе» (*карач.-балк.*).

1.4.5. Образование имен прилагательных

Исследуемый материал показывает, что расщепляться и стать омонимами могут только значения производных прилагательных, а значения непроизводных прилагательных не способны превращаться в омонимы. При этом образование омонимов – прилагательных вследствие распада полисемии имеет меньшее распространение по сравнению с омонимами – глаголами и наречиями. Так, в словарях крачаево-балкарского языка имеются лишь девять пар омонимов – прилагательных, тогда как омонимичных пар глаголов и наречий зарегистрировано в них по два с лишним десятка: *эшикли* «имеющий дверь» – *эшикли* «чужой, посторонний», *жараулу* «годный, полезный, целесообразный» – *жараулу* «замечательный», *кючлю* «сильный, мощный» – *кючлю* «крепкий, острый (на вкус)», *къарангы* «тёмный, сумрачный, мрачный», «невежественный, необразованный» – *къарангы* «глухой, захолустный», *женгил* «лёгкий, незначительный по весу», «лёгкий для усвоения, доступный пониманию», «вспыльчивый, горячий», «слабый (о ветре)» – *женгил* «быстрый», *эсирик* «пьяный» (*карач.*) – *эсирик* «гордый, высокомерный, надменный», *кьуру* «пустой» – *кьуру* «сухой», *айыплы* «позорный, постыдный» – *айыплы* «виновный, виноватый», *эриши* «азартный, усердный» (*карач.*) – *эриши* «ревнивый», «завистливый».

Примеры: *Отоулары бирлери эшикли, бирлери эшик-сиз, поллары паркетлери да иги жабышдырылмагъанды (газ. «Заман») «Одни комнаты имеют двери, другие нет, паркет на полу плохо склеен»; Эшикли чычхан юйлю чычханлы эшикге къыстай эди (посл.) «Посторонняя мышь выгоняет домашнюю мышь на улицу (т.е. чужой своего выживает)».*

Жараулу хансны къатында жараусуз ханс да ёседи (посл.) «Рядом с полезным растением растёт и сорняк»; Барамта элли Нарт уягъа айланган жеринде Барисбий жараулу юй ишле-генди (Гадийланы И.) «В Вольном-Ауле, ближе к Нарт уя, Барисби построил замечательный дом».

Алюминий металланы барысындан да женгилди (газ. «Заман») «Алюминий легче всех металлов»; Валя уа жарыкъ-ды, тау улакъчыкъча, тириди, женгилди (Залиханланы Ж.) «Валя весёлая, ловкая и быстрая, как горный козлёнок».

Ала [жашла] эриш оюнланы бек сюедице (Чотчаланы М.) «Они [парни] очень любят азартные игры»; *Аны эри эришди (КБРС)* «У неё муж ревнивый».

Къалай ангыламайсыз?! Ол айыплы ишди! (Къагъыйланы Н.) «Как вы не понимаете?! Это позорный поступок!» *Жашны тынгысыз кёзлери, адамланы бетлерин айыплы къарам бла аулай, Акъбилекде тохтадыла (Сылпагъарланы К.)* «Беспокойные глаза парня виноватым взглядом обзривали людей и остановились на Акбилеке».

Къарангыны кюню къара (погов.) «У невежественного и жизнь беспросветная»; *Ала бир къарангы элде жашайдыла* «Они живут в захолустном селе».

1.4.6. Образование частиц

В тюркских языках, утратив общие семантические элементы, разошлись значения некоторых частиц, например, типа карачаево-балкарских *а, да, ха, хы, ма, огъай, сора*, которые стали омонимами. В отличие от существительных, глаголов, наречий, прилагательных и союзов, значения которых могут создать омонимичные ряды только из двух слов, значения частиц способны создать такие ряды и из трёх-четырёх слов. Говоря иначе, у других частей речи омонимом по отношению к исходной основе становится лишь одно из производных значений, а у частиц – два, три и четыре значения: *а* (выражает вопрос) – *а* (выражает отрицание) – *а* (выражает просьбу), *да* «и, также, тоже» (употребляется для выделения слова, за которым следует) – *да* «же, и даже, даже и, ведь» (*усил.*) – *да* «ни» (*отриц.*) – *да* (*вопр.*), *ха* «эй!, слушай!» (*побуд.*) – *ха* «а» (*вопр.*), *хы* «да» (*утв.*) – *хы* «ну» (*побуд.*), *ма* «вот; вон» (*указ.*) – *ма* «на, возьми» (со значением сказуемого), *огъай / угъай* «не, нет» (*отриц.*) – *огъай* «напротив, наоборот, не только [но]...» (*против.*), *сора* «а» (*усил.*) – *сора* «разве?» (*вопр.*).

П р и м е р ы: *Алыкъа келиб а, келмегенди Ахмат да (журн. «Шуёхлукъ»)* «Да нет, ещё рано, Ахмат тоже не пришёл»; *Ол библиотекагъа барады, сен а? (ТСКБЯ)* «Он идет в библиотеку, а ты?»; *Келсенг а, жашым, бизге да бир. Солтан бла ойнарса (Гула-ланы Б.)* «Сынок, приходи-ка к нам. С Султаном поиграешь».

Кесинги да, бизни да нек кыйнайса? (КБРС) «Что ты мучаешь и себя, и нас?»; *Ол харип бизден жанын да аярык туююлдою (Зокаланы З.)* «Он от нас и даже жизни не пожалует»; *Къыи да, жай да эримейдиле юсюндеги бузларынз (фольк.)* «Ни зимой, ни летом льды не тают на тебе (Эльбрус)»; *Келирсе да? Келмей къалма, сакълап турлукъма (Кациланы Х.)* «Приедешь, ладно? Приходи обязательно, буду ждать».

Сора ол санга неге керекди? (КБРС) «А зачем тебе это нужно?»; *Сора сен ол ханарны эшитмегенмисе? (КБРС)* «Разве ты не слышал эту весть?»

Ма ол къара булутланы кёремисе? Аланы юслери бла учхан эди бизни самолётубуз (Текуланы Ж.) «Видишь вон те черные тучи? Наш самолёт летал над ними»; – *Ма, къарындашыым, бир суу ичерсе», – деп, Къазий манга бир беитюменлик къагъытны узатды (журн. «Минги-Тау»)* «– На, брат, воду попьёшь», – сказал Кази и дал мне купюру в пятьдесят рублей».

Ха, сеннге айта шойма да! (Сылпагъарланы К.) «Слушай, я же к тебе обращаюсь!»; *Сен а не этесе, ха? (КБРС)* «Что ты делаешь, а?»

1.4.7. Образование союзов

В результате разрыва семантических связей между собой значения карачаево-балкарских союзов *да, не, ансы, дагъыда* также переросли в омонимы: *да* «а» (*против.*) – *да* «потому что, так как» (*причин.*), *не* «или, либо» (*разд.*) – *не* «и» (*соед.*), *ансы* «иначе, а то, а не то» (цели) – *ансы* «разве, если, лишь бы» (*услов.*), *дагъыда* (*дагы*) «и» (*соед.*) – *дагъыда* (*дагы*) «тем не менее, однако» (*против.*).

П р и м е р ы: *Къасым а, къарт эсе да, алыкъа тириди, ишин къоймагъанды (Гуртуланы Э.)*. «А Касым, хотя и стар, еще бодр, продолжает работу» (*карач.-балк.*).

Чалгъы не тамбла, не бирси кюн башланырыкъды «Сенокос начнётся либо завтра, либо послезавтра»; *Саусуз ашамайды, ичмейди, не жукъламаиды* «Больной не кушает, не пьет и не спит» (*карач.-балк.*).

Бекен, Жумакан, Шайлоо, дагы эки жигит бизге коноктоп келишкен (Оморбеков Т.) «Бекен, Жумакан, Шайло, еще два парня

приходили к нам в гости»; *Жаман болсо дагы ал менин тууганым* (Ниязов М.) «Если даже плохой, он же мой родственник» (киргиз.).

1.5. Разработка полисемии и омонимии в словарях

1.5.1. Разработка лексических значений слова

1.5.1.1. Общие замечания

Содержание слова может быть осмыслено и отражено в словаре с различной полнотой и точностью в зависимости от самого характера словаря, от способа и цели описания, от ориентированности предлагаемой информации на определённые хронологические и прочие нормативные рамки. Должное решение этой задачи принято связывать обычно с толковыми словарями. В таких словарях предварительная работа над квалификацией значений слов производится несоизмеримо более тщательно, чем в переводных словарях. Тем не менее толковые словари при всех их неоспоримых достоинствах ещё не полностью оправдывают возлагаемые на них надежды: для них характерно нечёткое определение сущности, характера и соотношения большого числа многозначных слов.

Как общий недостаток, характерный в той или иной мере для всех толковых словарей тюркских языков, нужно отметить и то, что незаметные оттенки значения или же близкие варианты значения, встречающиеся в уникальном контексте, в необычном, нетипичном для данного слова лексическом окружении приводятся самостоятельными рубриками наравне с регулярными лексическими значениями этого слова. И вообще, членение содержания слова на значения в толковых словарях характеризуется излишней дробностью, вызванной недостаточно полным изучением лексической сочетаемости слова в типичном и нетипичном для него контексте, неразличением уникальных и типичных условий реализации слова. Многозначные слова с точки зрения своего смыслового содержания поставлены в зависимость от условий реализации, контекста таким образом, что без предварительного тщательного анализа условий проявления лексикографируемых их значений на материале текстов крайне трудно достоверно установить и обоснованно квалифицировать эти значения.

Не менее трудна и задача возможно точной формулировки установленного значения слова в толковых словарях и его перевода в тюркско-русских словарях. Совпадающие значения переводимого и переводящего слов обычно получают в тюркско-русских словарях предельно чёткую характеристику.

Специфика переводных словарей заметно сказывается и на определении состава значений переводимого слова – этот насущный вопрос нередко решается здесь не столько путём установления реального внутреннего состояния значений переводимого слова, сколько в зависимости от возможности их перевода на русский язык, т.е. исходя из смыслового соотношения их эквивалентов в переводящем языке.

Наряду с указанным недостатком, в той или иной степени характерным для всех современных тюркско-русских словарей и вызванным их спецификой, в показе лексических значений тюркских слов довольно часто наблюдается ещё одна предосудительная традиция – подмена собственно лексикографирования значений переводимого слова указанием на их совпадение со смысловым содержанием переводящего слова с помощью пометы «вразн. знач.»: *карач.-балк. зат* в разн. знач. «положение»; *татар. атаман* в разн. знач. «атаман», *дуга* I. в разн. знач. «дуга», *квартал* в разн. знач. «квартал»; *туркм. шерт* в разн. знач. «условие»; *киргиз. багыт* I в разн. знач.; «направление», *бассейн* в разн. знач. «бассейн», *класс* в разн. знач. «класс» и т.д. Судя по таким примерам, следует сказать, что лексикографы предоставляют читателю самому судить, какие именно значения имеются здесь в виду. Для тех, кто одинаково владеет обоими сопоставляемыми языками, эта погрешность, бсть может, даже не заметна, как и незаметна и для самого лексикографа, допускающего ее в своем стремлении быть кратким, забывая о том, для кого пишется словарь. Но она чревата такими последствиями, как недостаточно полное раскрытие нужных значений переводимого слова и искажение его смыслового содержания.

В ряде тюркско-русских словарей имеются значительные пробелы в регистрации регулярных конвертированиях значений полифункциональных слов. Так в КРС¹, КРС² и ТРС не учитываются обусловленные значения, появившиеся лишь в

определённом лексическом окружении. Например, слова типа *таш*, *темир*, *жыгач* переводятся лишь существительными «камень», «железо», «дерево». Регулярные их значения «каменный», «железный», «деревянный» не учитываются. В БРС, ТРС, наоборот, приводятся несуществующие значения слов: *башикир. мэктэп* (*бинары*) «школьное (задание)», *карлугас (улэне)* «ласточкина (трава)», где выделенные слова приводятся как прилагательные. В действительности же в первом случае прилагательное можно усмотреть с точки зрения переводимости тюркского существительного русским прилагательным, а во втором для этого нет и такого повода.

Во многих словарях ненормативная лексика регистрируется без учёта наличия в языке словаря ненормативной лексики. При наличии такого словаря вряд ли правомерна регистрация ненормативных слов в тюркско-русских словарях. При отсутствии же таковых представляется, что ненормативные слова и такие значения с чёткой квалификацией в случае необходимости могут быть допущены в список его лексикографируемых значений точно на таких же началах, что и ненормативные слова.

1.5.1.2. Полнота выделения и разграничения различных типов значений слов

Полнота раскрытия семантики слов зависит от того, к кому адресуется словарь. В школьном и однотомном толковом словарях, а также в кратком тюркско-русском словаре, имеющих в основном справочный характер, достаточным считается выделение только основных значений слов. Многотомные же толковые словари, как правило, адресуются специалистам – филологам. Поэтому в них выделяются и разрабатываются не только все лексические значения, но и их оттенки.

Национально-русские словари, хотя они и однотомные, являются в основном полными, о чём свидетельствует их объём (90-140 уч.-издат. листов) и то, что они включают в себя почти все слова языка. Следовательно, количество выделенных значений одних и тех же слов в них и во многотомных

толковых национальных словарях, по идее, должно совпадать. Однако в большинстве случаев оно не совпадает. Ср.:

ТСКБЯ

*Аякъ*¹

1. стопа ноги, ступня;
2. нижняя часть ноги животного, от коленного сгиба и ниже;
3. ножка (стола, стула и т.п.)
4. копыто;
5. конец чего-л.

*Жаш*¹

1. юноша, парень;
2. сын (страны, Балкарии и т.п.)

*Къалакъ*¹

1. мешалка;
2. сын (страны, Балкарии и т.п.)
3. деревянная планка, которую покрывают мелким песком при точении косы.

КБРС

*Аякъ*¹

1. нога, ноги, стопа; ступня; лапа (животного); лапка птицы, насекомого;
2. конец, низ;
3. ножка; подпорка; опора;

*Жаш*¹

сын; мальчик; парень.

*Къалакъ*¹

1. весло;
2. лопатка; лопаточка;
3. лопасть;

4. одна из двух дощечек, которыми хлопают в такт музыке при танцах;
5. мастерок (инструмент);
6. весло;
7. в позиции определения: плоский.

Как видно из примеров, в КБРС нередко разные значения объединяются в одно.

Однако имеют место и такие случаи, когда в КБРС выделено у слов больше значений, чем в ТСКБЯ:

ТСКБЯ

Жол'

1. дорога;
2. *перен.* выход из положения, затруднения;
3. *перен.* направл. деятельности, развития кого, чего

Жан'

1. душа;
2. человек;
3. *перен.* самое основное, главное, суть чего-л.

КБРС

Жол

1. дорога, путь;
2. способ, метод;
3. уклад, порядок;
4. * связь; коммуникация;
5. курс, направление

Жан

1. душа; жизнь;
2. живое существо, создание;
3. душа, едок, человек;
4. *перен.* вдохновитель, душа.

Нередко наблюдается в обоих словарях неполнота выделения значений. Например, в слове *ауур* «тяжёлый» не выделены значения «неприятный для обоняния (о запахе) *ауур хауа* «тяжёлый воздух», «сильный, большой, глубокий»: *ауур жаралы* «тяжело раненный», «имеющий крупные габариты и мощное вооружение»: *ауур бомбардировщик* «тяжёлый бомбардировщик» и др.

1.5.1.3. Порядок расположения значений слов в словарной статье

Рубрикация значений слова и показ их в определённой последовательности в словарной статье может послужить одним из эффективных средства в деле улучшения описания многозначных слов.

Осуществление этой злбодневной и трудной задачи требует комплексного решения совокупности с проблемой чёткого отражения грамматической природы слова с максимальным использованием наиболее плодотворных принципов и приёмов лексикографирования значений слов, включая и такие вспомогательные средства, как технику перевода и иллюстрацию значений.

Рубрикация значения слова может быть произведена разными путями: с точки зрения их генеалогии и исторической последовательности зарождения: по их логическому соотношению в современном языке; с учётом их употребляемости и коммуникативной значимости, наконец, зависимости от структурной характеризованности значений, от степени их обусловленности конкретными структурными признаками. Хотя эти принципы во многом соприкасаются и перекрещиваются, результаты их применения будут весьма различными: генетическое соотношение значений одновременно отражает обычно и смысловые их связи, и тем не менее далеко не во всём совпадает со сложившимся собственно смысловым их соотношением; по употребляемости значения группируются тоже иначе, чем по другим названным признакам; совершенно иной результат даёт решение вопроса на основе учёта структурных характеристик значений.

В словарях, преследующих главным образом научные цели, принято придерживаться генетического принципа размещения значений в словарной статье [Сидоров 1960:80].

Отдавая дань этой последней традиции, некоторые лексикографы – тюркологи тоже постарались располагать значения слова по возможности так, чтобы между ними была видна связь, позволяющая проследить ход их развития. Но на деле ни в словарях карачаево-балкарского, ни в словарях других тюркских языков исторический принцип классификации значения слова не занимает в целом сколько-нибудь значительного места. Это вызвано, на наш взгляд, не только и не столько невозможностью осуществления данного принципа в широких масштабах из-за неизученности тюркской лексики в историческом плане, сколько целевым назначением этих словарей. Задачей семасиологической разработки слов в них была и остаётся по-прежнему демонстрация их устойчивых значений в современной жизни и системе, а не в прошлой.

Последовательное применение генетического принципа расположения значения в словаре современного языка может привести к искажённому отражению их актуального соотношения, а тем самым и к снижению практической ценности словаря, являющегося по своему характеру и назначению современным, а не историческим.

Перечисление значений слова в тюркско-русских словарях и толковых словарях тюркских языков производится в целом с соблюдением этого основного требования, предъявляемого к ним: сначала приводятся в определённой последовательности актуальные значения слова и лишь в конце их перечня даются его устаревшие, религиозные и терминологические значения. Причём описание смыслового содержания слова обычно начинается с его ведущего значения, занимающего среди остальных его значений действительно главенствующее положение. Ср.: *балхам* 1. «мазь»; 2. *уст.* «бальзам»; *жугьутур* 1. «тур, горный козёл»; 2. «бабка, большой альчик»; *кесгич* 1. «зубило; резец»; 2. *кул.* «форма для фигурного вырезания изделий из теста»; *ашхам* 1. «вечер, сумерки»; 2. «время вечерней молитвы»; *китан* 1. «книга», 2. *рел.* «священная книга» (КБРС); *байламта* 1. «связь, связка»; 2. *грам.* «союз»; *бай* 1. «бай, богач»; 3. *уст.* «господин»; 4. *уст.* «хозяин»; 5. *уст.* «муж» (КРС²).

Однако имеют место и случаи нарушения давно принятого и разумного размещения ведущего значения слова. И чаще всего это наблюдается в тюркско-русских словарях: *жал* 1. *ист.* «наём, батрачество»; 2. *ист.* «плата за батрачество»; 3. «зарплата, получка; оклад»; *келечи* 1. «сват, сваха»; 2. «посол; дипломат»; 3. «представитель»; *жамауат / жамагъат* 1. *ист.* «народ, община»; 2. «общество, общественность» (КБРС); *бай* 1. «богач; бай»; 2. «богатый, зажиточный»; *жарык* «свет»; «светлый» (КРС¹); *гаралыг* «темнота, тьма, потемки»; 2. «темный, мрачный, сумрачный, беспросветный» (АРС); *ёруз* «свет, освещение / светлый, освещенный / светло» (УРС).

Большинство значений как собственно переносных, так и генетически переносных, в общих словарях выделено и ограничено от прямых значений правильно. Однако немало и случаев смешения значений генетически переносных с собственно переносными и последних с прямыми. Например, генетически переносные значения слов *кёз*, *чач*, *эрин* в КБРС квалифицированы как собственно переносные и снабжены соответствующей пометой *перен.*: *кёз* 5. *перен.* «отверстие, проушина, глазок» (*ийнени кёзю* «ушко иголки», *терезени кёзю* «отверстие в оконной раме для стекла»), *чач* 2. *перен.* «трава, растительный покров» (*жерни чачы* «растительный покров земли»), *эрин* 2. *перен.* «край» (*къаяны эрини* «выступ скалы»). Собственно переносные значения слов *баи*, *тил*, *ич*, *жол*, *мал*, *тууар*, *кёз*, *баи* 2. «сознание», *тил* 3. «донос; сплетня»; *ич* 6. «душа»; *жол* 2. «способ, метод»; *мал* 2. «богатство, имущество»; *тууар* 2. «скот, скотина»; *кёз* 4. «дурной глаз, сглаз».

У многих имён существительных прямое и переносное значения в ряде словарей объединены и приведены с комбинацией помет *прям., перен.* (прямое, переносное): *кашы* *прям.* и *перен.* «каша» (КРПС); *ёзек* *прям., перен.* «стержень», *ачхыч* *прям., перен.* «ключ, отмычка» (КБРС), из *прям., перен.* «ключ» (КРС²) и др. В результате собственно переносные значения слов остаются невыявленными. Ведь задача лексикографов состоит именно в разграничении прямых и переносных (производных) значений слов.

В словарях значения многозначных слов приводятся в основном в следующем порядке: актуальные значения – в определённой последовательности, в самом конце – устаревшее значение, обусловленные (генетически переносные) значения следуют

за ним, собственно переносное – за основным или за тем обусловленным значением, из которого оно развилось. Специальные и диалектные значения указываются за общеупотребительными значениями, ср.: *жингирик* 1. «локоть»; 2. *диал.* «громкий плач»; *багъа* 1. «цена, стоимость»; 2. *пед.* «оценка, отметка» (КБРС). Из всех видов второстепенных значений в этих словарях более последовательно размещены собственно переносные значения.

Генетически переносные значения в целом выделены также правильно, но нередко они разобщены одним из других второстепенных значений, например, в слове *аууз* «рот» генетически переносные значения. «2. ущелье», «3. входное отверстие *чего-либо*; горло; устье»; «4. дуло, жерло» и «б. лезвие, острие» выполняет второстепенное значение «5. язык (речь)» (КБРС); В словаре *баш* такие же значения «2. верхняя часть чего-л., головка, верхушка»; «3. колос» и «5. изголовье», «б. начало», «7. конец; кончик» раеделены собственно переносным значением «4. душа, человек (при счете людей)» (КРС).

Если учесть, что любая девушка является чьей-то дочерью, альчик (бабка) находится в лодыжке, костный мозг – в мосоле, борода растет на подбородке, то следует признать, что в ряде тюркско-русских словарей местоположение основного значения слов *къыз*, *ашыкъ*, *жилик*, *сакъл* в словарной статье определено неверно. Ср. *къыз* «1. девочка; девушка», «2. дочь» (УРС); *ашыкъ* «1. альчик» «2. щиколотка, лодыжка» (КБРС); *жилик* «1. костный мозг», «2. мосол»; *сакъл* «1. борода», «2. подбородок» (КРС²).

В тюркских языках немало имен существительных, имеющих разные терминологические значения. В таких случаях составители словарей руководствовались логическим принципом. Например, в слове *тамыр* «корень» грамматическое значение «корень» появилось значительно позже его анатомического значения «жила, сосуд». Поэтому терминологические значения таких слов с точки зрения их порядка размещены в словарях в основном правильно: тамыр 3. *анат.* «жила, сосуд», 4. *грам.* «корень».

Однако этот разумный принцип соблюден не всегда последовательно. Например, в КБРС в слове *тил* специальные значения «язычок», «бородка» приведены после его лингвистического значения «язык», хотя они в языке возникли значительно раньше последнего.

Ознакомление с общими словарями тюркских языков показывает, что лексикографы второстепенные значения в основном располагают в порядке смыслового удаления от основного значения, возглавляющего их перечень. Многие такой принцип классификации считают наиболее приемлемым, особенно в словарях учебного назначения. Это, конечно, верно, применительно к тем многочисленным случаям, когда смысловое соотношение значений, в основном, совпадает с их соотношением по употребительности, практической значимости.

Как совершенно справедливо считает А.А. Юлдашев: «при отсутствии этого благоприятного условия размещение значений в их списке в зависимости только от их чисто смысловых связей представляется весьма спорным» [Юлдашев 1972: 398]. Объясняется это тем, что установление этих связей с необходимой ясностью, как и показ их в словаре, сопряжено часто с большими трудностями, вызванными несовпадением соотношения самих логических понятий с реальным соотношением лексических значений, отражающих эти понятия применительно к данному конкретному языку.

При данном состоянии разработанности приёмов лексикографической квалификации значений слова наиболее целесообразным и практически удобным представляется их размещение в словарной статье с учётом сравнительной употребительности каждого выделенного значения, исключая лишь переносные значения, которые, как уже говорилось, конечно же, лучше всего давать непосредственно вслед за органически связанными с ним прямыми значениями независимо от степени их употребительности.

Рубрикация значений по употребительности в идеале требует убедительного статистического обоснования, что практически трудно осуществимо. Тем не менее этот вопрос решается легче, чем задача установления логического соотношения между значениями. Его решают обычно интуитивно, опираясь только на практическое владение нормами языка. Наиболее употребительные значения и есть те значения, которые устойчиво закреплены за данным словом как за их регулярным носителем нормами языка. Актуальное соотношение между значениями тоже осознаётся через посредство этих норм. Носите-

80

ли языка интуитивно различают среди них наиболее легко воспроизводимые в памяти значения сообразно с их сложившейся ролью в коммуникации.

1.5.2. Разграничение полисемии и омонимии и определение исходного и производного слов в рядах генетически родственных лексических омонимов

1.5.2.1. Разграничение полисемии и омонимии¹

Анализ тюркско-русских и толковых словарей тюркских языков показывает, что разграничение полисемии и омонимии в большинстве из них осуществлено неудовлетворительно. При этом обычно имеет место квалификация самостоятельных, омонимичных между собой слов как значений одного и того же слова: *агыз* 1. «рот, уста; пасть, зев», 5. «молозиво»; *ай* 1. «луна»; 2. «месяц (календарный)»; *битирмэк* 1. «растить, выращивать»; 2. «завершать, заканчивать» (АРС); *бавур* 1. «печень; печенка»; «почка»; *йайа* 1. «лук»; 2. «радуга»; *дарйа* «океан; пучина, бездна»; 2. «пропасть, ущелье» (КРПС); *ай* 1. «месяц, луна»; 2. «месяц (календарный)»; *ору-* 1. «лягать, тявкать»; 2. «дуть» (ТРС, ТСТЯ); *кон-* 1. «спускаться, опускаться; садиться (о птице)»; 2. «останавливаться на ночлег»; *бай* 1. «богач»; 2. *ист.* «господин»; 3. *уст.* «муж»; *кеч-* II 1. «переходить вброд, переправляться»; 3. *уст.* «прощать»; *илгери* 1. «прежде»; 2. «вперед»; *томок* 1. «горло, глотка, гортань»; 2. *разг.* «пища, еда»; *тоб* 1. «здоровье»; 2. «готовность, зрелость»; 3. «желание, охота»; *қоқ* 1. «сухой, сухой»; 2. «голый, обнаженный» (УРС); *юрюрге* 1. «лягать»; 2. «дуть (на огонь и т.п.)»; *жукълатыргъа* 1. «усыплять, убаюкивать, укладывать спать кого»; 2. *карач.* «тушить, гасить, выключить что»; *жсел* 1. «ветер»; 2. *мед.* «ревматизм»; *артха* 1. «назад, обратно»; 2. «впрок, про запас» (КБРС) и др.

¹ Примеры, приводимые на разграничение полисемии, омонимии, относятся только к знаменательным словам, потому что омонимизация незнаменательных слов в тюркских языках, как уже отмечалось, не изучена.

Обратные случаи, т.е. случаи квалификации разных значений одного и того же слова, встречаются редко: *жагъа* I «ворот, воротник» – *жагъа* II «берег» (ТСКБЯ); *къаш* I «бровь» – *къаш* II «лука (седла)» (КБРС).

В некоторых словарях наблюдаются и случаи квалификации как омонимов к своим исходным значениям не только производных значений, но и их оттенков: *ук* I «стрела» – *ук* II «жалю» (ТРС), *бугъа* I «бык» – *бугъа* II *уст.* «паровоз», *жибек* I «шелк» *жибек* II «кукурузное рыльце» (КБРС).

1.5.2.2. Определение исходного и производного слов в рядах генетически родственных лексических омонимов

Определению исходного и производного слов, как и в рядах омонимов, образованных по конверсии, в рядах генетически родственных лексических омонимов исследователи тюркских языков уделяют очень мало внимания. Такое положение обусловлено недостаточной изученностью семантики лексики, неустановленностью семантических отношений между значениями слова. Это приводит к тому, что в словарях ряды указанного типа омонимов нередко возглавляются производными словами. Например: *балта* I «кузнечный молот» – *балта* II «коренной зуб» (ЯРС); *сурмоқ* I «пахать землю» – *сурмоқ* II «тянуть, тащить» (УРС), *бёрек* I «пирожок» – *бёрек* II «растение, листья которого похожи на листья винограда» (СТЯ); *сир-* I «пахать» – *сир-* II «преследовать, гнать, прогонять, отгонять, выгонять» (КРПС), *къара* III «мишень» – *къара* IV «траур» (ТСКБЯ), *тамак* I «пища» – тамак «глотка, горло» (КРС¹); *чат* I «перекресток (улиц)» – *чат* II «пах» (ТСКЯ¹); *башлы* I «колосистый» – *башлы* II 1. «имеющий голову (головку, конец)» (ТРС), *этим* I (*грам.*) «глагол» – *этим* II «деловитость, работоспособность, расторопность» (КБРС).

Из приведенных примеров видно, что определение первичности и вторичности слов в омонимах, образованных от значений многозначных слов, представляет трудность для тюркских лексикографов.

По сравнению с непрямозначными в производных словах более благополучно решен лексикографами вопрос определе-

ния первичности и вторичности слов в рядах указанного типа омонимов. Однако и здесь наблюдаются промахи; ср. *айлыкь* I «оклад, зарплата» и *айлыкь* II «месячник» (КБРС).

При определении производности слов в омонимах, образованных вследствие распада полисемии, на наш взгляд, следует обращаться к логическому критерию. Он оказывается надежным при определении первичности и вторичности слов в любых таких омонимичных парах и группах слов. Приведем примеры.

В омонимах *кюн* I «солнце» – *кюн* II «день» второе слово производное: день (часть суток от утра до вечера, т.е. светлая часть суток) освещается солнцем.

Люди огонь, выделяющий дым, добывали раньше, чем табак, поэтому табаку, при курении которого выделяется такое же вещество, что и при разведении огня, тоже дали название *тютюн* «дым». Исходя из этого, слово *тютюн* (*тутун* ~ *тутэн*) «табак, курево» производно от слова *тютюн* (*тутун* ~ *тутэн*) «дым».

При вспахивании крестьянского земельного участка работают обычно плугарь и погонщик. Первый крепко держит руками и направляет плуг, второй погоняет лошадь (вола, осла, мула и т.п.), запряженную в него. Действие погонщика осуществляется раньше действия плугаря. Это говорит о том, что слова *айда-*, *сюр-* «пахать» образованы от слов *айда-*, *сюр-* 1. «гнать, выгонять», 2. «гнаться за кем», «догонять кого», 3. «угонять кого-что», 4. «гоняться за кем», 5. «пристраститься, приохотиться к чему», 6. «принять, признать кого-что за кого-что».

В тех случаях, когда один из членов омонимичной пары является термином, исходным должен быть не термин: термины, как правило, образуются от не терминов; ср. *карач.-балк.* *чанчхы* I «вилка (столовая)» – *чанчхы* II (*мед.*) «боль, резь», *акьсакьгал* I «старик, старец» – *акьсакьгал* II (*этн.*) «аксакал» (персонаж народного театра в период сенокоса)», *кьол* I «рука, кисть» – *кьол* II (*геогр.*) «балка, ложбина», *этим* I «деловитость, расторопность, работоспособность» – *этим* (*грам.*) «глагол», *чыкьырт* I «треск» – *чыкьырт* II (*кул.*) «вид домашних пончиков»; *киргиз.* *жөндө* I «налаживать, регулировать» – *жөндө* II «склонять» (*грам.*); *татар.* *кузлэу* I 1. «подсматривать, высматривать» – *кузлэу* II «окулировать, прививать глазком (дикое растение)» (спец.), *арна* I «ячмень» – *арна* II «ячмень» (*мед.*).

ГЛАВА II СЕМАНТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ

2.1. Проблема лексикализации грамматических форм глагола

Лексикализация как языковое явление была отмечена только в начале XX в. [Розвадовский 1904: 14], а наименование свое она получила еще позднее. Новые работы касались фразеологизации, т.е. преобразования свободных словосочетаний во фразеологизмы, и были связаны с именами И.А. Бодуэна де Куртене, Ш. Балли, М. Розвадовского, А.А. Шахматова, Г. Пауля. Эти ученые отмечали целостность значения устойчивых фразеологических сочетаний, функционирование их в речи в качестве отдельных слов, а в предложении как один его член [Балли 1961: 57; Розвадовский 1904: 14], особенности, сближающие данные единицы со словами. Эти особенности дали основание исследователям назвать лексикализацией процесс превращения свободных словосочетаний в устойчивые.

Понятие «лексикализация» появилось впервые лишь в 60-е годы XX в. в трудах представителей Пражского лингвистического кружка [ТПЛК 1967: 27]. В русистике оно вошло в научный оборот в этот же период и получило распространение в учебниках по введению в языкознание [Будагов 1965: 336; Реформатский 1967: 121-123; Перетрухин 1969: 139, 164, 166] и в работах по лексикологии и фразеологии [Бабкин 1970; Федоров 1973; Балаж 1972 и др.]. К этому времени значение его расширилось: превращение грамматической формы слова, свободного словосочетания, а также морфемы, не имеющей самостоятельного употребления, в самостоятельное слово или фразеологизм [Ахманова 1969; Лопатин 1990: 258].

Следовательно, сущность явления лексикализации заключается в образовании новых слов. Это особый способ словообразования, при котором возникновение нового слова происходит путем семантического переосмысления грамматической формы слова, без изменения ее внешней формы. Поэтому представляется целесообразным назвать его семантико-морфологическим

способом словообразования. При лексикализации грамматических форм глаголов этот способ словообразования проявляется в двух разновидностях. Первая разновидность связана с лексикализацией залоговых форм глаголов, при которой они переосмысливаются и превращаются в основную форму: *карач.-балк. айтдыр* - «сообщить» (от *понуд. айтдыр* - «заставить рассказать, говорить»), *киргиз. талаш* - «оспаривать, тягаться» (от *взаимн.-совм. талаш* - «спорить, препираться друг с другом»); *узбек. берилмоқ* «увлекаться чем» (от *страд. берилмоқ* «быть даваемым»). Вторая разновидность этого способа словообразования связана с лексикализацией форм причастия, деепричастия и имени действия глагола, при которой последние переходят в другие части речи: *караим. тувъган* «родной» (от прич. *тувъган* «родившийся»); *карач.-балк. окъуучу* «ученик» (от причастия *окъуучу* «читающий, обучающийся»); *киргиз. аябай* «нешадно; очень» (от деепричастия *аябай* «не жалея»), *булдо* «брусок, оселок» (от формы имени действия *булдо* «точка, точение»); *карач.-балк. таба* «по направлению к кому, чему» (от формы деепричастия *таба* «находя»), *таланган* «боже!» (от формы причастия *таланган* «искусанный»).

В русистике и тюркологии высказывалось мнение, согласно которому субстантивация является одним из способов словообразования [Лопатин 1967: 205-265; Кононов 1960: 104; Баскаков 1966; Аймурзаева 1985 и др.]. Если согласиться с ним, то следует признать способами словообразования и адъективацию, адвербиализацию, прономинализацию, вербализацию, а также переходы слова или его грамматической формы в другие части речи. Это, естественно, было бы неверно. При всех случаях переходов неличных форм глагола в существительные, прилагательные, наречия, послелого, междометия формальных изменений (аффиксации, словосложения) не происходит, происходят семантические изменения, поэтому все подобные случаи образования слов должны иметь одно название – семантико-морфологический способ словообразования.

В тюркологии нет исследования, посвященного всем или хотя бы основным вопросам лексикализации. Имеются лишь отдельные работы, в которых рассматриваются вопросы субстантивации [Абдурахманов 1950; Аймурзаева 1985]. В них

часто окказиональная субстантивация выдается за узуальную, т.е. всякое употребление прилагательного и причастия без определяемого слова оценивается как полный переход их в имя существительное. Например, в таких предложениях, как *Ескиге жана олшеуиш* «Старое определяется новым», *Жыгылган гуреске тоймайды* «Побежденный не насытится борьбой» прилагательное *ески* «старый» и причастие *жыгылган* «побежденный» А.А. Аймурзаева считает именами существительными [Аймурзаева 1985: 9,15]. Субстантивация формы имени действия имеет довольно широкое распространение в тюркских языках. Однако в них о ней почти ничего не говорится.

В грамматиках тюркских языков нередко наблюдается такая же картина. Например, в ГКБЯ бесспорные причастия *бишген* «вареный», *сынган* «разбитый», *келир* «будущий» (*келир жыл* «будущий год»), *уялмаз* «бестыжий» и подобные им приводятся как прилагательные [ГКБЯ, 1976: 216-219]. Субстантивированные же причастия, имена действия, формы взаимно-совместного залога типа *окуучу* «ученик», *сатычу* «продавец», *окуу* «учеба», *кичиу* «чесотка», *тойшош* «драка», *алыш-бериш* «купля-продажа» квалифицируются как отглагольные имена существительные [ГКБЯ 1976: 122]. В ГНЯ нелексистализованные деепричастия *янгылып* «ошибочно», *асыгып* «второпях», причастия *узбестен* «непрерывно», *куйттестен* «неожиданно» и другие приводятся как наречия [ГНЯ 1973: 196]. Такая же оплошность имеет место в ТГ, где деепричастия *каерып* «настежь», *киерелеп* «на всю силу», *улзэнче* «до упаду», *шартлаганчы* «сверх меры», *гдрлеп* «дружно», *егылып* «очень сильно» и подобные им даются как наречия [ТГ 1995: 504-505]. Этих форм нет ни в трехтомном ТСТЯ, ни в ТРС, что свидетельствует об их нелексистализованности.

Семантический способ словообразования не нашел правильной интерпретации в грамматиках тюркских языков. В одних из них (ГКБЯ, ГХЯ) он вообще не выделяется, не отграничивается от морфологического. В других (ГКЛЯ), хотя и выделяется, лексико-семантическая и семантико-морфологическая разновидности его не разграничиваются. Например, в киргизском языке омонимы типа *кун* «солнце» – *кун* «день», *уңу* «обух» – *уңу* (*грам.*) «основа (производная), корень» представляют расщепление значений многозначных слов, т.е. лексико-семантическую разновидность се-

мантического способа словообразования. Образования же типа *сунуш* «предложение» (от взаимно-совместной формы *сунуш*), *агартуу* «просвещение» (от формы имени действия *агартуу* «побелка, беление») демонстрируют семантико-морфологическую разновидность этого способа. Составителями грамматики киргизского языка обе они оцениваются как семантический способ словообразования [ГКЛЯ 1980: 121-124]. В-третьих, (ГНЯ) один и тот же способ словообразования оценивается по-разному: 1) как морфологический: *енъуьв* «победа» (от формы имени действия *енъуьв*), *кашув* «побег» (от формы имени действия *кашув*), 2) как морфолого-синтаксический: *кайта* «заново, вновь» (от деепричастия *кайта* «возвращаясь»), *ясырмай* «откровенно» (от деепричастия *ясырмай* «не скрывая»), 3) как семантический: *куьрес* «борьба» (от взаимно-совместной формы *куьрес*), *саклав* «охрана» (от формы имени действия *саклав*), 4) как лексико-семантический: *тозган*, «старый, ветхий» (от *тозган*, *эскирген* «обветшавший, устаревший *эскирген*»).

Исключение составляет ТГ, в которой лексико-семантическая разновидность семантического способа словообразования характеризуется правильно: *якут* «якут» – *якут* «яхонт», *ай* «луна» – *ай* «месяц», *озат-* «проводить» – *озат-* «снова», *йомгак* «клубок» – *йомгак* «заключение, вывод» [ТГ 1995: 218-219, 347, 487]. Однако другая его разновидность – семантико-морфологическая – интерпретируется неправильно, как конверсия: *язучы* «писатель» (от причастия *язучы* «пишущий»), *буяу* «краска» (от формы имени действия *буяу* «крашение») [Там же: 340-343]. Конверсия – это переход слов (не в грамматической, а в лексической форме) из одной части речи в другую без использования специальных словообразовательных аффиксов: *иги* «хороший» (*иги адам* «хороший человек») – *иги* «хорошо» (*иги ишлерге* «работать хорошо»), *уруш-* «ругать»; воевать» (*анга уруш-* «ругать его», *кыралла урушадыла* «государства воюют») – *уруш* (*уруш тохтады* «война закончилась»).

Причиной неразграничения разновидностей семантического способа словообразования, а также неотграничения их от морфологического и морфолого-синтаксического способов в грамматиках тюркских языков является неизученность семантического способа словообразования, в тюркологии нет ни

одного специального исследования, посвященного данной проблеме. В некоторых исследованиях по словообразованию тюркских языков наличие лексико-семантического способа упоминается лишь вскользь [Хабичев 1971: 33; 1989: 41 – 42; Ганиев 1985: 6] и объясняется неверно, а семантико-морфологический способ, широко представленный в тюркских языках лексикализацией грамматических форм слов, особенно глаголов, в них смешивается с конверсией. Так, М.А. Хабичев считает, что при лексико-семантическом способе словообразования возникают омонимы, каковыми считает он *жер* «земля» – *жер* «седло», *эт* «мясо» – *эт* «родственник», *женгил* «легкий» – *женгил* «горячий», *кючлю* «сильный» – *кючлю* «кислый» [Хабичев 1971: 33], *бет* «лицо» – *бет* «совесть», *тил* «язык» – *тил* «донос», *кьан* «кровь» – *кьан* «мечь» [Хабичев 1989: 42]. Однако эти примеры демонстрируют не омонимию, т.е. лексико-семантический способ словообразования, а полисемию. По мнению Ф.А. Ганиева, лексикализация форм имени действия (*белдери* «объявление» от и.д. *белдери*, *ямау* «заплата» от и.д. *ямау*), причастия (*тегуче* «швея» от *тегуче* «шьющий»), *туган* «родной» от *туган* «родившийся»), деепричастия (*чэнчэп* «ехидно» от деепричастия *чэнчэп*, *чэнчелгэнче* «очень сильно» от деепричастия *чэнчелгэнче*) относится к конверсии [Ганиев 1985: 39, 42, 78-79]. В действительности же она представляет семантико-морфологическую разновидность семантического способа словообразования.

Теоретическая неизученность лексикализации грамматических форм слов в тюркских языках отрицательно сказывается на практике составления общефилологических словарей. В них многие нелексикализованные грамматические формы слов, особенно глаголов, приводятся как самостоятельные лексические единицы. Это создает неправильное представление о словарном составе языка.

Из-за неизученности лексикализации грамматисты, а вслед за ними и лексикографы при решении вопроса лексикализованности и нелексикализованности грамматических форм слов, в том числе и глаголов, ориентируются на возможность их перевода на русский язык отдельным словом. Например, в ГКБЯ бесспорные грамматические формы, т.е. причастия типа *сынган*

«разбитый», *бишген* «вареный», *ёлюр* «смертельный» (*ёлюр ауруу* «смертельная болезнь»), *кьопмаз* «неизлечимый» (*кьопмаз ауруу* «неизлечимая болезнь») квалифицируются именами прилагательными, имена действия вроде *бакъмакълыкь* «уход», *кюрешиу* «борьба» – именами существительными, в КБРС такие же формы, а именно причастия *атыучу* «стрелок», *къараучу* «зритель», *сууузъан* «остывший», *келлик* «будущий», имена действия *кетиу* «уход», *кёрюу* «зрение» – именами существительными, деепричастия *айланым* «снова, повторно, вторично», *кечикмей* «вовремя», *эслеп* «осторожно, осмотрительно» – наречиями только с точки зрения их перевода на русский язык. На почве самого карачаево-балкарского языка они и сотни подобных им форм являются безусловными парадигмами.

Выявлению сущности категории залога в тюркских языках посвящено огромное количество специальных исследований. Тем не менее природа ее «во многом продолжает оставаться дискуссионной» [Геляева 1999: 3]. Во мнениях тюркологов нет единства по вопросу отношения залога к словоизменению и словообразованию. Некоторые исследователи считают, что залоговые формы глагола относятся к словообразованию лексико-грамматического характера [Баскаков 1952: 333; Серебренников 1952: 62-72; Бозиев 1964: 79; Иванов 1967: 18; Кобешидзе 1972: 9 и др.].

Залоговые формы в грамматиках тюркских языков всегда рассматривались и продолжают рассматриваться в разделе словообразования глагола. По всей вероятности, при решении этого вопроса грамматисты руководствуются данными словарей тюркских языков, в которых залоговые формы глагола отражаются без какого-либо ограничения. Эта лексикографическая традиция идет от первых словарей, в частности, словаря М. Кашгарского («*Дивани лугат ит-тюрк*», 11 в.). В них формы залога давались наравне с другими словами, без упоминания об их залоговой принадлежности. Впоследствии они стали приводиться с указанием на принадлежность их к тому или иному залогу.

В словарях, составленных в 70-90-е годы, прослеживается попытка разграничения залогового и словообразовательного значений залоговых форм. Залоговые формы глагола приводятся без перевода, с пометкой и отсылкой к исходной форме:

атландыр- 1. понуд. к *атлан*-; *айтыл*-1. страд.-возвр. к *айт*- (КБРС), *битет* – понуд. от *бите*-; *жарыл*- 1. страд. от *жар*- I (ТСКБЯ), а лексические значения, не соответствующие данной его залоговой форме, даются в переводе на русский язык (в КБРС) или толкуются (в ТСКБЯ).

Здесь заметно влияние тех исследований, в которых залог относится одновременно и к формообразованию, и к словообразованию [Зиннатуллина 1969: 219-220; Харитонов 1963: 11; Кононов 1980: 173 и др.].

Некоторые исследователи считают, что словообразовательная роль залогов неодинакова. Например, по мнению Э.В. Севортыяна, формы понудительного и страдательного залогов имеют чисто словоизменительное значение, а формы возвратного и взаимного залогов близки и словообразовательным [Севортыян 1962: 478, 541].

Большинство тюркологов считают правомерной трактовку залога как грамматической категории. Однако некоторые из них впадают в крайность, считая залогом любой глагол, имеющий в своем составе залоговый аффикс [Фатыхов 1953; Чарыяров 1955 и др.]. Например, Б.Ч. Чарыяров к возвратному залогом относит глаголы *тутунмак* «держат», «содержат», «нанять», *йыгланмак* «собираться (о многих)», к понудительному *сыпырмак* «сдирать», «соскабливать», *гёркезмек* «показывать» [Чарыяров 1970: 135-155], которые, хотя и имеют залоговые аффиксы, ничем не отличаются от основного залога. Это лексические формы, потерявшие значения косвенных залогов.

По справедливому замечанию А.А. Юлдашева, «таких лексических форм в каждом из тюркских языков слишком много, чтобы, пренебрегая ими, считать залогом всякое сочетание глагольной основы с залоговым аффиксом» [Юлдашев 1972: 133].

В исследованиях 70-80 годов XX в., можно сказать, что выработалось единое мнение о том, что залоговые аффиксы полисемантичны, т.е. имеют залогообразующее и словообразующее значения [Юлдашев 1972: 122-150; 1976; 1979; Геляева 1982, 1999 и др.]. В этом плане особенно важны работы А.А. Юлдашева, в которых на обширном фактическом материале тюркских языков наиболее полно охарактеризована

сущность отношения между словообразованием и словоизменением в сфере залога. В этих работах выработан критерий для разграничения словообразующей и формообразующей функций залоговых форм. Так, А.А. Юлдашев пишет: «Когда залоговый аффикс выполняет залогообразующую функцию, основа, содержащая его, соотносится со всей системой форм с данным аффиксом, обнаруживает единое типовое значение, представленное этими формами, и вызывает определенное падежное оформление слов, соотносенных с глаголом как производитель обозначаемого им действия. Другими словами, залогообразующая функция формы находит на уровне синтаксиса формальное выражение, что в совокупности с показателем залога и соответствующим ему типовым значением и может служить основным критерием как для отграничения двух разных функций залоговых форм, так и для выделения данного залога в качестве грамматической категории» [Юлдашев 1972: 138].

Словоизменительные и словообразовательные функции залоговых аффиксов на материале карачаево-балкарского языка изучены А.И. Геляевой, которая на обширном фактическом материале показала, что залоговые формы глагола могут выступать в залоговых и словообразовательных функциях [Геляева 1999].

Итак, залоговые формы глаголов, как и их неличные формы, могут лексикализироваться.

2.1.1. Образование имен существительных

2.1.1.1. Образование имен существительных от неличных форм глагола

2.1.1.1.1. Образование имен существительных от форм имени действия

В исследованиях по тюркским языкам имена действия и причастия обычно определяются одинаково, как неличные формы глагола, имеющие признаки глагола и имени. Поскольку причастия являются атрибутивными формами глагола, а имена действия – субстантивными, то в определении должно отражаться это различие [Хангишиев 1998: 27].

Если имена действия продолжают оставаться наименее изученной формой глагола в большинстве тюркских языков [Юлдашев 1977: 6], то в некоторых из них, например, в карачаево-балкарском языке, нет никаких сведений о них ни в его грамматиках, ни в школьных учебниках, не говоря уже об отсутствии специальных исследований. Видимо, это объясняется тем, что исследователи карачаево-балкарского языка имя действия считают не глагольной формой, а именем существительным. Например, имена действия М.А. Хабичев считает отглагольными именами, т.е. именами существительными, образованными от глаголов [Хабичев 1971: 259-260; 1989: 164-165]. Имена существительные с аффиксом *-ыу / -иу, -уу / -юу, -у* он отождествляет с именами действия. Так, говоря о данном аффиксе, он пишет: «В современном карачаево-балкарском, кумыкском и караимском языках он присоединяется только к глагольным основам и образует существительные со значением процесса или результата действия, иными словами – имена действия» [Хабичев 1989: 164]. Однако нетождественность имени действия и имени существительного, образованного от него путем его лексикализации, видно из примеров, приводимых им же; ср.: *азыу* «похудение», *жангырыу* «обновление», *жатыу ~ жатуу ~ яту* «лежание», *жазыу ~ языв ~ жазуу ~ язу* «письмо», *окъуу ~ охув ~ уку* «учеба», *билдириу ~ билдирүү ~ белдеру* «сообщение».

Эта же точка зрения приводится в грамматике карачаево-балкарского языка. Так, Сотгаев А.Х. пишет, что «аффикс *-у* (краткий), *-иу / -ыу / -уу / -юу* образует имя действия: *окъуу* «чтение», *кичиу* «чесотка», *жырлау* «пение», *кюрешиуу* «борьба», *айтыу* «сказание», которые он считает отглагольными именами существительными и приводит наравне с такими бесспорными именами существительными, образованными от глаголов, как *аччыч* «ключ» (от *ач-* «открывать»), *сибиртги* «веник» (от *сибир-* «подметать»), *басма* «печать» (от *бас-* «давить»), *айтым* «предложение» (от *айт-* «говорить»), *элек* «сито» (от *эле-* «просеивать») и др. [Сотгаев 1976: 123-126].

Следует отметить, что в формах имени действия, приведенных им, есть и такие, которые действительно лексикализировались и перешли в разряд имен существительных. Например,

кичиу «чесотка» (от *кичиу* «чесание»), *айтыу* «сказание» (от *айтыу* «говорение»), *окъуу* «учеба» (от *окъуу* «чтение, учение»). Однано они не разграничены им, ибо он лексикализованные и нелексикализованные формы имени действия считает именами существительными. Имя действия в тюркских языках образуется от всех глагольных основ и залоговых форм. Это порядка 4-5 тысяч единиц. Однако лексикографические источники свидетельствуют, что из этих форм лексикализовались лишь около 100. При этом лексикализируются обычно имена действия, образованные непосредственно от корня глагола. Наличие залогового показателя, как правило, является признаком глагольности данной формы. Тем не менее некоторые залоговые формы глагола тоже могут переходить в имена существительные: *билдириу* ~ *билдируу* ~ *белдеру* «сообщение» (от формы понудительного залога *билдир-* (*белдер-*) «сообщить»), *келишиу* (*келишуу*) (*грам.*) «согласование», *киришиу* (*керешу*) (*грам.*) «введение» (от форм взаимно-совместного залога *келиш-* «договариваться; мириться», *кириш-* (*кереш-*) «приступить к чему-либо вместе с кем-либо»), *жыйылыу* (*йыйылу*) «собрание», *тагъылыу* (*тагъылыв*) (*грам.*) «управление» (от форм страдательно-возвратного залога *жыйыл-* (*йыйыл-*) «быть собранным; собираться», *тагъыл-* «быть привязанным; примкнуть к кому, увязаться за кем»).

Для разграничения имени действия и образованного от него имени существительного, прежде всего, необходимо установить глагольные и именные признаки имени действия.

Основными глагольными признаками имени действия, кроме переходности – непереходности и залога, являются следующие:

1) они могут образовать те же типы аспектуальных форм, что и личные формы глагола: *келип къалыу* (*калуу*) «неожиданный приход (приезд)», *алып туруу* (*турув*) «постоянное получение чего-либо», *атып къюу* (*кюу*) «быстрое бросание чего»;

2) как и другие глагольные формы, выражают объектные отношения: *эшик ачыу* (*ачыв*) «открытие двери», *магъанасын айтыу* (*маанисин айтуу*) «пересказывание содержания»;

3) как и другие глагольные формы, они могут иметь при себе обстоятельственные слова, выраженные наречиями: *терк*

сёлешу (бат суйлöö) «быстрое говорение», *акъыртын (акрын)* *атлау (аттоо)* «медленное шагание», *эртте келиу (иртэ килү)* «ранний приход». Данная особенность, способность иметь при себе обстоятельственные слова, является одним из главных показателей глагольности имени действия. Потеря ее ведет к полной субстантивации последнего. Эта особенность важна в плане различения имен действия и имен существительных, образованных от них и омонимичных им. Например, *окъуу (охув, уку)*, *жазыу (языв, жазуу, язу)* в сочетаниях терк *окъуу (охув, уку)*, «быстрое чтение», *акъырын жазыу (языв, жазуу, язу)* «медленное писание», являются именами действия, т.е. глагольными формами. Из имен действия *окъуу (охув, уку)* «читка, чтение», *жазыу (языв, жазуу, язу) I* «писание» развились существительные *окъуу (охув, уку)* «учеба», *жазыу (языв, жазуу, язу) II* «письмена, письменность, графика» – *жазыу (языв, жазуу, язу)* «судьба, жребий, предназначение».

Для разграничения имен действия и имен существительных, образованных от них, определенное значение имеет и постановка вопроса [Хангишиев 1998: 32]. Имя действия отвечает на вопрос *не этиу?*, а имя существительное, омонимичное ему, – на вопрос *не?* Ср. *карач.-балк. печь къалау?* «кладка печи» (*не этиу?*), *бичакъны билеу* «точка ножа» (*не этиу?*) и *юзмез къалау* «куча песка» (*не?*), *таш къалау* «груда камней» (*не?*) *уллу билеу* «большой брусок» (*не?*), *зыбыр билеу* «грубый брусок» (*не?*).

Именные признаки имени действия преобладают над глагольными. Они следующие:

1) в лексическом отношении имя действия ближе к абстрактным существительным, называющим действие;

2) имя действия изменяется по падежам, числам, принимает аффиксы принадлежности: *карач.-балк. кетиу* «уход», *кетиуню* «ухода», *кетиуге* «к уходу», *кетиуню* «уход», *кетиуде* «в уходе», *кетиуден* «от ухода», *кетиуюм* «мой уход», *кетиуюнг* «твой уход», *кетиую* «его уход», *кетиуюбюз* «наш уход», *кетиуююз* «ваш уход»;

3) имя действия с аффиксом принадлежности управляет родительным падежом, образуя изафетную конструкцию: *кумык. турналаны геливю* «прилет журавлей», *атны кишневию* «ржание коня».

Видимо, это, т.е. преобладание именных признаков над глагольными в именах действия, дает некоторым грамматистам повод считать последние именами существительными. Однако существенными для разграничения имени действия и образованного от него имени существительного, на наш взгляд, являются и другие признаки: 1) наличие отрицательной формы; 2) возможность употребления в позиции определения. Наличие отрицательной формы является признаком вербальности. Имени действия присущ этот признак: *билиу* (*билифу*, *билив*) «знание, узнавание» – *билмеу* (*билбöö*, *билмев*) «незнание», *суйюу* «уважение» – *суймеу* «неуважение». Лексикализированным же именам действия, как и другим именам существительным, он не присущ: *жашау* (*жашоо*, *яшав*) «жизнь», *байлау* «повязка», *тёлеу* «долг». Имена действия не могут употребляться в позиции определения, а субстантивированные их формы могут: *жазыу* (*язу* ~ *языв*) «письмена»; «письменность» – *жазыу иш* «письменная работа», *язу кэгазэ* «письменная работа»; *окьюу* (*окьув* ~ *уку*) «учеба» – *окьюу жыл* «учебный год», *уку йорты* «учебное заведение», *билеу* (*булöö*) «точило» – *билеу таш* «точильный камень», *чёплеу* «подсолнух, подсолнечник» – *чёплеу жау* «подсолнечное масло», *жашау* (*яшэу*, *яшав*) «жизнь» – *жашау жол* «жизненный путь».

В этих примерах мы видим, что имена действия употребляют-ся в несвойственной им функции определения. Это происходит благодаря тому, что имена действия потеряли свои основные классификационные призна-ни – переходность-непереходность и залог: *окьюу* (*уку* ~ *охув*) «чтение»: *китан(ны) окьюу* (*уку*, *охув*) «чтение книги», *окьутуу* (*охутув*, *укыту*) «обучение», *окьюулу* (*охулув*, *укулу*) «быть прочитанным»; *билеу* (*билев*, *билöö*) «точение»: *бичакьны билеу* «точение ножа», *билетиу* (*билетив*) «заставить кого наточить что»; *жазыу* (*языв*, *жазуу*, *язу*) «описание, изложение»: *ишни болумун жазыу* «описание положения дела»; *жаздырыу* (*яздырыу*, *яздырыв*) «понуждение к писанию чего-либо», *жазылыу* (*язылыу*, *язылыв*) «подписка».

Имена действия, лексикализуясь, обычно переходят в имена существительные. Однако некоторые из них становятся именами прилагательными и наречиями, а иногда и теми и другими одновременно.

Адъективировались, например, в карачаево-балкарском языке имена действия *булгъау* «помешивание», «взмах», *къозгъау* «ворошение»; *булгъау* «скандальный», *къозгъау* «склонный к подстрекательству».

П р и м е р ы: [Аслан:] *Омар, ма сенича булгъауладыла адамланы бир бирге этип айланганла* (Хучиналаны А.) «[Аслан:] Умар, именно такие скандалисты, как ты, натравливают людей друг на друга». *Аллай къозгъау адамлагъа ийнаныргъа жарамайды* (Гуртуланы Э.) «Нельзя верить таким подстрекателям».

В класс наречий имена действия переходят очень редко: *карач.-балк. къыстау* «изгнание, исключение кого» → *къыстау* «быстро».

П р и м е р ы: *Уча къазаннга салынса, той къыстау барыр* (погов.) «Когда туша в котле, свадебный пир разгорается»; *Анга бюгюн машинала баиша кюнледен эсе къыстау жюриюгенча кёрюндю* (Толгъурланы З.) «Ему показалось, что сегодня машины ездят быстрее, чем в другие дни».

Имена действия *ариу* ~ *арив* (от *ары-* «чистить»), *къызыу* ~ *къызыв* ~ *кызуу* «нагревание, накаление» (от *къыз-* ~ *кыз-* «греться, накаляться»), *жарашыу* ~ *ярашыв* ~ *жарашуу* «примирение; упорядочение; соглашение» (от *жараш-* ~ *яраш-* «примириться») употребляются в качестве имен прилагательных и наречий, а *къызыу* – и как имя существительное, образуя лексико-грамматические омонимы: *ариу* ~ *арив* I 1) «красивый, изящный» (*ариу* ~ *арив адам* «красивый человек»); 2) *перен.* «чистый» (*ариу* ~ *арив суу* «чистая вода»); 3) *перен.* «приятный» (*ариу* ~ *арив сёзле* «приятные слова») – *ариу* ~ *арив* II 1) «красиво» (*ариу кийин* «красиво одеваться»); 2) *перен.* «чисто» (*ариу* ~ *арив жуу* «чисто вымыть»); 3) *перен.* «хорошо, ясно, отчетливо» (*ариу* ~ *арив бил-* «знать хорошо»); *къызыу* ~ *къызыв* ~ *кызуу* I 1) «ожар» (*отну къызыуу* «ожар огня»); 2) «ожар, температура» (*Сабийни къызыуу барды* «У ребенка температура»); 3) «разгар» (*ишни къызыуу* «разгар работы») – *къызыу* ~ *къызыв* ~ *кызуу* II 1) «ожаркий, горячий» (*къызыу* ~ *къызыв* ~ *кызуу кюн* «ожаркий день», *къызыу* ~ *къызыв шорна* «горячий суп»); 2) *перен.* «горячий, жаркий, страстный, оживленный» (*къызыу ушакъ* «оживленная беседа»); *жарашыу* I «мирный, уживчивый» (*жарашыу адам* «уживчивый человек»); 2) «приличный, аккуратный» (*жарашыу костюм* «приличный костюм»), *жарашыу*

юй «аккуратный дом») – *жарашыу* II «приятно (*жарашыу ышар* – «приятно улыбнуться»).

П р и м е р ы: *Ариу сёз жилинны тешигинден чыгыарыр* (посл.) «Ласковое слово и змею из норы выведет»; *Ариу кийинит, жашла кызла арбазгъа жыйылдыла* (Шаманланы М.) «Парни и девушки нарядно оделись и собрались во дворе»; *Аны уа (Аскерни) несин сорасыз, бек жарашыу жашды* (Кебекланы Б.) «Про него (Аскера) и не спрашивай, он очень уживчивый парень»; *Ол [Роза] кён сёлешмей эди, аузун ачмагъанлай, битеу бет торсюню бла жарашыу ышарыт кыоя эди* (Семенланы А.) «Она [Роза] много не говорила, не раскрывая рта, приятно улыбалась»; *Кызыугъа тёзалмайма ансы, суукъдан кьоркъмайма* (Хубийланы А.) «Жару не переносу, а холода не боюсь»; *Кызыу жанган от терк ёчюледи* (погов.) «Пламя, которое полыхает, быстро гаснет»; *Мында быллай кызыу кюле кён боладыла* (Лайтанланы Х.) «Таких жарких дней здесь бывает много».

Имена существительные от имен действия в тюркских языках образовались в разные периоды. Например, имена существительные *эгеу* ~ *згев* ~ *эгёй* «напильник», *отлау* ~ *отлау* «выпас», «выгон», *билеу* ~ *билев* ~ *булёт* «брусок, точило», *жазыу* ~ *языв* ~ *жазуу* «судьба», «жребий», *сюрюу* ~ *сирив* «стадо, огара», *къашыу* ~ *къашыв* «чесотка», *жамау* ~ *ямав* «заплата», *жашау* ~ *яшав* «жизнь», *талау* «язва», *чырмау* ~ *пуршав* «помеха», *тёлеу* ~ *тёлев* «долг», «платеж» и другие употребляются довольно давно, во всяком случае они были известны несколько веков назад. Однако есть и такие существительные, которые образовались начиная с середины XX в. Это термины, особенно лингвистические и политические, типа *карач-балк.*, *кумык. чакырыв*, *айлануу* «обращение», *карач-балк. сёзлеу* «наречие», *киришиу* ~ *киришуу* «введение», *келишиу* ~ *гелишив* ~ *келишиуу* «согласование», *карач-балк.*, *кумык. янашыв*, *кысылыу* «управление», *жалгъау* «аффикс», *сёлешуу* ~ *сёлев* ~ *суйлёт* «речь», *жегилиу* ~ *тюлений* «спряжение», *айлануу* ~ *чакырыв* «обращение» и др.; *беричу* ~ *берив* ~ *беруу* «передача», *билдириу* ~ *билдирив* ~ *билдируу* «сообщение», *бичиутигиу* ~ *бичив-тигив* «кройка и шитье», *жарыкылау* «просвещение», *жыйылыу* «собрание», *сору* ~ *сорав* ~ *суроо* «вопрос», *хорлау* «победа», *эришиу* ~ *эрегишиуу* «соревнование».

Эти существительные являются кальками с русского языка: они образованы путем прямого перевода русских терминов на тюркские языки. Это является одним из способов обогащения лексики данных языков.

Лексика языка обогащается и другими способами: 1) путем расширения значений имен существительных, образованных от глагольных имен, и 2) путем образования омонимов при лексикализации имен действия.

Например, глагол *ауру-* ~ *авру-* ~ *оору-* имеет 2 основных значения: 1) «болеть, заболеть *чем*»; 2) «испытывать боль». Имя существительное, образованное от имени действия *ауруу* «заболевание» (от *ауру-* ~ *авру-* ~ *оору-* «болеть»), имеет 4 значения: 1) «болезнь»; 2) *перен.* «скрытое желание»; 3) *перен.* «чрезмерное увлечение *чем-либо*»; 4) *перен.* «переживание». Глагол *окью-* четырехзначен: 1) «читать *что*»; 2) «учить *что*»; 3) «учиться, получить образование»; 4) «заниматься; проходить учебные занятия». Имя существительное *окьюу* ~ *окуу* ~ *охув* «учеба», образованное от его формы – имени действия, употребляется в пяти значениях: 1) «читка, чтение»; 2) «образование, знание»; 3) «учение»; 4) «грамота, письменность»; 5) «учеба, обучение». Имя существительное *соруу* ~ *суроо* ~ *сорув* «вопрос» имеет 5 значений: 1) «вопрос, 2) *юр.* «допрос, дознание»; 3) эк. «спрос»; 4) «опрос»; 5) «просьба». Его производящее слово *сор-* ~ *сура-* – трехзначно: 1) «спрашивать кого»; 2) «советоваться»; 3) «юридически допрашивать».

От форм имени действия глагола образовались и лексические омонимы типа *жазыу* (*жазуу*, *языв*) I «письмена, графика» – *жазыу* (*жазуу*, *языв*) II «судьба, рок»; *чырмау* I «помеха, препятствие» – *чырмау* II (*карач.*) «обмотка, портянка» – *чырмау* II «узел», «сверток, связка»; *санау* (*санав*) I «счет, подсчет» – *санау* II (*грам.*) «числительное», *билеу* (*билев* ~ *булбб*) «оселок, брусок, точило» – *билеу* II (*карач.*) «бляха (на мужском поясе)», *буру* (*бурав*) I «бурав, сверло, коловорот» – *буруу* I «забор, ограда»; *айтыу* I «легенда, предание, сказание» – *айтыу* II (*уст.*) «предложение», *ачыу* I «гнев, злоба, зло, злость, ярость» – *ачыу* II «горе, печаль».

Приме р ы: *Конверт устидаги езувни куралмадым* «Я не смог разглядеть надпись на конверте»; *У бизге миср язув-*
98

ларни курсатти «Он показал нам египетские письмена» (узбек.); *Ол кѐп тюрлю чырмауладан кѳутула келгенди, мындан да кѳутулур* (*Токѳумаланы Ж.*) «Он преодолел много препятствий, преодолеет и это»; *Тохтар, жибиген чырмауларыи тешип, печѳни тыркыгына жайды* (*Лайпанланы Х.*) «Тохтар снял свои мокрые портянки и расстелил на завалинке печи» (*карач.-балк.*); *Айшеке бизди жазуу сабагын окутат* «Айшеке нас учит по письму»; *Жазууда кудай буюрса, жатса да, киши албайбы?* (*фольк.*) «Если бог судил, то разве, даже лежа, человек не получит желаемого?» (*киргиз.*).

В исследованиях по словообразованию некоторых тюркских языков отмечается, что аффикс *-макъ / -мек* является непродуктивным, производные с которым сохранились с древнейшего периода [Хабичев 1971: 220-221; 1989: 134-135]. Однако в них нет ответа на вопрос: был он в древности формой инфинитива или с самого начала был имяобразующим? Тот факт, что *-макъ / -мек* в кумыкском, одном из самых близких карачаево-балкарскому [Хангишиев 1985: 173-179; 1997: 18-47], а также в родственных ему куманском, полонецком [Грунин 1967: 378] и ногайском [ГНЯ 1973: 262] языках является аффиксом имени действия, дает основание предполагать, что и в карачаево-балкарском языке он был таким же аффиксом. В пользу этого говорит, видимо, и то, что, как и имена действия на *-ыу / -иу, -уу / -юу, -у*, в имена существительные перешла лишь незначительная часть формы на *-макъ / -мек*: *бармакъ ~ бармок ~ бармаг* «палец» (от *бар-* «двигаться»), *кѳаймагъ ~ кѳаймоқ ~ гајмаг* «сметана» (от *кѳай-* ~ *гај-* «снимать сметану»), *ѳтмек* «хлеб» (от *ек-* / *эк-* «сеять» и *ѳт-* «делать, производить»), *артмакъ* «торба, сума» (от *арт-* «класть на спину, навьючивать»), *токъмакъ* «колотушка, молот» (от *токъ-* / *токъы-* «ударять, поражать, бить») [Хабичев 1989: 135] и другие.

В оценке образований на *-макълыкъ / -меклик* тоже нет единства во взглядах исследователей, особенно карачаево-балкарского словообразования. Так, А.Ю. Бозиев считает формы типа *бакъмакълыкъ* «уход», *билдирмеклик* «сообщение» отглагольными именами существительными [Бозиев 1965: 21], М.А.Хабичев – отыменными именами существительными [Хабичев 1971: 243-244; 1989: 147-148]. Солидарны с А.Ю. Бозиевым и составители «Грамматики карачаево-балкарского языка» [ГКБЯ 1976: 122].

Как видно, всех их объединяет то, что они такие формы слов считают именами существительными.

Отыменными эти образования никак нельзя считать, так как они образуются от глагольных основ: *бакмакълыкъ* (от *бакъ-* «лечить, откармливать *кого*»; *ухаживать за кем-чем*); *билдирмеклик* (от *билдир-* «сообщить») и т.п.

В тюркских языках из глагольных форм с данным аффиксом лексикализовалась лишь одна, притом только в одном, карачаево-балкарском, языке *сюймеклик* «любовь» (от *сюй-* «любить»). Естественно, это не могло давать основания указанным авторам считать все глагольные формы именами существительными, причина, как нам представляется, в другом – переводимости многих из таких форм на русский язык именами существительными: *къачмакълыкъ* «бегство», *жуумакълыкъ* «стирка», *танышмакълыкъ* «знакомство», *къайгъырмакълыкъ* «забота», *эришмеклик* «соревнование» и т.п.

Мы полагаем, что этот аффикс в исследуемых языках не образует имен существительных, а наряду с *-ыу / -иу, -уу / -юу, -у* образует имена действия. Однако, как мы уже видели, имена действия на *-ыу / -иу, -уу / -юу, -у* более или менее склонны к субстантивации. Об этом свидетельствует приобретение ими субстантивных значений: обозначение предмета и выражение этого значения в категориях числа, притяжательности и склонения. Например: *бериу ~ берив ~ беруу* «передача» – *бериуле ~ берүүлөр* «передачи», *бериюню планы* «план передачи», *берүүлөрдун программасы* «программа передач», *бериюге* «передаче, к передаче», *бериюню жарашдыр* «организовать передачу», *беруубузду баштайбыз* «начинаем нашу передачу», *беруудө ~ берюуде ~ бируудө* «в передаче», *берюуден ~ беруудөн* «от передачи»; *бериююм ~ берюум* «моя передача», *бериюю ~ берюусу* «его (ее) передача».

Имена действия на *-макълык / -меклик* не могут обозначать предмет, иметь категории числа, притяжательности, склонения, т.е. приобрести субстантивные значения, формы типа *бармакълыкъ, келмеклик* отвечают на вопрос *не этмеклик?* «делание чего?». Поэтому они не субстантивируются. Этого нельзя сказать лишь относительно формы *сюймеклик*, которая, приобретя субстантивные значения, окончательно перешла в имя существительное.

Примеры: *Сюймеклик бла жыр эгизледиле (погов.)* «Любовь и песня – близнецы»; *Сюймеклик – ауруудан ауур (погов.)* «Любовь мучительней болезни».

2.1.1.1.1. Степень лексикализации форм имен действия

Степень лексикализации форм имен действия неодинакова. Одни из них (большинство), лексикализовавшись, продолжают употребляться и в прежнем значении, т.е. в значении имени действия; ср.: *карач.-балк. айтыу* «говорение, сообщение, произнесение» и *айтыу* 1) предание, сказание, легенда; 2) пословица, поговорка; *ауруу* «заболевание» и *ауруу* «болезнь», *караим. байламак* «связывание, завязывание» и *байламак* «связь», *багъынмак* «рассматривание» и *багъынмак* «взгляд, мнение»; *кумык. охув* «учение», «чтение» и *охув* «учеба»; *киргиз. айдоо* «вспахивание» и *айдоо* «пашня».

Примеры: *Бизде сёзню экинчи кере къайтарып айтыу жокъду (Залихайнланы Ж.)* «У нас слово не повторяют (букв. говорения нет)»; *Айтыулада айтылгъанды: «Дунияны суу алгъанды» деп (Шахмырзаланы С.)* «В преданиях говорилось: «Был всемирный потоп» (*карач.-балк.*); *Дат темирди оғоё оңой эмес «Нелегко пилить ржавое железо» и Оғоёго бергис булоё бар, кёоёго бергис бирёо бар (погов.)* «Есть брусок, который не отдашь за напильник, есть один, котрого не отдашь за двоих» (*киргиз.*).

Другие лексикализованные имена действия уже не употребляются в своем исходном значении, например: *ариу* ~ *аруу* «чистый, красивый» (*ары-* «чистить»), *ашлау* «поднос» (*ашла-* «готовить пищу, еду»), *ачыу* «гнев, злоба, злость» (*ачы* «горький»), *итиу* «утюг» (*ити-* «гладить»), *ёлчеу* «размер» (*ёлче-* ~ *ёлчө-* «мерить, измерять»), *кириу* «десна» (*кир-* «входить», «въезжать»), *кециу* ~ *кечуу* «брод» (*кеч-* «переходить вброд»), *жылыу* ~ *жылуу* «тепло, теплота» (*жылы-* «теплеть, становиться теплым»), *къарыу* «сила, мощь» (*къары-* «хватать»), *сёзлеу* «наречие» (*сёзле-* «говорить»), *чалыу* «тесьма» (*чал-* «плести, заплетать что»).

Примеры: *Апанасны кёзюне бишген къозуну эти ашлауда кёрюнюп, аууз суулары келгени аны ючюн болгъанды*

(Аппаланы Х.) «Апанасу померещилось вареное мясо ягненка в подносе, поэтому у него потекли слюнки» (карач.-балк.); *Иттин ачуусу кьуйругьунан билинет, аттын ачыуусу кулагынан билинет* (погов.) «У собаки думка (букв. злоба) в хвосте, а у лошади – в ушах» (киргиз.); *Кабунду ачууу анын* «Он разгеновался» (караим.); *Къарыуу жетмегенни ат, ёгюз да тартаймайды* (посл.) «Непосильное ни лошадь, ни вол не потянут» (карач.-балк.).

Эта разновидность лексикализованных форм имен действия, в отличие от первой, способна образовать сложные слова и фразеологизмы, что свидетельствует о большей степени их субстантивации: *ариу эт-* «чистить, очищать что», *ачыу эт-* «горевать, печалиться», *итиу сал-* «гладить», *жарау ат* «выезженная лошадь», *ауруу къагъыт* «бюллетень», *ариу кёр-* «уважать», *къарыу ал-* «окрепнуть», *ариу бла* «по-хорошему, лаской», *ариу тилли* «красноречивый, ласковый», *ачуу кыл-* «злиться, сердиться, гневаться».

2.1.1.1.2. Образование имен существительных от причастий

Причастие – универсальная языковая категория, имеющаяся в языках разных систем и характеризующаяся единым грамматическим содержанием. Оно обозначает признак предмета или лица, производящего или испытывающего действие, который всегда связан с определенной временной формой. Такое содержание причастия обусловило его двойственный характер: 1) являясь носителем признака, оно уподобляется в атрибутивной функции и тем самым сближается с прилагательным, которое также обозначает признак предмета и имеет атрибутивную функцию; 2) обозначая динамический признак, причастие, в отличие от прилагательного, указывающего на статический признак, теснейшим образом связан с глаголом: имеет формы вида, залога, времени, отрицания на *-ма / -ме* и *-маз / -мез*.

Некоторые тюркологи называют причастие «отглагольным прилагательным» [Дмитриев 1948: 189]. При этом к причастиям они относят лишь формы на *-гъан* и то не все, а только

ко те из них, которые имеют функцию прилагательного. Формы на *-гъан*, имеющие функцию существительного, по их мнению, являются именами действия [Дмитриев 1940: 146].

Термин «отглагольное прилагательное» означает прилагательное, образованное от глагола. Такие прилагательные образуются от глагольных основ с помощью аффиксов: *чирик* ~ *черек* «гнилой» (от *чири-* ~ *чере-* «сгнить»), *эринчек* ~ *иренчак* «ленивый» (от *эрин-* ~ *ирэн-* «лениться»), *толу* ~ *тулы* «полный» (от *тол-* ~ *тул-* «наполняться»), *кьургъакъ* «сухой» (от *кьуру-* ~ *коры-* «высыхать») и т.д. От причастий же прилагательные (такие существительные) образуются без использования специальных словообразовательных аффиксов.

Во-вторых, абсолютное большинство причастий в тюркских языках не перешло ни в прилагательное, ни в существительное, т. е. не лексикализовалось. Так, анализ причастий тюркских языков, насчитывающих свыше 4000 единиц поназывает, что из них лексикализовались лишь около 150. При этом в прилагательное перешло два-три десятка причастий. Поэтому вряд ли правомерно называть причастия отглагольными прилагательными.

Искусственным и потому неправомерным следует считать и выделение из состава причастий имен действия (или глагольных имен) лишь по одному (синтаксическому) признаку – способности употребляться без определяемого имени. В отличие от имени действия, являющегося субстантивной именной формой глагола, причастие – его атрибутивная форма (см. ниже). Квалификация Н.К. Дмитриевым причастий на *-гъан*, употребляемых в функции существительного, глагольными именами или именами действия, основана, видимо, на переводимости их на русский язык таковыми. Действительно, некоторые тюркские причастия с притяжательными аффиксами на русский язык переводятся как действие по глаголу: *мени* (*менин*, *минем*) *келгеним* «мой приход», *аланы* (*уларны*, *алардын*) *кетгенлери* (*киткени*) «их уход», *эшикни* (*ишекни*) *ачылгъаны* (*ачылуы*, *ачылуу*) «открытие двери», *бизни* (*бизим*, *биздин*) *кьызаргъаныбыз* «наше покраснение» и т.д.

Универсальность причастия как языковой категории не означает, что его признаки во всех языках совпадают. По своему содержанию причастие в каждом языке имеет свою спе-

цифику. Например, в русском языке причастие поиобретает грамматические формы имени прилагательного (согласуется с определяемым словом в роде, числе и падеже), а в тюркских языках атрибутивная связь причастия и определяемого слова осуществляется способом примыкания: *айтхан* (*айткан, ойтқон*) *адам* «сказавший человек», *айтхан* (*айткан, ойтқон*) *адамла* (*кишилер, адамлар*) «сказавшие люди», *келлик* (*келетин*) *жашила* (*егетлер, жигиттер*) «парни, которые должны прийти».

2.1.1.1.2.1. Этапы субстантивации причастий

Дифференциальным признаком, отличающим причастие от других глагольных форм, является атрибутивность, т.е. способность употребляться в функции определения.

В тюркских языках многие причастия в результате опущения определяемых ими существительных субстантивировались и употребляются вместо этого опущенного имени, например: *жазыучу* (*язучы ~ язывчу*) *адам* (*одам, киши*) «пишущий человек» – *жазыучу* (*язучы ~ язывчу*) «писатель», *жырлаучу* (*ырдоочу, йырлавчу*) *жаши* (*егет, жигит*) «поющий человек» – *жырлаучу* (*ырдоочу, йырлавчу*) «поющий», *кычыргъан* (*кыйкырган, кычкыргъан*) *адам* (*одам, киши*) «кричавший человек» – *кычыргъан* (*кыйыкырган, кычкыргъан*) «кричавший», *къартайгъан къатын* «пожилая женщина» – *къартайгъан* «пожилой» и т.д.

Опущение определяемого имени у причастий или же употребление их без определяемого, даже употребление их с аффиксами принадлежности и падежа еще не означает, что они приобретают значение существительного или прилагательного. Например, в предложениях *Келгенинге къуандыкъ* «Мы обрадовались твоему приезду»; *Жазганынги иги этдинг* «Ты хорошо сделал, что написал» причастия *келгенинге, жазганынги* не имеют признаков субстантивации. Это говорит о том, что причастия могут склоняться, принимать аффиксы принадлежности, а также употребляться в функции разных членов предложения, не субстантивируясь при этом.

Некоторые исследователи, не учитывая это обстоятельство, считают, что причастия, потерявшие свою определительную

функцию, переходят в имена существительные. Так, например, И.Х. Урусбиев считает, что в предложении *Жауугъан тохтады* «Дождь (снег) перестал идти» *жауугъан* является именем существительным [Урусбиев 1976: 216]. По мнению А.Ю. Бозиева, в предложении *Уялмагъан буюрулмагъанны ашар* «Нахальство – второе счастье» (букв. «Бессовестный есть то, что не предназначено для него») *уялмагъан* – имя существительное [Бозиев 1966: 188]. Эта точка зрения поддерживается Д.М. Хангишиевым, который в предложении *Барма суйген артына бир окъ атсын, бармайгъанлар авузларын токътатсын* «Тот, кто хочет уехать, пусть отречется от всего, а те, которые не уезжают, пусть замолчат» причастие *бармайгъанлар* квалифицирует как имя существительное [Хангишиев 1998: 47].

Если бы каждое причастие, употребляемое без определяемого имени, переходило в существительное, то не было бы пооблемы лексикализации этой именной формы глагола, так как очень многие причастия могут потерять определительную функцию; например, в *карач.-балк.* *кетген къаитды* «ушедший (уехавший) вернулся», *билген айтады* «знающий говорит (отвечает)», *барлыкъла жыйылдыла* «те, которые должны поехать, собрались», *жаншаучу келди* «тот, кто болтает (обычно), пришел» и др.

Полный переход причастий в существительные осуществляется лишь при утрате ими временных значений и способности глагольного управления. В приведенных выше примерах мы видим изменение лишь синтаксической функции причастий, а их принадлежность к глаголу не изменена. Следовательно, это окказиональная (случайная), неполная, синтаксическая субстантивация, при которой не осуществляется лексикализация – превращение грамматической формы слова в новую лексическую единицу.

Итак, использование причастия в функции имени существительного имеет два этапа. На первом этапе происходит изменение лишь синтаксической функции причастия, но оно не переходит в существительное, продолжает оставаться как части речи глаголом. На втором этапе происходит изменение его принадлежности к частям речи, оно переходит в существительное, т.е. осуществляется узуальная (постоянная, устойчивая) субстантивация причастий. Только такая субстантивация

превращает причастия в настоящие существительные [Шахматов 1941: 445].

2.1.1.1.2.2. Причины, влияющие на субстантивацию причастий

Анализ причастий карачаево-балкарского языка показывает, что субстантивация их обусловлена причинами чисто грамматического характера. Основными из них являются следующие: 1) обозначение глагольной основой причастия не конкретного действия, а состояния или свойства; 2) употребление глагольной основы причастия в переносном значении; 3) употребление глагольной основы причастия со словами, обозначающими степени сравнения; 4) употребление (особенно одиночное) причастия в терминологии; 5) потеря причастием категории залога; 6) образование сложных причастий; 7) выпадение в причастиях на *-лык / -лик* начального *л*.

Как известно, глаголы могут обозначать не только конкретное действие, но и другие процессы в виде действия, как, например, состояние, проявление или изменение признака [ГСРЛЯ I 1970: 409; СРЯ 1952: 251; Калакуцкая 1971: 43-44]. Например, глаголы типа *ачыкыла-* «выяснять, выявлять что», *ауру-* «болеть», *сат-* «продавать», *суй-* «любить», *кёр* – «видеть», *агьар-* «белеть» не имеют значения конкретного действия.

Причастия, образованные от глаголов со значением конкретного действия, субстантивируются реже, чем причастия, глагольная основа которых не имеет такого значения. Например, в карачаево-балкарском языке из 100 с лишним причастий, перешедших в имена существительные, глагольную основу со значением конкретного действия имеют лишь 20: *агьартыучу* «отбеливатель» (от *агьарт-* «белить»), *алыучу* «покупатель» (от *ал-* «брать»), *ашаучу* «едок» (от *аша-* «есть, кушать»), *бичиучю* «закройщик» (от *бич-* «кроить»), *жазыучу* «писатель» (от *жаз-* «писать»), *жыйрыкъ* «платье» (от *жыйыр-* «делать складки на чем»), *жууургъан* «теплое одеяло» (от *жууур* – < *жыйыр-* (с тем же значением), *ёкюрюк* «рев» (от *ёкюр-* «реветь»), *ичерик* «выпивка» (от *ич-* «пить»), *къазгъан* «яма» (от

къыз- «копать»), *къапхан* «капкан, западня» (от *къап-* «кусать»), *къобан / къопхан* «поднявшийся» (от *къоп-* «разливаясь (о реке)»), *къычырыкъ* «крик» (от *къычыр-* «кричать»), *марачу* «охотник» (от *мара-* «целиться, метить в кого-что»), *урлукъ* «семя» (от *ур-* «бить»), *такъгъан* «связка (кочанов)» (от *такъ-* «привязывать, вешать, надевать *что*»), *туурагъан* «ломоть, долька» (от *туура-* «резать, рубить»), *чучхур* «водопад» (от *чучху-* «ковырять что; копать, рыть *что*»), *змеген* «чудовище», «циклоп, великан» (от *эм-* «сосать *что*»). Среди причастий, перешедших в прилагательные, еще меньше таких, основы которых обозначают конкретное действие, из пятнадцати — только одно: *саулукъ* «дойная» (*сау-* «доить»).

С нашей точки зрения, лексикализации причастий со значением конкретного действия препятствует и то обстоятельство, что они чаще употребляются с зависимыми словами, чем причастия со значением состояния или свойства.

Это обстоятельство, употребление с зависимыми словами, делает невозможной лексикализацию причастий: ср. в карач.-балк. *шахардан бизге тюнене келген жаш* «парень, приехавший вчера из города к нам», *сен манга бюгюн айтырыкъ сёзле* «слова, которые сегодня ты скажешь мне», *фермагъа былайтын озуучу машина* «машина, проезжающая (обычно) на ферму по этой дороге».

Незначительное количество причастий закреплено в тюркских языках в качестве терминов. Закрепление в качестве терминов «нейтрализует проявление в них уже ослабленных глагольных свойств» [Краснов 1955: 260]. Таким путем субстантивировались, например, причастия настоящего времени, образовав такие лингвистические и математические термины, как карач.-балк. *айгъакълаучу* «определение», *ачыкълаучу* «приложение», *толтуруучу* «дополнение», *къошулуучу* «слагаемое», *керелеучю* «множитель», *азланыучу* «уменьшаемое».

П р и м е р ы: *Айгъакълаучула асламысында сыфатдан, санаудан, алмайдан къураладыла* (Гузеланы Ж.) «Определения в большинстве случаев выражаются именами прилагательными, числительными и местоимениями»; *Толтуруучула болмасала, тилде айтымланы кёбюсю магъана жаны бла кем боладыла* (Ахматланы И.) «Большинство предложений при отсутствии

дополнений бывает неполным по своему содержанию»; *Жашчыкъ керелеучюню шарт ангылаталмады* (Чотчаланы М.) «Мальчик не мог четко объяснить, что такое множитель».

По мнению некоторых исследователей, термины-причастия не лексикализуются: «Адъективация – это процесс живого языка и не может протекать в такой искусственной, условной области языка, какой является терминология» [Калакуцкая 1971: 59]. Факты ряда тюркских языков противоречат этому мнению. Например, в карачаево-балкарском языке термины-причастия, как правило, лексикализуются, переходя в имена существительные. И это заметно не только в одиночных причастиях, но и в сложениях и сращениях с опорным причастием, употребляемых обычно в лингвистической терминологии. В отличие от одиночных терминов-причастий, причастия – терминологические сочетания употребляются в прошедшем и будущем времени: *башлаучу болуш* «исходный падеж», *бериучю болуш* «дательный падеж», *жалгъаучу байлам* «соединительный союз», *кёргюзтюучю кесекчик* «указательная частица», *айырылгъан болум* «вводное слово», *аталгъан айтым* «номинативное предложение», *боллукъ заман* «будущее категорическое время».

П р и м е р ы: *Бериучю болуш кимге? неге? деген соруулагъа жууап этеди* [ГКБЯ 1966] «Дательный падеж отвечает на вопросы кому? чему?»; *Келир заманы этимсыфатлары, къатланып келселе, дефис бла жазыладыла* (Будайланы А.); *Аталгъан айтымла къысха боладыла* (Ахматланы И.) «Номинативные предложения бывают короткими»; *Кийдирилген сёзле айтымны аллында, ортасында, ахырында да келедиле* (Ахматланы И.) «Вводные слова употребляются в начале, середине и в конце предложения».

Следует отметить, что причастия *башлаучу* «начинающий», *айырылгъан* «разлученный, отделенный», *боллукъ* «будущий» и другие вне этих сочетаний не осмысливаются ни именами прилагательными, ни именами существительными. Субстантивные значения они получают только в составе терминов.

На лексикализацию причастий оказывает влияние и потеря ими категории залога. Так, в карачаево-балкарском языке причастия *жабыллыкъ* «то, что должно закрываться, запирается», *табылгъан* «найденный», *таланнган* «искусанный», *айтылгъан*

«сказанный» образованы от залоговых форм глаголов *жап-* «закрывать», *тап-* «находить *кого-что*, обнаруживать *что*», *тала-* «кусать *кого* (о собаке и т.п.)», *айт-* «говорить, сказать», т.е. от форм страдательного залога *жабыл-* «быть крытым; закрываться, запирается», *табыл-* «быть найденным», *талан-* «быть искусанным», *айтыл-* «быть сказанным». Наряду с этими прямыми значениями данные формы употребляются и в переносных значениях: *жабыл-* «пропадать», *табыл-* «приходить», *талан-* «утруждаться», *айтыл-* «прославляться». Эти же значения сохранены в причастиях, образованных от них. Таким образом, причастия, будучи употребленными в переносном значении, утрачивают грамматическую категорию залога и лексикализуются. Так образованы имена прилагательные *айтылгъан* «прославленный, знаменитый», *жабыллыкъ* «проклятый».

Примеры: *Фатийма къызлыгъында черкес элде айтылгъан ариу къыз болгъанды (Хубийланы О.)* «До замужества Фатима была прославленная в черкесском селе красавица»; [*Налжан эрине:*] *Насыпсыз, ол жабыллыкъ къарынынгы тыялмагъанынга уялмаймыса!?* (*Шауаланы М.*) «[Налжан своему мужу:] Несчастный, не стыдно тебе не уметь унять свое ненасытное брюхо (т.е. не есть)!».

Всякое образование сложных причастий в некоторых тюркских языках предполагает их лексикализацию. Например, в караево-балкарском языке нет нелексикализованных сложных причастий. При этом, как уже отмечалось, сложные причастия, как правило, переходят в имена существительные.

Примеры: *Кёзкергенден булутла къарадыла (ТСКБЯ)* «Из-за горизонта показались тучи»; *Кюнбатханны бла кюнчыкъгъанны арасында жашагъан буслийман халкъ...* (*Кациланы Х.*) «Мусульманский народ, живущий между западом и востоком...»; *Председатель, ётген-сетгенни сёзге тыя, ашыкъмай барады (Толгурланы З.)* «Председатель идет не спеша, занимая прохожих разговором»; *Жаишчыкъла, эки къауумгъа бёлюнюп, къойбермез ойнап башладыла (Таумырзаланы Д.)* «Мальчики разделились на две группы и начали играть в койбермез (детская игра)»; *Жууугъуракъдагъы эт табакъда кълсюимезни эследим да, алып, алыма салдым (Тётеланы А.)* «В тарелке, лежащей ближе [ко мне], я заметил последний [бараний] позвонок, взял его и положил перед собой».

Лексикализации причастий будущего времени на *-лыкь / -лик* в карачаево-балкарском языке способствует и выпадение в них начального согласного *-л*. В таких случаях данный аффикс выполняет роль имяобразующего аффикса *-ыкь / -ик*, благодаря чему причастия теряют свои глагольные признаки и переходят в имена существительные: *ашарыкь* «еда» от *аша+r+-лыкь* «тот, кто будет есть», «то, что можно есть»; *ичерик* «выпивка» от *ич+ер+-лик* «то, что надо пить», «тот, кто будет пить»; *къабарыкь* «еда, пища, закуска» от *къаб+ар+-лыкь* «то, что можно брать зубами», «тот, кто будет есть»; *басдырыкь* «гнет (жердь для придавливания сена, соломы, снопов на возу)» от *бас+дыр+-лыкь* «то, чем можно придавливать», *къычырыкь* «крик» от *къычыр+-лыкь* «тот, кто будет кричать», *турукь* «сухостой» от *тур+-лукь* «то, что будет стоять», «тот, кто будет стоять», *къысдырыкь* 1) «о подкладке (то, что подкладывается для опоры)»; 2) «запас» от *къысдыр+-лыкь* 1) «то, что будет прижимать, зажимать»; 2) «тот, кто будет припасать что»; *ёкюрюк* «рев» от *ёкор+-люк* «тот, кто будет реветь».

2.1.1.1.2.3. Степень субстантивации причастий

Одни причастия, лексикализовавшись, полностью теряют связи со своими производящими и употребляются только в новом значении, т.е. в значении существительных. Это такие лексикализованные причастия, как *къапхан* (*къапгъун*, *капкан*, *қопқон*) 1. «капкан, мышеловка»; 2. *перен.* «ловушка, западня», *къумгъан* (*куман*, *қумгон*) «кувшин (с металлическим узким горлышком)», *тутурукь* (*карач.-балк.* от *тут-* «держать») 1. «олово»; 2. *перен.* «основа, опора»; *къобан* (*карач.-балк.*) «река», *турукь* «сухостой»; *къууушхан* (*куушкан*, *қуюшқон*) «подхвостник, пахва»; *чучхур* (*карач.-балк.*) «водопад»; *эмеген* (*эм-* «сосать») «чудовище, циклоп, великан»; *саубитген* (*карач.-балк.*) «верзила, здоровый (о человеке)»; *урлукь* (*уруг*, *урлук*) 1. «семя, семечко, семена»; 2. «порода, сорт»; *басдырыкь* «гнет (жердь для придавливания сена, соломы, снопов на возу)» и т.д.

Такие слова стали непроизводными и в большинстве случаев потеряли свойство деления на морфемы, так как их структура

затемнена; ср.: *кьобан* < *кьоп*- «разливаться (о реке)» + *-хан* > *-ан* – *кьопхан* «разлившийся», *басдырыкъ* < *бас*- «давить» + *-дыр* + *-лыкь* > *-ыкъ* – *басдырыкъ* «то, что придавит», *турукъ* < *тур*- «стоять» + *-лукь* > *-укь* – *турлукь* «тот, что будет стоять», *тутурукь* < *тут*- «скрепить, соединить» + *-ур* / *-ар* + *-лыкь* / *-ыкъ* – *тутарлыкь* «то, что схватит», *саубитген* < *сау* «целый, здоровый» + *битген* «выросший».

Подобные изолированные формы лексикализованных причастий утратили значение времени и указывают на статистический временной признак. Об этом писал еще П.М. Мелиоранский, говоря о лексикализации таких причастий, как *сычгъан* «мышь», *басгъан* «большой молот» (от *бас*- «давить») [Мелиоранский 1900].

Другие субстантивированные причастия не теряют связи со своими производящими и употребляются в двух значениях: в значении причастия и в значении существительного или прилагательного. К ним относятся причастия типа карачаево-балкарских *ашарыкъ*: *жугланьып ашарыкъ* «тот, кто с жадностью будет есть» – *ашарыкъ бишиди* «пища сварилась», *битген*: *битген иш* «завершенное дело» – *битген чыкъгъанды* «чирей вскочил», *кёнген*: *кёнген кёзле* «опухшие глаза» – *кьоркъуусуз кёнген* «доброкачественная опухоль».

П р и м е р ы: *Ашарыкъда сайлагъаннга* – *чий гыржын* (погов.) «Слишком привередливому – недопеченный чурек»; *Кьоркъуусуз кёнген бир кюн бир бузулур* (погов.) «Доброкачественная опухоль когда-нибудь вскрыется».

Как видно из приведенных примеров, субстантивированные причастия обоих типов, и сохранившие, и не сохранившие связи со своими производящими, имеются среди причастий прошедшего и будущего времени. Говоря иначе, одни причастия прошедшего и будущего времени после субстантивации употребляются как в старой, так и в новой роли, а другие – только в новой роли.

В отличие от них субстантивированные причастия настоящего времени все без исключения сохранили связи со своими производящими, структура их прозрачна: *окъуучу* (*укучы, укыусы, охувчу*): *азбар окъуучу* «читающий наизусть» – *юлгюлю окъуучу* «примерный ученик», *сатыучу* (*сатучы, сатывчу*): *багъа са-*

тыучу «дорого продающий» – **Сатыучу багдадан тутады** «Продавец просит дорого»; **мараучу: кийиклени мараучу** «охотящийся на косуль» – **мараучуну саууту** «оружие охотника», **толтуруучу: планны толтуруучу** «выполняющий план» – **туура толтуруучу (грам.)** «прямое дополнение»; **сакълаучу (сакълавчу): мени сакълаучу (сакълавчу)** «тот, кто обычно ждет меня» – **Сакълаучу (сакълавчу) тюкенден чыкъды** «Сторож вышел из магазина» и др.

П р и м е р ы: **Узбекистон ёзувчилари союзу** «Союз писателей Узбекистана»; **Уқытыусы тарэн белемле булһа, уқытқан фәнен аңлата белһэ, балалар уны ярата** («Башқортостан уқытыусыһы». 1968. №1) «Детям нравятся преподаватели, имеющие глубокие знания и умеющие объяснять свою специальность»; **Балам, уллу кьар кюн уугъа кетесе, жарлыды мараучуну анасы (Мёчуоланы К.)** «Сын мой, в снег ты уходишь на охоту, бедна мать охотника».

Образование причастий данной формы тоже специфично. Если причастия прошедшего и будущего времени образуются от основы глагола (**бар+гъан, бар+лыкь, бар+ыр, айт+хан, айт+тыр, айт+тырыкь**), то настоящего времени – от имени действия (**келицу / келив + чю, айтыу / айтыв + чу, соруу / сорув + чу**).

Субстантивированные причастия настоящего времени лексических и лексико-грамматических омонимов не образуют. Они образуют только чисто грамматические омонимы, или омоформы: **окъуучу ~ охувчу** «читающий» (*прич.*) – **окъуучу ~ охувчу** «ученик» (*суц.*); **къараучу ~ къаравчу** «смотрящий» (*прич.*) – **къараучу ~ къаравчу** «зритель» (*суц.*); **сатыучу ~ сатывчу** «торгующий» (*прич.*) – **сатыучу ~ сатывчу** «продавец» (*суц.*).

Лексикализованные причастия прошедшего и будущего времени наряду с грамматическими могут обоозовать также лексические и лексико-грамматические омонимы; например, *карач.-балк.*: **къабарыкь** «который укусит» (*прич.*) – **къабарыкь** «пища, еда» (*суц.*); **кёнген** «опухший» (*прич.*) – **кёнген** «опухоль» (*суц.*); **жыйрыкь I** «1. морщина», «2. складка, оборка» (*суц.*) – **жыйрыкь II** «платье» (*суц.*), **чепкен I** «1. сукно (домотканое)», «2. черкеска» (*суц.*) – **чепкен II** «платье (женское)» (*суц.*); **басдырыкь- I** «видеть во сне кошмары» (*глагол.*) – **басдырыкь II** «гнет (жердь для прижимания сена, соломы и снопов на возу)».

Примеры: Къабарыкъ тьююлдю деп, тишсиз итни да къозутма (погов.) «Не дразни даже беззубую собаку, думая, что не укусит»; Зурум, бир къабарыкъ мажар, атанг бусагъат келликди (журн. Минги-Тау) «Зурум, приготовь обед, отец твой вот-вот придет»; Амма, кёремисе, бетими кёнгени чёге турады (Текуланы Ж.) «Бабушка, видишь опухание моего лица спадает»; Кёнген бир кюн бир атылыр (погов.) «Нарыв когда-нибудь да лопнет».

2.1.1.2. Образование имен существительных от личных форм глагола

Собранный и проанализированный нами фактический материал тюркских языков показывает, что в них субстантивируются не только такие неличные формы глагола, как имя действия и причастие, но некоторые личные формы его, а именно: взаимно-совместный залог и желательное наклонение на *-гъын / -гин, -хун, -хын, -къын, -гъун / -гюн*. Об этом нет никаких сведений в некоторых грамматиках, например, в грамматиках карачаево-балкарского языка. Из исследователей словообразования карачаево-балкарского языка этот вопрос затрагивает лишь М.А. Хабичев и то косвенно. Автор в целом правильно характеризует процесс субстантивации данных глагольных форм. Однако, на наш взгляд, он не прав, считая, что подобный способ образования имен существительных в этом языке продуктивен, ибо, по его мнению, указанные формы могут субстантивироваться без ограничения [Хабичев 1989: 119-121, 165-166].

2.1.1.2.1. Образование имен существительных от форм взаимно-совместного залога

Прежде чем перейти к вопросу о субстантивации форм взаимно-совместного залога глагола следует остановиться на вопросе отношения залога к словоизменению и словообразованию.

Во мнениях тюркологов нет единства по данному вопросу. Одни исследователи [Баскаков 1952: 333; Серебренников 1952:

62-72; Иванов 1967: 18 и др.] залоговые формы относят к словообразованию лексико-грамматического характера. Их поддерживают грамматисты, рассматривая эти формы в разделе словообразования. При решении этого вопроса они руководствуются, как правило, данными словарей тюркских языков, в которых залоговые формы отражаются без каких-либо ограничений. Эта лексикографическая традиция идет от первых словарей, в частности, словаря М. Кашгарского («Дивани лугъат ат-тюрю», XI в.). В них формы залога давались наравне с другими словами без упоминания об их залоговой принадлежности. Впоследствии, начиная с XX в., они стали приводиться с указанием на принадлежность их к тому или иному залогу.

В словарях, составленных в 70-90-е годы, прослеживается попытка разграничения залогового и словообразовательного значений залоговых форм: залоговые формы приводятся без перевода, с пометой и отсылкой к исходной форме, а лексические значения, не соответствующие данной его залоговой форме, даются в переводе на русский язык (в тюркско-русских словарях) или объясняются (в толковых словарях тюркских языков).

Здесь заметно влияние тех исследований, в которых залог относится одновременно и к словоизменению, и к словообразованию [Зинатуллина 1969: 219-220; Харитонов 1963: 11; Кононов 1980: 173 и др.].

В исследованиях 70-90-х годов [Юлдашев 1972: 122-150; 1976, №4; 1979; Геляева 1982; 1999 и др.] выработалось мнение о том, что залоговые аффиксы полисемантичны. В них, особенно в работах А.А. Юлдашева, выработан критерий для разграничения словообразующей и формообразующей функций залоговых форм: когда залоговый аффикс выполняет залогообразующую функцию, основа, содержащая его, соотносится со всей системой форм с данным аффиксом, обнаруживает единое типовое значение, представленное этими формами, и вызывает определенное падежное оформление слов, соотносенных с глаголом как производитель обозначаемого им действия. Другими словами, залогообразующая функция формы находит на уровне синтаксиса формальное выражение, что в совокупности с показателем залога и соответствующим ему типовым значением и может служить основным критерием как для отграничения двух разных

114

функций залоговых форм, так и для выделения данного залога в качестве грамматической категории» [Юлдашев 1972: 138].

Итак, залоговые формы глаголов, как и их неличные формы могут лексикализироваться.

Субстантивируется из них только форма взаимно-совместного залога, притом в ограниченном количестве. Так, в словарях имеются лишь в пределах 20 имен существительных, образованных от форм взаимно-совместного залога: *атлаш* «движение шагом, пеший ход» (*атлаш-* – *вз.-совм.* от *атла-* «шагать»); *атыш* «стрельба» (*атыш-* – *вз.-совм.* от *ат-* «стрелять»); *буруш* «упрямец» (*буруш-* – *вз.-совм.* от *бур-* «крутить»), *жыгъыш-* «борьба (*спорт.*)» (*жыгъыш-* – *вз.-совм.* от *жыкь-* «нокаутировать *кого* (*спорт.*)»); *жюрюш* «ход, движение; походка» (*жюрюш-* – *вз.-совм.* от *жюрю-* «ходить»); *жыртыш* «ссора, грызня», «драка, схватка» (*жыртыш-* – *вз.-совм.* от *жырт-* «грызться, ссориться», «драться (о птицах, животных)»); *кьонуш* «насед, гнездо», «стан, стоянка» (*кьонуш-* – *вз.-совм.* от *кьон-* «приземляться, садиться, опускаться»); *ойнаш* «любовник, любовница» (*ойнаш-* – *вз.-совм.* от *ойна-* «играть»), *сёюш* «позор, хула, брань» (*сёюш-* – *вз.-совм.* от *сёк-* «порочить, хулить, чернить *кого*»), *табыш* «доход» (*табыш-* – *вз.-совм.* от *тап-* «находить»); *тигиш* «способ вышивки» (*тигиш-* – *вз.-совм.* от *тик-* «шить»); *туруш* «положение» (*туруш-* – *вз.-совм.* от *тур-* «стоять, вставать»); *согъуш* «сражение, битва» (*согъуш-* – *вз.-совм.* от *сокь-* «ударить, бить»); *айтыш* (*этно.*) «состязание в остроумии, в острословии» (*айтыш-* – *вз.-совм.* от *айт-* «говорить, сказать»), *жеңиш* «победа» (*жеңиш-* – *вз.-совм.* от *жең-* «победить»), *чыгъыш* «восток» (*чыгъыш-* – *вз.-совм.* от *чыкь-* «выходить»), *кюреш* (*күрөш*) «борьба» (*кюреш-* (*күрөш-*) – *вз.-совм.* от *кюре-* (*күрө-*) «сгребать лопатой»), *тартыш* «схватка» (*тартыш-* – *вз.-совм.* от *тарт-* «тянуть, тащить») и др.

П р и м е р ы: *Чыгышка карай жөнөн кеттик* «Мы отправились по направлению к востоку»; *Куз – талаш малы (погов.)* «Осень – время борьбы (за обеспеченное существование зимой)» (*киргиз.*); *Бу туришда ишни кечгача тугата олмаймиз* «При таком положении мы до вечера не сможем закончить работу»; *Униң топиши зур* «У него солидный заработок» (*узбек.*); *Эчки, Чыптыкны сёзюн эшитмей, башын ёрге тутуп, атлашына кьошду* (*Зокаланы 3.*) «Коза не услышала Чыппыка, выше подня-

ла голову и ускорила шаг»; *Уста Зубайда этген жыйрыкны тигишине сейирсинит кьарайды* (газ. «Заман») «Мастер с удивлением смотрит на способ вышивки платья, которое сшила Зубайда» (карач.-балк.).

Большинство форм данного залога субстантивируется не сразу, а через посредство глаголов, образованных от залоговых форм: *даулаш* – *вз.-совм.* от *даула* – «требовать что, претендовать на что» – *даулаш* – «спорить (друг с другом)» – *даулаш* «спор, ссора», *сермеш* – *вз.-совм.* от *серме* – «схватить что, схватиться за что» – *сермеш* – «биться, сражаться, воевать» – *сермеш* «драка, схватка; битва, бой» и т.п. Следовательно, в таких случаях, в имя существительное переходит не залоговая форма, а глагол, образованный от нее путем ее лексикализации.

Некоторые исследователи считают, что глагол и имя существительное образуются от форм взаимно-совместного залога одновременно. Например, А.М. Мизиев пишет: «Особенностью аффикса взаимно-совместного залога, отличающей его от других косвенных залогов, является то, что он во многих случаях образует одновременно с новыми глаголами имена существительные, способствуя тем самым росту лексико-грамматической омонимии в языке...» [Мизиев 1999: 122]. Это мнение иллюстрируется примерами, аналогичными с вышеприведенными.

2.1.1.2.2. Образование имен существительных от форм желательного наклонения

Поскольку вопрос о производности имен существительных на *-гьун / -гюн*, *-гьын / -гин*, *-хун*, *-хын*, *-кьын* (*кьуугьун* «весть о беде, тревога, клич, набат, набатный зов», *тизгин* «ряд», *чапхын* «простуда», «рожистое воспаление» и т.п.) от формы желательного наклонения глагола с этими же аффиксами не затрагивается в научных грамматиках, считаем целесообразным вкратце остановиться на происхождении данного аффикса.

О происхождении указанного аффикса высказаны различные мнения. Так, К. Брокельман считал *-кьын* рудиментом древнего инструментального падежа на *-ыкъ*: *-кьын* < *-ыкъ* + *-ын* [см. Гарипов 1959: 82]. О. Бетлингк возводил *-кьын* к сложному аффиксу

-кьын + -н [см. Кононов 1960: 120]. Ж. Дени -кьын и аффикс причастия прошедшего времени считал родственными, Б. Банг отрицал родство между этими аффиксами и видел в -кьын особую форму причастия прошедшего времени [см. Севортян 1966: 326]. Н.К. Дмитриев пришел к выводу о том, что «... формы на -гьан и т.д. и на -гьын и т.д. родственны по значению и происхождению: последняя лишь указывает на более статическое понятие и подходит ближе к прилагательным типа рус. «беглый», «легкий», «стоячий», а первая содержит в себе больше динамичности и может быть отнесена к таким причастиям, как рус. «бегущий», «лежащий», «стоящий» [Дмитриев 1940: 145]. Г.И. Рамстедт суффиксы -гьан и -гин возводит к древнему причастию на -н от вторичной глагольной основы: «о. – тюрк. -кь ~ -ыкь (непереходное или страдательное)...» [Рамстедт 1957: 136]. Н.А. Баскаков к группе генетически общих аффиксов, образующих именные формы глагола и восходящие к субстантивным, главным образом атрибутивным, его формам, отнсит: -гьан (-ген), -кьан (-кен) > -ан (-ен) и -гьын (-гин), -кьын (-кин) > -ын (-ин), -н [Баскаков 1952: 397]. А.Г. Гулямов полагает -кин < -ки + -н, где -н выражает действующее лицо [Гулямов 1955: 36]. М.А. Хабичев, не отрицая древнейшего родства между -кьан и -кьын, предполагает, что аффикс отглагольного имяобразования -кьын является омоаффиксом, восходит к аффиксу причастия повелительно-желательного наклонения [Хабичев 1989: 120].

Мы разделяем мнение М.А. Хабичева лишь с незначительной поправкой: форма (-кьын / -гьын, -гин и др.) не выражает побуждения к действию, поэтому целесообразно ее называть формой только желательного наклонения.

В карачаево-балкарском языке данный аффикс в образовании имен существительных непродуктивен: в словарях зафиксировано всего 15 слов. Его фонетические формы имеются и в близкородственных карачаево-балкарскому куманском (-гьыл / -гил), кумыкском (-кьыр / -гьыр, -кир / -гир, -кьур / -гьур, -кюр / -гюр) языках. По мнению А.Н. Кононова, аффиксы -гьыл, -гьыр, -гьын при учете закона соответствия л:р:н восходят к единому источнику [Кононов 1960: 208], что представляется нам совершенно бесспорным.

Имена существительные, образованные от данной формы желательного наклонения, называют живые существа, предметы, а в

большинстве своем отвлеченные понятия. В зависимости от того, название чего, объекта, субъекта, процесса, результата, они обозначают, среди них можно выделить следующие разновидности:

1. Название объекта по процессу или результату действия: *учхун* (*учкун*) «пепел», «искра» (*учхун-* – *желат. накл.* от глагола *уч-* «летать»), *кьусхун* «рвота; блевотина» (*кьусхун-* – желательное наклонение от глагола *кьус-* «рвать») и др.

П р и м е р ы: *Майдан кир курулат, учкундан жалын тутанат* (погов.) «Из мелкого крупное составляется, из искры пламя возгарается» (*киргиз.*); *Ожакьдан учхунла чыгьадыла* (*КБРС*) «Из трубы летят искры»; *Ит а, кьанны угьай, кьусхунну да жалайды* (*журн. «Минги-Тау»*) «А собака лижет не только кровь, но и блевотину» (*карач.-балк.*).

2. Название процесса и результата действия: *кьюугьун* «тревога», «сигнал об опасности», «погоня» (*кьюугьун* – желательное наклонение от глагола *кьюу-* «гнать кого-что», «гнаться за кем-чем»), *тизгин* «ряд» (*тизгин* – желательное наклонение от глагола *тиз-* «ставить кого-что в ряд»), *чапхын* (*карач.*) «простуда», «рожистое воспаление» (*чапхын* – желательное наклонение от глагола *чап-* «бежать») и др.

П р и м е р ы: *Кой жеген бору коңулда, койчусу калды куугунга* (погов.) «Волк, съевший овцу в ложбине (прятался), а за пастухом погоня» (*киргиз.*); *Врач кьызычкьны чапхыны болгьанын анасына айтды да дарманла жазды* (*газ. «Кьарачай» 2001*) «Врач сказал матери, что у девочки простуда, и выписал лекарства»; *Ал тизгинде Аслан бла Мухтар, аланы артында уа мен бла Замир олтурабыз* (*Гулаланы Б.*) «На переднем ряду сидят Аслан и Мухтар, а сзади их – я и Замир».

3. Название субъекта по процессу или результату действия: *кьачхын* «беглец» (*кьачхын* – желательное наклонение от глагола *кьач-* «бежать, убежать, обращаться в бегство»), *тутхун* «арестант; пленник, узник» (*тутхун* – желательное наклонение от глагола *тут-* «арестовать») и др.

П р и м е р ы: *Кьачхын кьул болур* (погов.) «Беглый рабом становится (т.е. попадает в зависимость)» (*карач.-балк.*); *Туткун тушуруп ал-* «взять в плен» (*киргиз.*).

Субстантивированные и несубстантивированные формы желательного наклонения на *-гьын* / *-гин* и т.п., как и формы имен

действия и причастий, различаются обычно в контексте. Ср. *Сен самолётда учун!* «Чтобы ты летал в самолете!» и *папиросну учуну* «пепел папиросы»; *Сен насып кьуугьун!* «Чтобы ты гнался за счастьем!» и *кьуугьун эт-* «бить тревогу»; *Сен кьоян тутхун!* «Чтобы ты поймал зайца!» и *фашист легерьни тутхунлары* «узники фашистского лагеря».

2.2. Проблема лексикализации форм падежей

При установлении лексикализации форм пространственных падежей составители научных грамматик и общих словарей (тюркско-русских и тюркских толковых) принимают во внимание следующее обстоятельство: изолировались ли эти формы от своих производящих основ, от остальных их словоформ и от системы той части речи, к которой относятся эти словоформы. Именно с учетом этих обстоятельств оценены как наречия такие падежные формы, как *артха* (*артка*, *ортига*) «назад», *артда* (*артта*, *ортида*) «потом», «позади», *алгъа* (*олдига*) «сначала», *ингирде* (*кечинде*) «вечером», *жангыдан* (*янгыдан*) «снова», *бошдан* «зря», «попусту», *йыракъда* (*ыракда*, *узакъда*) «вдали, вдалеке», *кьышда* (*кышында*) «зимой», *бошуна* (*бошына*) «впустую», *эжелден* (*эрттеден*) «издавна», *ачыкъдан* «откровенно» и десятки других. Все эти словоформы действительно бытуют на правах отдельных слов – наречий и не имеют отношения к своим истокам.

В целом, образований, которые принято называть изолированными формами падежей, в тюркских языках значительно больше, чем можно себе представить по существующим о них отрывочным сведениям, содержащимся в грамматиках, даже специальных исследованиях.

Хотя природа и история подобных словоформ, как и других изолированных форм слов, еще не стали предметом специальных изысканий, среди грамматистов достигнуто единомыслие в подходе к проблеме и в общей принципиальной оценке указанных образований – они все единодушно признают в них нарушение тождества слова, преобразование словоформы в собственно лексическую единицу.

Одним из самых дискуссионных в тюркологии является отношение служебных слов к наречиям. Так, не только в грамматиках, но и в специальных исследованиях многие служебные имена квалифицируются как наречия: *тиобюнде* «внизу», *кьатында* «рядом», *тёгерегинде* «вокруг» [ГКБЯ 1966: 100], *уьстиге* «наверх», *янында* «рядом», *кьасында* «сбоку», *уьштинде* «наверху», *алдыда* «впереди» и др. [ГНЯ 1973: 189, 194-195], *артында* «сзади», *аллында* «впереди», *тиобюнде* «внизу», *тиобюнден* «снизу», *башында* «наверху», *башындан* «сверху» [Бозиев 1965: 50-54; Хабичев 1989: 162].

Чем же вызвано отнесение служебных имен некоторыми тюркологами к самостоятельным лексическим единицам-наречиям? Ответ на этот вопрос связан, на наш взгляд, со следующими обстоятельствами:

1. Некоторые служебные имена могут употребляться без аффикса принадлежности 3-го л. ед.ч.: ср. *карач.-балк. Тюнде болсанг да, уллу сёлеш (погов.)* «Не теряй духа, даже оказавшись внизу», *кумык. арагъа кир-* «войди в середину», *башкир. уртага куй-* «поставь на середину» и т.п.

2. Большинство служебных имен бытует в своем ведущем лексическом значении, выражая пространственные и временные отношения наравне с общепризнанными знаменательными словами: ср. *орта (орто, урта)* «середина», *арт (орт)* «задняя часть, сторона, место, расположенное сзади», *тийре* «окружающее пространство» (*юй тийресинде* «вокруг (возле дома)»), *жан* «сторона» (*тау жанына / тав янына / тоо жагына* «в сторону гор») и т.п., в совокупности с которыми они составляют единый семантический разряд слов, заметно видоизменяющий значения пространственных падежей.

3. Составители русско-тюркских словарей при переводе слов, в том числе и наречий, старались находить более точные эквиваленты: ср., например, в РКБС *внутри* «ичине», *внутри* «ичинде», *изнутри* «ичинден», *наверх* «башына», *наверху* «башында», *сверху* «башындан» (ср. их параллели в РКС (1997): *ичге, ичде, ичден, уьстге, уьстде, уьстден*). Составители тюркско-русских, а также толковых словарей тюркских языков, естественно, пользовались данными русско-тюркских словарей, а авторы грамматик и монографий при описании наречий – данными всех этих словарей.

Следует отметить, что, употребляясь изолированно, т.е. без предыдущего определения, некоторые служебные имена переходят в наречия. При этом свое значение они выражают независимо от других слов, самостоятельно; прежнее конкретное их значение абстрагируется, и они реализуются в значении обстоятельства места и времени: ср. *карач.-балк. аллындан* «сначала, сперва» (*Аллындан билген болсам, мен былай этерик туйюл эдим* (Тёпеланы А.) «Если бы я знал это сначала, поступил бы не так»), *ахырында* «напоследок», «наконец» (*Ахырында [Фазыл] таубә итә, партиягә керә* (Г. Нигъмәти) «Наконец [Фазыл] раскаивается и вступает в партию»).

В приведенных служебных именах аффикс *-ы* потерял свое значение принадлежности и вошел в состав основы (первичной).

В тюркских языках многие имена, особенно существительные, с аффиксом принадлежности также изолировались и стали наречиями: ср. *карач.-балк., татар. заманында* (кумык. *вакътисинде*) «вовремя» (*Юйге вакътисинде гел* «Приходи домой вовремя»), *карач.-балк. терсинден* «превратно» (*Аскер мен айтханны терсинден ангылагъанды* (Гуртуланы Э.) «Аскер неправильно понял мои слова»), кумык. *гёнгюнен* «наизусть» (*шиъруланы гёнгюнен охумакъ* «прочеть стихи наизусть»). Словоформы *заманында, вакътисинде, терсинден, гёнгюнен* и многие другие, подобные им, употребляются только с аффиксом принадлежности 3-го л., что свидетельствует о переходе их в наречия.

Как уже отмечалось, изолируются формы пространственных падежей всех имен. При этом основную часть наречий, образованных таким способом, составляют имена существительные и прилагательные.

Пространственные падежи имен существительных: а) дательно-направительный падеж: *алгъа* (*алга, олга*) «вперед», «вначале», «сначала», *артха* (*артка, артгъа*) «назад», *ачыугъа* (*ачувгъа*) «назло», *энишге* «вниз», *ёрге* (*оьрге, оске*) «вверх, наверх», *борчха* (*борчгъа*) «вдолг», *заманлыкъгъа* (*замангъа*) «временно» и др.: *Артва асыралгъан кез чыгъармаз* (посл.) «Оставленное впрок глаз не выколет»; я *артгъа туюл, я алгъа туюл* «ни в зад, ни вперед»; б) местный падеж: *алда* (*олдида*), *башда* (*башта*) «вначале», *артда* (*орти-*

да) «потом, затем, после», *жайда (яйда)* «летом», *кыишда (қишда, кышта)* «зимой», *ахырда (охирда)* «наконец», *кюзде (күздө, гюзде)* «осенью», *тюдде* «внизу», *алда* «вначале» и др.: *Алайда кеп тюрлю дауурла болсала да, ахырда асламысы Болат жанлы болдула (Этезланы О.)* «Хотя и пришлось долго спорить, наконец, большинство поддержало линию Болат»; *Хабаргъа тынглама башда тынч эди* «Вначале было легко слушать рассказ»; в) исходный падеж: *алдан* «прежде», «сначала», «заранее», «вперед», «предварительно», *артдан (арттан)* «потом», «после, позже», *кёлден (яттан, гёнгюнден)* «наизусть», «устно», *башындан* «сначала», «сперва», «прежде», *жашлыкдан* «по молодости», *телиликден* «по несообразительности», *кючден* «еле, еле-еле, с трудом», *башдан (баштан)* «заранее», «сначала», *хырындан* «вбок», «бокком», *тышдан* «извне», *кючден (гючден)* «насильно», *агъмакълыкдан* «сдуру», *кызышгъанлыкдан* «сгоряча» и др.: *Орамлада бла жоллада жюрююню низамын толусунлай кёлден билеме (Гуртуланы Э.)* «Правила уличного движения я знаю полностью наизусть»; *уьстден тюнге тюшмек* «спуститься сверху вниз».

Пространственные падежи имен прилагательных: а) дательно-направительный падеж: *солгъа (солго, сулга)* «налево», *онгнга (уңга, оңго)* «направо», *узакъгъа (еракка, ыраакка)* «вдаль», *бошуна (бекерге, бушка)* «впустую, вхолостую», *узунуна, боюна (буйга)* «вдоль», *кенгине (генгине, аркылыга)* «вширь», *кыынгырына* «вкривь» и др.: *Тирмен бошуна ишлей* «Мельница работает вхолостую»; *къумачны узунуна, энине гесмек* «разрезать материяу вдоль»; *Ол къайры эсе да кыынгырына къарат турады (Текуланы Ж.)* «Он смотрит куда-то вкривь»; *Сен бошуна къайгъы этесе (Гулаланы Б.)* «Ты зря беспокоишься»; б) местный падеж: *кенгде (алыста)* «далеко, вдали», *ташада* «за глаза», *туурада* «на виду», *узакъда (ыыракъда, ыраакта, еракта)* «вдали, вдалеке», *солда (солдо, сулда)* «налево», *эрттеннгиде* «утром», *жайгъыда* «летом», *ювукъда (жууукъда, жакында)* «скоро, вскоре», *онгда (оңдо, уңда)* «направо», *солда (солдо, сулда)* «налево», *арекде* «вдалеке» и др.: *Узакъда биченден жууукъда мулжар ахшы (погов.)* «Чем сено [заготовленное] вдалеке, лучше солома вбли-

зи»; *Ол бизден йыракъда яшай* «Он живет далеко от нас»; *Арегде денгиз гёк болуп гёрюне эди* «Вдалеке синело море»; *Адамны ташада сёкме, туурада махтама (посл.)* «Человека за глаза не черни, в глаза не хвали»; в) исходный падеж: *жангыдан (яңадан)* «снова, вновь, заново», *онгдан (оңдон, уңдан)* «справа», *солдан (солдон, сулдан)* «слева», *ачыкъдан (карач.)* «открыто», «прямо», «откровенно», *узакъдан (йырокъдан, ыраактан, ерактан)* «издалека», *хапарсыздан* «ненароком», «врасплох», «нахрапом», «невзначай», *янгыдан (жангыдан)* «снова», *гертиден* «всерьез», *тюзюнден, туврадан* «прямым, напрямик», *йыракъдан* «издалека» и др.: *Узакъдан, къайдан эсе да, кёк кюкюреген таууш эшитиледи (Къулийланы Х.)* «Издалека, откуда-то, доносятся раскаты грома» (карач.-балк.); *Олар хапарсыздан ёлукъду* «Они встретились невзначай» (кумык.); *Эрдин атын алыстан ук, жаныңа келсе – бир киши (погов.)* «О молодце слушай издали, подойдешь ближе – (это) один из людей (т.е. обыкновенный человек)» (киргиз.).

Пространственные падежи местоимений: дательноподлежащий падеж: *алайгъа* «туда», *былайгъа* «сюда»: *Элни халкъы, уллу, гитче да къалмай, алайгъа жыйылгъан эдиле (Этезланы О.)* «Люди села, стар и млад, собрались в том месте» (карач.-балк.); б) местный падеж: *анда (онда)* «там», *мында (монда, мундо, шунда)* «здесь, тут», *былайда* «здесь», *алайда* «там»: *Анда бол, мында бол – балдыражюзде юйде бол! (погов.)* «Будь там, будь здесь, а в балдыражюз [в дни бури и снегопада] будь дома!» (карач.-балк.); *Мен барайын, сен буса шунда токътап тур* «Я пойду, а ты тут подожди» (кумык.); в) исходный падеж: *алайдан, андан, аннан, шуннан, шондан* «оттуда», *мындан (мундан, шундан), былайдан* «отсюда»: *Ол жыл алайдан жюзге жууукъ гебен келтирген эдик (Гуртуланы Б.)* «В тот год мы оттуда привезли около ста копен» (карач.-балк.); *Шундан шахаргъа ерли йыракъ тюгюл* «Отсюда недалеко до города» (кумык.).

Пространственные падежи числительных: а) дательный падеж: *бирге (бергә)* «вместе, совместно, вкуче»: *Келигиз, аланла, бирге жырлайыкъ! (Къулийланы Къ.)* «Давайте, друзья, споем вместе!» (карач.-балк.); б) местный падеж: *Бирде жигит жёё журёт, бирде жигит тоё минет (погов.)* «Молодец то пешком ходит, то на верблюде ездит» (киргиз.); в) исходный па-

деж: *бирден* (*берден*) «вместе; одновременно; сразу, разом», «оптом»: *Билет жетмей къалгъанла: «Экинчи автобус не заманда келликди?» – деп бирден сордула* (*Сылпагъарланы К.*) «Те, кому билет не достался, спросили разом: «Когда приедет второй автобус?»» (*карач.-балк.*).

Причины лексикализации падежных форм в тюркских языках исследователи объясняют по-разному. Например, Э.В. Севортян утверждает: «Все они представляют собой функциональные формы с обстоятельственным значением, в дальнейшем обособившиеся и позже перешедшие в состав новой части речи – наречия... Совершенно очевидно, что наши формы исторически представляют собой случаи функционального использования падежей. Лишь в дальнейшем они вливаются во вновь образующуюся часть речи – наречие, поскольку первоначальное функциональное значение этих грамматических форм, ослабившись и исчезнув, уступило место развившемуся отсюда значению наречия» [Севортян 1956: 321]. Следовательно, он считает, что все наречия, имеющие аффиксы пространственных падежей, образованы в период зарождения и формирования наречий как частей речи, т.е. в то же время, когда появились корневые наречия (*аз* «мало», *кён* (*кон*, *кун*) «много», *эртте* (*иртэ*, *эрте*) «рано» и т.п.), и усматривает в них остаточное явление, не имеющее отношения к современному словообразованию.

Однако трудно согласиться с этим. Дело в том, что абсолютное большинство падежных форм, выступающих ныне как наречия и несовместимые с системой реальных падежей, судя по материалам тюркских языков, относятся к сравнительно позднему периоду развития тюркских языков. Об этом свидетельствуют следующие факты: 1) их производящие основы не синкретичные корневые морфемы (типа *карач.-балк.*, *кумык. аз- / азмакъ* «худеть» и *аз* «мало», *кён- / гённек* «опухать» и *кён* «много»), а наречия типа *ёрге + де* «наверху», *бурун + дан* «исстари» и др., которые, как правило, не допускают падежного оформления и образованы, следовательно, в тот период, когда наречия уже сложились как самостоятельная часть речи, о чем свидетельствуют самые ранние письменные памятники тюркских языков [Абсалямов 1975]; 2) тюркские языки, в том числе и близкие друг другу, не совпадают по составу сходных

наречий. Например, в кумыкском и караимском языках нет карачаево-балкарских *алгъадан* «сначала», *кенгде* «вдали», в татарском – башкирского *көтместен* «неожиданно», в казахском – киргизского *бекерге* «напрасно», в киргизском – казахского *ертенге* «наутро».

Во-вторых, если образование наречий путем лексикализации падежных форм – явление остаточное, то количество таких наречий должно было убывать. Однако в действительности их становится все больше и больше. Например, в карачаево-балкарском и кумыкском языках наречия *кёнделенине* «поперек, наискось», *кьынгырына, терсине* «криво, вкривь», *бошуна* «напрасно», «безуспешно», кумык. *кьаршысына* «вразрез» и многие другие образованы значительно позже наречий *тышына* «наружу», *узунуна* «вдоль» по образцу последних.

В-третьих, подавляющее большинство наречий, образованных путем лексикализации форм пространственных падежей, ни по количеству, ни по своему составу не совпадает. Например, судя по данным словарей, в татарском и башкирском их значительно больше, чем в других тюркских языках, в карачаево-балкарском – чем в ногайском и караимском, в киргизском – чем в казахском и каракалпакском. В карачаево-балкарском языке наречий на *-ына / -ине* больше, чем на другие падежные аффиксы, в башкирском таким является аффикс *-мастан / -мэстэн*, в киргизском – *-тан / -тен*, в кумыкском *-дан / -ден*, в ногайском – *-ге (-ке), -ка* и т.п.

Отличное от Э.В. Севортяна, и, на наш взгляд, более приемлемое объяснение наречий, образованных путем лексикализации падежных форм, предлагал Н.К. Дмитриев, которое впоследствии получило среди тюркологов широкую поддержку. Он писал: «При каком-нибудь существительном имеется полная схема падежей, и каждый из них употребляется именно как форма изменения этого существительного. И вот в силу специальных причин (обычно семантико-синтаксических) один из падежей принимает особое значение, лишь отдаленно связанное с корнем основного слова, и этим самым как бы отрывается от целой схемы, изолируясь от нее. В результате получается новое слово, только этимологически связанное с основным существительным» [Дмитриев 1948: 117].

В данном объяснении образования наречий от парадигм в результате их лексикализации не раскрытой остается роль «семантико-синтаксических» причин в этом процессе. Непонятно: если форма слова до ее лексикализации бытует как парадигма, то в силу каких «семантико-синтаксических» особенностей ее употребления она преобразуется в наречие? Возможно, здесь имеется в виду изменение синтаксической функции данной грамматической формы в отдельности (ее употребление в роли обстоятельства). Но ведь она в определенном своем значении закреплена за той или иной синтаксической позицией, и данная функция ее ослаблена. Следовательно, под лексико-синтаксическим своеобразием формы остается понимать ее лексическое окружение – лексическую сочетаемость, которая иногда действительно способствует изменению значения формы. Сравним, например, следующие словосочетания в карачаево-балкарском языке: *чалгыгыга кьара-* «ухаживать за косой», «смотреть на косу» и 2) *чалгыгыга чыкь-* «выйти на сенокос». В первом случае форма *чалгыгыга* (дат. пад.) употреблена в своем обычном (грамматическом) значении, а во втором та же форма имеет синтагматически обусловленное частное значение, которое исчезает с устранением данного единичного управляющего глагола, и форма воспринимается в своем обычном значении. Подобные окказиональные лексико-синтаксически обусловленные значения могут перерасти в одно из частных значений производящей основы формы (ср. *чалгы* *башланды* «начался сенокос» и *чалгы* *сынды* «коса сломалась»), но не могут изменить ее назначение, а тем более – категориальную принадлежность к имени существительному.

Рассматривая лексикализацию падежных форм, А.Н. Кононов высказал двоякое суждение. С одной стороны, разделяя мнение Н.К. Дмитриева, он считал, что в результате лексико-семантических особенностей употребления падежная форма изолируется от всей парадигмы данного словоизменения и приобретает наречное значение, с другой – утверждал, что пространственные падежи изолируются и переходят в разряд наречий «в силу своего грамматического значения» [Кононов 1960: 288].

В этих высказываниях, как и в высказываниях Э.В. Севорьяна и Н.К. Дмитриева, нет объяснения истинной причины изоляции падежных форм.

С нашей точки зрения, причина изоляции форм пространственных падежей кроется в том, что обстоятельственное значение их, по которому они функционально соприкасаются с наречиями и на базе которого возникают изолированные их формы, в известной мере находится в зависимости от характера лексического значения конкретных именных основ, взаимодействующего с обстоятельственным значением падежа в двух разных началах: 1) организованно и 2) индивидуально. Ср., например: 1) локальное значение местного падежа, которое регулярно лишь при названиях строго определенного семантического профиля – пространства (*орамда* (*урамда, кӧчӧдӧ, кучада*) «на улице»), населенных пунктов (*элде* (*илдӧ, юртда*) «в селе»), помещения (*отоуда* (*уйдӧ, уйде*) «в комнате»), общественных организаций, предприятий и учреждений (*совхозда* «в совхозе», *заводда* «на заводе», *школда* (*школада, мектепде*) «в школе»), вместилища (*хуржунда* (*чӧнтӧктӧ, киседе*) «в кармане», *шешада* (*шишада, бӧтӧлкӧдӧ*) «в бутылке») и т.п.; значение хронологических границ, которое характерно для местного падежа лишь при названиях времени, обычно имеющих свое количественное определение (*он жылда* (*илда, йылда*) «в течение десяти лет», *беш кюнде* (*кундӧ, гюнде*) «в течение пяти дней»), где обстоятельственное значение возникает как типовое грамматическое значение данной формы, хотя оно и согласовано с характером лексического значения имен; 2) разрозненные формы типа *бирге* (*бирга, бергӧ*) «вместе, совместно» (*бир* ~ *бер* «один»), *кючден* (*гючден*) «еле, насилу» (*кюч* ~ *гюч* «сила»), *алгындан* (*алдадан, мурунтан*) сначала» (*алгын* ~ *мурун* «раньше»), *бошуна* «насмарку» (*бош* «пустой»), *алда* ~ *олдида* «вначале» (*ал* «перёд, передняя часть, сторона чего-л.»), где в отличие от предыдущего случая значение падежа, имеющее с ним хотя и отдаленную, но явственную связь, входит в частные отношения с лексическим и категориальным значением основы, заслоняя ее прежнее значение и категориальную принадлежность и тем самым действительно отрывая данную форму от ее истоков: *Ала барысы да бирге бу затха ыразылыкларын билдирдиле* (Гуртуланы Б.) «Все они выразили свое одобрение этого дела»; *Жаш аякъ юсюнде кючден сюеледи, тили да бюлдюргю этеди* (Шауаланы Х.) «Парень еле держится на ногах, язык его заплетается»; *Бары да бошуна гетди* (РКС) «Все пошло насмарку».

В первом случае падеж остается самим собой, хотя данное значение и ограничено лексически: обстоятельственные значения пространственных падежей, хотя они и возникают благодаря определенной лексической сочетаемости формы, не затрагивают ни лексического, ни категориального значения основы, от которой образована последняя.

Известно, что противопоставление пространственных падежей друг другу и остальным падежам осуществляется на базе их обстоятельственных значений. Противопоставленность же падежей по выражению обстоятельственных, объектных, определительных и субъектных отношений составляет их грамматическую сущность, отражающую категориальное свойство имени существительного как части речи. Форма падежа в силу этого даже в случаях оптимального сближения своего значения с функцией другой части речи сохраняет исходную категориальную принадлежность существительного, от которого она образована, противостоит изоляции и лексикализации, исключая лишь отдельные случаи, в которых прослеживается частная и тесная лексико-семантическая связь между значением падежа и лексической основы. Об этом свидетельствует ясная мотивированность большинства лексикализованных форм пространственных падежей их грамматическим значением: ср. *карач.-балк. оннга* «направо» (*онг* «правый»), *артха* «назад» (*арт* «зад, задняя часть, сторона»), *жайда* «летом» (*жай* «лето»), *ёргеде* «наверху» (*ёрге* «вверх, наверх»), *анда* «там» (*ол* «тот»), *эрттенликде* «утром» (*эрттенлик* «утро»), *кумык. узакъгъа* «надолго» (*узакъ* «дальний, далекий, долгий», «далеко, долго»), *алгъа* «вперед» (*ал* «перед, передняя сторона чего-л.», *ачлыкъда* «впроголодь» (*ачлыкъ* «голод»), *онгдан* «справа» (*онг* «правый»), *къышда* «зимой» (*къыш* «зима»), *тышдан* «внешне» (*тыш* «внешний»), *даимге* «навечно» (*даим* «вечно») и др.

Примеры: *Къара рульну оннга, солгъа бурама* (журн. «Шуёхлукъ») «Черный руль вращаю вправо, влево», *Нек унутхансыз ансы, сизге да заманында айтылгъан эди* (Шауаланы М.) «Не понятно, почему вы забыли про это, вас ведь тоже предупредили вовремя»; *Колхозлагъа топуракъ даимге берилген* (РКС) «Земля за колхозами закреплена навечно»; *Язда йылан*

гёрген кьыида аркъандан кьоркьар (посл.) «Кто весной увидел змею, тот зимой испугается веревки».

Указанное явление происходит, на наш взгляд, не на семантико-синтаксическом или лексико-синтаксическом, как считали соответственно Н.К. Дмитриев и А.Н. Кононов, а на семантико (или лексико)-морфологическом уровне. В этом отношении пространственные падежи исключения не составляют. Предназначенные прежде всего для выражения трех разновидностей косвенного объекта, они взаимодействуют с винительным и основным падежами (выражающими прямой объект и, как и они, управляемыми глаголом), в совокупности с которыми противопоставлены родительному падежу, выражающему не объектные, а определительные отношения, и управляемому, в отличие от них, не глаголом, а именем существительным, а также основному падежу, выражающему главным образом субъектные отношения во всех других своих значениях находящегося в позиции нейтрализации этого последовательно проводимого, коррелятивного противопоставления.

Собственно обстоятельственные отношения пространственные падежи выражают, как уже указывалось, только в зависимости от характера лексического значения основы словоформы. И то нередко лексикализуются.

Это и естественно – категориальное значение имени существительного как части речи несовместимо с собственно обстоятельственной функцией, лишь отдаленно связанной с функцией косвенного объекта, которую выполняют пространственные падежи (и только они) и которая последовательно и четко выделяется структурно.

У падежных форм степень лексикализации неодинакова. Выделяются в основном три группы:

1. С точки зрения современного языка неразложимые и употребляемые только в значении наречия: *ары* «туда», *бери (бире)* «сюда», *эртте (эрте, иртэ)* «рано», «раньше», *огъары (жогору)* «вверх, наверх, наверху», *огъартын (жогортон)* «поверху, верхом, через верх, по верхней дороге», *былайтын* «через это место, по этому месту», *ичгери (карач.)* «внутри (дома)», *кьайры* «куда», *кьайда* «где», *учхара* «вскольз», *асыры* «слишком, очень; чересчур», *кери* «прочь», «далеко» и др.

Примеры: Огъартын олтур, тебентин къоп (погов.) «Сядись высоко, вставай низко»; *Ол кёбокъ да эрте гелген (PKC)* «Он пришел слишком рано».

2. Разложимые, но употребляемые только в значении наречия: *ёрге (йёдö)* «вверх, наверх», *энишге* (кумык. *тjонге, тебенге*) «вниз», *алгъа* «вперед», *артха* (кумык. *артгъа*) «назад», *тохтамаздан* «беспрестанно», *таймаздан* «регулярно, постоянно, неуклонно», *къайтмаздан* «безвозвратно, насовсем, навсегда, окончательно», *алгъадан* «давно, издавна», «заранее, заблаговременно», *артдагъа* «впрок, про запас», «напоследок», *энишгеде* «внизу», *ёргеден* «сверху», *артдада* «потом», *хапарсыздан, къапултундан* (кумык.) «внезапно» и др.

Примеры: Ёрге тюркюреме да – мыйыгъыма, энишге тюркюреме да – сакъалыма (погов.) «Вверх плону – в свои усы, вниз плону – в свою бороду»; *Хапарсыздан боран гётерилип гетди (PKC)* «Внезапно поднялась метель».

3. Употребляемые в значении падежа и наречия: *бирден (бирдэн, бирдан, бердэн)* «от одного» и «вместе, одновременно», «оптом», *кючден (гючден)* «на силу», «насильно», *кенгине (генгине), энине* «ширине» и «вширь», *узуна* «длине» и «вдоль», *кёнге (кёпкё)* «многому» и «надолго», *заманында* «в его время» и «во время», *жангыдан (янгидан, янгыдан)* «от нового» и «снова, опять, повторно», *эссизликден* «по несообразительности», *къоркъакълыкдан* «от трусости» и «по трусости» и др.

Примеры на употребление падежных форм в значении наречия: *къумачны узунуна, энине гесмек (PKC)* «разрезать материю вдоль»; *Гючден салгъан гёзю нюрю болмас (посл.)* «Насильно мил не будешь»; *Кёнге тёзген азгъа да тёзер (погов.)* «Кто долго терпел, тот вытерпит до конца».

Анализ общих словарей тюркских языков показывает, что по степени лексикализации формы пространственных имен прилагательных и существительных значительно преобладают над этими же формами местоимений и числительных, а из самих форм данных падежей – форма местного падежа над формами дательного и исходного падежей. Из наречий, образованных от форм пространственных падежей, обстоятельственные обладают большей степенью лексикализации, чем местоименные, а среди обстоятельственных – наречия места и времени, чем причины и цели.

2.2.1. Образование наречий

2.2.1.1. Образование наречий от падежных форм

В тюркских языках в образовании наречий принимают участие формы пространственных падежей имен существительных, прилагательных и, отчасти, местоимений и числительных, а также деепричастий. Все наиболее продуктивные словообразовательные модели наречий связаны с указанными падежными формами имен существительных и прилагательных, которые выступают в роли словообразовательных. Словообразовательные связи наречий с этими частями речи постоянно расширяются. Следовательно, имена существительные и прилагательные – основная словообразовательная база наречий в этих языках. Доля падежных форм местоимений и числительных в образовании наречий незначительна.

Тюркологи по-разному оценивают словообразование лексикализованных форм падежей. Большинство из них считает, что такие формы образуются морфологическим и синтаксическим способами [Гочияева 1966: 102; Патачинова 1975: 101-110; Давлетов 1980: 274-281]. Некоторые вместо морфологического способа предлагают морфолого-синтаксический [Саруева 1973: 191-202; Хабичев 1989: 162-164, 177-178]. Есть и такие тюркологи, по мнению которых, указанные словоформы образуются морфологическим, морфолого-синтаксическим и синтаксическим способами [Гочияева 1976: 154-162] суффиксацией, словосложением, лексикализацией словосочетаний и переходом словосочетания в сложное наречие при одновременной его суффиксации [Ганиев 1995: 481-500], лексикализацией, редупликацией и словосложением [Абсалямов 1981: 200-207].

О сложности вопроса свидетельствует тот факт, что некоторые лингвисты в разных своих исследованиях высказывают разные мнения по нему. Так, исследователь наречий карачаево-балкарского языка С.А. Гочияева в одной из своих работ считает, что наречия от падежных и деепричастных форм образуются морфологическим и синтаксическим, в другой – морфолого-синтаксическим и синтаксическим, в третьей – морфологическим, морфолого-синтаксическим и синтаксическим способами [Гочияева 1966: 102-110; 1973: 59-94; 1976: 154-162].

Анализ общих словарей тюркских языков показывает, что наречия, имеющие формы пространственных падежей, образованы главным образом при помощи семантико-морфологического способа (путём лексикализации).

Некоторые исследователи способ образования слов при лексикализации грамматических форм называют морфолого-синтаксическим [Тузова 2001: 500]. Однако более соответствующим данному явлению представляется нам мнение тех ученых, которые называют его семантико-морфологическим способом, так как переход грамматической формы слова в словарную совершается при изменении её семантики, что переводит её в другую часть речи.

Изоляция форм дательного-направительного падежа. В форме дательного-направительного падежа изолируются имена существительные, прилагательные, указательные местоимения *алайгъа* «туда», *былайга* «сюда» и числительное *бир* «один».

1. Имена существительные: *татар. кӧчке, башкир. кӧскэ, киргиз. кучкӧ* «насилу, еле-еле», *карач.-балк. ёмюрге, башкир. гүмергэ, татар. гөмергэ, ног. оьмирге, казах. омӓрге* «навек, ввек», *карач.-балк. ачыгъа, кумык. ачувгъа, оьчге* «назло», *киргиз., казах. кунүгӧ* «каждый день», *кунунӧ, башкир., татар. кӧндӧз* «за день», *киргиз., казах. кечке* «к вечеру», *карач.-балк. алгъа* «сначала, сперва», *артха* «впрок, про запас» и др.

Примеры: [Айбулат:] *Котлюяр агай менен без гүмергэ талашканыбыз юк* (н. Дзулэтшина) «[Айбулат:] Мы с дядей Кутлюяром поссорились не навек»; *Кечке жсумуштун бары бутун калат окшойт* (К. Жантӧшӧв) «Кажется, к вечеру все дела завершатся»; *Арtha асырагъан кӧз чыгъармаз* (посл.) «Оставленное впрок глаз не выколет (запас пить-есть не просит)»; [Исмӓгыйль], *аягын кӧчке тартып чыгара-чыгара, жэулӓп китте* (Г. Тукай) «[Исмаил] еле-еле вытащил ногу и пошел пешком»; *Жаман жоктон жогору* (погов.) «Плохое лучше, чем ничего»; *Илгари биз у билан дуст эдик* «Раньше мы были с ним друзьями» (УРС); *Къанамат бла Бийнегер Семендан айырылгъан жерлерин жашаргъа учхара кӧрюп...*, *былайда тохтадыла* (Къобанланы Д.) «Канамат и Бийнегер, посчитав место расставания с Семеном ненадежным, остановились здесь»; *Алым ичгери кирирге унамады, суусанны да*

къатына да къоймады (Хубийланы О.) «Алым отказался зайти внутрь (дома), отказался и от напитка (айрана), разбавленного водой); *Жыгынчагда уч јздэн јухары адам варды* «На собрании было свыше трехсот человек» (АРС).

2. Имена прилагательные: *киргиз.*, *казах.* *ыраққа*, *алысқа*, *солго*; *кумык.*, *карач.-балк.* *узакъгъа* «далеко, вдаль»; *карач.-балк.*, *кумык.*, *ног.* *солгъа*, *киргиз.*, *казах.* *солго*, *татар.* *сулгъа* «налево, влево», *киргиз.*, *казах.* *оңго*, *ног.* *оңга*, *кумык.* *онггъа*, *карач.-балк.* *оннга*, *башкир.* *уңга*, *татар.* *уңга* «вправо, направо», *башкир.* *кэрэкһезгэ*, *татар.* *кирэкһезгэ*, *карач.-балк.* *керекһезгэ* «зря, попусту», *карач.-балк.* *бошуна*, *ног.* *босына*, *татар.* *бушка*, *башкир.* *бушқа* «зря, попусту» и др.

П р и м е р ы: [Рэшизэ:] *Бушка акса туган, вакыт эрэм итеп, болаларзы укытып йороузэн ни мэгәнә сыгыр икән?* (М.Тажиди) [Рашиза:] Оттого, что мы будем зря тратить деньги и время на учёбу детей, какой будет толк?; [Аубекир:] *Осман, сен керекһезгэ къайгъы этесе!* (Гулаланы Б.) [Аубекир:] Осман, ты зря волнуешься!; *Токомбай болсо эл-журтдан алыска кетип калыптыр* (И.Жакыпов) «Оказывается, Токомбай уехал далеко из своей страны»; *Жабышмакъ таякъны къысмай къолумда, Къара рульну оннга, солгъа бурама* (Бабаланы И.) «Я не боярышниковую палку держу в руке, а черный руль кручу вправо и влево».

3. Местоимения: *карач.-балк.* *алайгъа* «туда», *былайгъа* «сюда».

П р и м е р ы: Элни халкъы, уллу, гитче да къалмай, *алайгъа жыйылгъан эдиле* (Этезланы О.) «Все люди села, стар и млад, собрались в том месте»; *Былайгъа жыйылгъан сабийлиден Къыямытны уланындан туугъандан онглу болмагъанды* (Аппаланы Х.) «Из собравшихся здесь детей старше внука Кыямыта не было»; *Директор, асыры тепгенден, сёз айталмай, юй ичинде ары бла бери бара эди* (Хубийланы О.) «Слишком расстроившись, директор ходил взад и вперед по комнате».

4. Числительное бир: *бирге* ~ *бергэ* ~ *бирге* «вместо, совместно, вкупе».

П р и м е р ы: *Исмәгил менән Хөсәйен – бәлэкэйзән берге йәшләп килгән ике дус* (Һ. Дәүлетшина) «Исмаил и Хусейн – два друга, которые работают с малых лет вместе»; *Барысы да бирге жырлайдыла* (Каңиланы Х.) «Все поют вместе».

Изоляция форм местного падежа. В форме местного падежа изолируются имена существительные, прилагательные, указательные местоимения, причастия и числительное *бир*:

1. Имена существительные: *татар.*, *башкир.*, *карач.-балк. алда* «в будущем», «первым», *карач.-балк. артда* «потом, затем, после», *карач.-балк.*, *татар.*, *башкир.*, *башда* «сначала, сперва; вначале», *киргиз. башта* «прежде, раньше», *татар.*, *карач.-балк.*, *кумык. ахырда*, *башкир.*, *ахырза* «наконец, в конце концов», *башкир. тӧндӧз*, *киргиз. тундӧ* «ночью», *карач.-балк. жазда*, *ног. язда*, *киргиз.*, *казах.*, *жазында* «весной», *кумык.*, *карач.-балк. кышыда*, *ног. кыста*, *казах. кысында*, *киргиз. кышында* «зимой», *карач.-балк. ингирде*, *киргиз. кечинде* «вечером», *киргиз.*, *казах. тундӧ* «ночью», *ног. туньде* «ночью», *казах. кунде*, *киргиз. кундӧ* «ежедневно».

П р и м е р ы: Куянны кургӧч тӧ куа башлама, башта кай якка качасын бел (Ф. Карим) «Когда увидишь зайца, не гоняйся за ним, сперва узнай, куда он будет бежать»; Эмики жылдын жазында мен да Суусамырга барамын (Н. Усенбаев) «Весной следующего года я тоже поеду в Сусамыр»; Алайда кӧп тюрлю дауурла болсала да, ахырда асламысы Болат жанлы болдула (Этезланы О.) «Хотя и пришлось долго спорить, наконец, большинство поддержало линию Болата»; *һыуқ буран да алда эле* (Д. Даулетшина) «Холодный буран еще впереди».

2. Имена прилагательные: *киргиз.*, *казах. баягыда* «в прошлом, в былые времена», *ыраакта*, *алыста*, *карач.-балк. узақта*, *ног. алыста*, *узакта* «вдали, далеко», *кумык.*, *ног.*, *карач.-балк. солда*; *киргиз.*, *казах. солдо*; *татар.*, *башкир. сулда* «на левой стороне»; *кумык.*, *карач.-балк. онгда*, *ног. онда*; *киргиз.*, *казах. оңдо*; *татар.*, *башкир. уңда* «на левой стороне»; *карач.-балк. кечегиде* «поздно», *жайгыда* «летом», *кышыкыда* «зимой», *бийикде* «высоко», *женгилде* (*карач.*) «вскоре», *кенгде* «далеко, вдали», *туурада* «в глаза, на виду», *ташада* «за глаза, в укромном месте», *киргиз.*, *казах. жақында* «вскоре, скоро», *ног. тоьменде*, *киргиз. тӧмӧндӧ* «внизу» и др.

П р и м е р ы: Биздин кыштоо бул жерден кӧп эле алыста экен (С. Жумагулов) «Наше зимнее пастбище находится довольно далеко отсюда»; *Узакда биченден жууукда болжар ахшы* (*погов.*) «Чем сено [заготовленное] вдалеке, лучше солома вблизи

(лучше синица в руках, чем журавль в небе)»; *Тоьменде, сол як-та, авыл коьринэ эди* (Ф. Абдулжалилов) «Внизу, налево, виднелся аул»; *Жакында бизде да той болады* (Ж.Акаев) «Скоро и у нас будет свадьба»; *Адамны ташада сёкме, туурада махтама* (посл.) «Человека за глаза не черни, в глаза не хвали».

3. Указательные местоимения: *киргиз.*, *казах.*, *карач.-балк.*, *караим.*, *татар. анда*, *кумык.*, *ног. онда*; *башкир. унда* «там», *киргиз.*, *казах.*, *карач.-балк. мында*; *кумык.*, *ног.*, *караим. мунда*; *татар. шушында*, *монда*, *башкир. бында*, *киргиз. ушунда*; *башкир.*, *татар. шунда* «здесь, тут»; *ног.*, *казах. сонда* «там», *башкир.*, *татар.*, *тегндэ*, *карач.-балк. алайда* «там», *былайда* «здесь» и др.

П р и м е р ы: *Тушө калдык чайхананын бирине, анда бир топ туштөнгөндөр бар экен* (А.Токомбаев) «[Однажды] мы оказались в одной из чайхан, там было несколько обедающих»; *Бында таузар, бында киң басыузар?* (Г. Салам) «Здесь горы, здесь широкие нивы»; *Алгъын колхозну не къууанчы да былайда болуучан эди* (Шаманланы М.) «Всеякие праздники колхоза раньше проводились здесь»; *Кайда хезмэт кылсаң, тамагың шунда туяр* (погов.) «Где трудишься, там и кормишься»; *Без бөгөн бында, ыртэгэ тегэндэ* (Д. Юлтый) «Сегодня мы тут, а завтра – там».

4. Причастия: *татар.*, *башкир. көтмэгэндэ* «нежданно-негаданно», *көтөмлэгэндэ* «неожиданно, нежданно-негаданно, вдруг».

П р и м е р ы: *Көтөмгэндэ бизнен фатирга да бэреу керулэре мөмкин* (К. Нажми) [Они] неожиданно могут нагрязнуть и в нашу квартиру»; *Буран шулай өс көн, өс төн көтөрзө ла бер мэлде, һис тэ көтөмлэгэндэ, басылды ла куйзы* (Р. Габдрахманов) «Метель бушевала три дня и три ночи и вдруг, совершенно неожиданно, утихла».

5. Числительное *бир*: *бирде* «иногда, временами, подчас, однажды, когда-нибудь». Эта форма лексикализовалась только в карачаево-балкарском языке.

П р и м е р ы: *Бирде менден да бир жукь чыгъар* (Гулаланы Б.) «Когда-нибудь я пригожусь [вам]»; *Бирде жашла биченчи къошда олтура эдиле* (Төппеланы А.). «Однажды парни сидели в кошаре косарей».

Изоляция форм исходного падежа. В форме исходного падежа изолируются имена существительные, прилагательные, указательные местоимения, причастия и числительное *бир*.

1. Имена существительные: *татар.*, *башкир.*, *карач.-балк.*, *кумык.* *алдан* «прежде, сначала, заранее, вперед, предваритель-но», *карач.-балк.* *артдан* «потом, после, позже», *кёлден* «наизусть, устно», *татар.*, *башкир.* *яттан* «наизусть, на память», *баштан*; *карач.-балк.*, *кумык.*, *азерб.* *башдан* «сначала, сперва; прежде, раньше», *башкир.* *йэшлектэн*, *татар.* *яшьләктен*, *карач.-балк.* *жашиллыкътан* «по молодости», *телиликден* «по несообразительности», *кёзюнден* (*карач.*) «в глаза, в лицо», *кючден* «еле, еле-еле, с трудом, насилу», *тышындан* «снару-жи»; *башкир.*, *татар.* *телдэн* «устно»; *киргиз.* *сырттан* «снару-жи, заочно» и др.

П р и м е р ы: *Ниңэ кеше узенең һэлэкэтен алдан белеп, қасып қотола алмай икэн? (З.Бишшева)* «Почему человек не может знать о своей смерти заранее и избежать её?»; *Къурта къой артдан юрюкр (погов.)* «Старая овца после всех пугается (когда уже опасность миновала)»; *Баштан без колочаны алай зурдан жэймэдек, ... биш-алты колхоз арасында беренчелэкне ала аласак, шуна риза булмакчы булдык (М.Гали)* «Вначале мы не очень размахнулись, ...были довольны тем, что занимали первое место среди пяти-шести колхозов»; *Коп адамар институттарда жана техникумдарда сырттан окушат* «Многие учатся заочно в институтах и техникумах» (КРС); *Орамлада бла жоллада жорююню низамын а, толусунлай, кёлден билеме (Гуртуланы Э.)* «А правила уличного движения знаю полностью наизусть».

2. Имена прилагательные: *карач.-балк.* *жангыдан*, *ног.*, *кумык.* *яңыдан*, *татар.* *яңадан*; *башкир.* *яңынан* «снова, заново»; *киргиз.* *жаңыдан* «недавно»; *карач.-балк.*, *кумык.* *онгдан* «справа», *солдан* «слева», *башкир.*, *татар.* *уңдан* «справа», *сулидан* «слева»; *татар.* *аңсыздан* «неожиданно», *башкир.* *аңһыззан* «нечаянно»; *карач.-балк.* *ачыкдан* (*карач.*) «открыто, прямо, откровенно»; *ног.*, *киргиз.* *алыстан*, *карач.-балк.* *кенген*, *узакъдан*, *кумык.* *йыракъдан*, *узакъдан*, *киргиз.* *ырактан*, *алыстан* «издалека», «издали»; *ног.*, *карач.-балк.* *амалсыздан*, *киргиз.* *айласыздан* «поневоле», «вынужденно», «в силу необходимости» и др.

Примеры: Мин диванда ятам, экиэтсебез торопкәһен янынан тултыра (Г.Салам) «Я лежу на диване, наполняя сказочную трубку снова»; Инай туууш бизден чыкьсын, жилияу таууш кенгден чыкьсын! (фольк.) «Пусть звуки иная (название трудовой песни) идут от нас, а рыдания – издалека!»; Биз аларга айласыздан баш иймек болдук (Н.Жакыпов) «Мы вынужденно (в силу необходимости) подчинялись им»; Ерактан, элле кайдан, ишетелә кук кукрэгән аваз (Г.Тукай) «Издалека, откуда-то, доносятся раскаты грома»; Бу жол жаш ирүчүлүккө юслеринден бишгенин ачыкьдан айтды (Төпеланы А) «В этот раз парень открыто выложил всё, что знал о ворах»; Кёгде жангыз бир булут болмагъанлыкьгъа, огъартын жел уруп, орамны букьусун ёрге кётюрюп, төгөрөкни кьарангы этди (Шауаланы Х.) «Хотя и не было на небе ни одного облака, сверху подул ветер, поднял пыль улицы, и вокруг стало темно».

1. Указательные местоимения: карач.-балк., киргиз., казах., караим. *андан*; кумык., ног. *ондан* «оттуда»; киргиз., казах., карач.-балк. *мындан* «отсюда»; кумык., ног., караим. *мундан*, башкир. *бынан*, ошонан, татар. *моннан* «отсюда»; башкир. *шунан*, татар. *шуннан*, ног. *сокьыннан* «потом, после», карач.-балк. *алайдан*, ног. *булайдан*, кумык. *шундан*, *мундан* «отсюда», карач.-балк. *алайдан*, ног. *соннан*, кумык. *шондан*, *ондан* «отсюда» и др.

Примеры: Мындан беш километр ары баргъанда айыл жолугат «Когда проедешь отсюда пять километров, встретишься аул»; Былайдан шахаргъа узакь туююлдою (Жаңиланы Х.) «Отсюда до города недалеко».

2.2.1.2. Образование наречий от деепричастий

Материал тюркских языков показывает, что в них деепричастные формы изолируются значительно реже, чем падежные. При этом вторичные деепричастия могут изолироваться лишь в единичных случаях и в отдельных тюркских языках (например, в карачаево-балкарском, кумыкском, казахском, ногайском, киргизском).

В современных тюркских языках изолировались и стали наречиями следующие формы деепричастий: *-н*, *-а / -е*, *-май / -мей*, *-гьунчу / -гюнчю*, *-гьынча / -гинче*, *-гьунча / -гюнче*, *-гьанча / -генче*,

-гъанлы / -генли [ГНЯ 1973: 196; ГХЯ 1975: 907, 106-107; ГКЛЯ 1980: 275-276, 280; ГСБЛЯ 1981: 206-207; ТГ 1995: 504].

Изолированные формы глаголов образованы в основном от первичных глаголов с помощью аффиксов *-н*, *-а* / *-е*, *-май* / *-мей*, и от отыменных глаголов на *-лаш* / *-леш* с помощью аффикса *-н*: карач.-балк. *аямай*, кирг. *аябай* «очень; здорово; всюду; нещадно» (*аямай* ~ *аябай* «не щадя, не жалея» < *ая-* «щадить, жалеть» + *-май* ~ *-бай*), башк. *өтә* «очень, слишком» (*өтә* «переходя, перейдя» (*өт-* «переходить, перейти» + *-ә*)), кирг. *кайта* «снова» (*кайта* «возвращаясь» < *кайт-* «вернуться» + *-а*), карач.-балк. *кезиүлетип* «по-очереди» (*кезиүлетип* «поставив на очередь» < *кезиүлет-* «ставить на очередь» + *-ип*), башкир. *кәмәклешен* «коллективно, сообща» (*кәмәклешен* «сплотившись, объединившись» < *кәмәклеш-* «сплотиться, объединиться» + *-ен*).

Наречия же типа карач.-балк. *тойгъунчу*, кумык. *тойгъунча* «досыта», киргиз. *акырындап*, ног. *акырынлап* «постепенно, мало-помалу» и т.п. образованы путем аффиксации уже в серийном порядке.

Изолированные деепричастия на *-н*: карач.-балк. *ууучлап*, ног. *увыслап*, киргиз. *уучтап* «горстями, пригоршнями» (*ууучла-* ~ *увысла-* ~ *уучта-* «брать горстью что-либо» + *-н*), киргиз. *кыйкырып*, кумык., карач.-балк. *кычычырып* «громко» (*кыйкыр-* ~ *кычычир-* «кричать» + *-ып*), ног. *суйреп*, кумык., карач.-балк. *сюйреп* «волоком» (*суййре-* ~ *сюйре-* «волочить» + *-н*), казах. *абайлап*, *байкап* «осторожно» (*абайла-*, *байка-* «быть осторожным» + *-н*), карач.-балк. *билип* «заведомо» (*бил-* «знать» + *-ип*), *ойнап* «в шутку» (*ойна-* «шутить» + *-н*) и др.

Следует отметить, что наречия на *-лап* / *-леп* ~ *-дап* -*деп* ~ *-тап* / *-теп* ~ *-доп* / *-дөп* ~ *-топ* / *-топ* по внешней форме напоминают причастные формы с аффиксом *-ла*. Многие из таких деепричастных форм в ходе развития языка стали употребляться в значении наречий: киргиз. *акырындап* «тихо; медленно; мало-помалу» (*акырында-* «замедлить» + *-н*), татар. *ваклап* «в розницу» (*вакла-* «различать; крошить, дробить» + *-н*), карач.-балк. *терклеп* «быстро» (*теркле-* «субыстрять» + *-н*) и т.п. Для того, чтобы отличить наречия, образованные при помощи аффикса *-лап* / *-леп*, от наречий, изолированных форм деепричастий, следует иметь в виду, что первые, в отличие от вторых, не имеют глагольной формы, не

содержат глагольного оттенка в значении, образуются только от именных основ: *башкир. деталлэн* «детально» (*детал* + *-лэн*), *татар. бергалэн* «совместно, сообща» (*бергэ* «вместе, совместно» + *-лэн*), *киргиз. жылдап* «годами» (*жыл* «год» + *-дап*). Формы *деталла, бергала, жылда* в этих языках не существуют.

Изолированные деепричастия на *-а / -е ~ -ө*: *ног., киргиз. кайта* «снова, опять, заново» (*кайт-* «возвращаться» + *-а*), *башкир. қырқа* «резко» (*кбыркъ-* «стричь» + *-а*), *киргиз. ото* «очень, весьма» (*от-* «переходить; миновать» + *-ө*) и т.п.

Изолированные деепричастия на *-гъынчы / -гинчи, -гъынча / -гинче, -ганиша / -генше* и т.п.: *карач.-балк. тойгунчу*, *ног. тойганиша*, *кумык. тойгунча* «досыгта» (*той-* «насытиться» + *-гунчу ~ -ганиша ~ гъанча*), *карач.-балк. ёлгюнчю*, *ног. оьлгенше*, *татар. улгэнче*, *киргиз. өлгөнчө* «до упаду» (*ёл- ~ ол- ~ өл- ~ үл-* «умирать» + *-гюнчю ~ -генше ~ -гэнче ~ -гүнчө*), *карач.-балк. къаннгынчы* «вдоволь» (*къан-* «утоляться» + *-нгынчы*), *ног. агарганиша*, *кумык. агъаргъынчы* «добела» (*агар-* ~ *агъар-* «белеть» + *-ганиша ~ -гъынчы*).

Изолированные деепричастия на *-гъанлай / -генлей, -ханлай*: *карач.-балк. ойламагъанлай*, *ног. ойламаганлай* «необдуманно» (*ойлама-* «не думать» + *-гъанлай ~ -ганлай*), *карач.-балк. чапханлай* «бегом» (*чап* – бегать + *-ханлай*), *мычымагъанлай* «немедленно, срочно» (*мычыма* – не мешкать + *-гъанлай*) и т.п.

Изолированные деепричастия на *-гъанлы / -генли*: *карач.-балк. жаратылгъанлы, туугъанлы*. «отроду, испокон веков» (*жаратыл-*, *туу-* «родиться» + *-гъанлы*).

Изолированные деепричастия на *-май / -мей*: *карач.-балк., кумык. билмей* «нечаянно» (*бил-* «знать» + *-мей*), *карач.-балк., ног. ойламай* «необдуманно», *кумык. ойлашмай* «необдуманно» (*ойла-* ~ *ойлаш-* «думать» + *-май*), *киргиз. аябай*, *карач.-балк., кумык. аямай* «беспрестанно, неустанно; здорово» (*ая-* – шадить + *-май*), *тохтамай* «постоянно, непрерывно» (*тохта-* «перестать» + *-май*) и т.п.

По сравнению с именами действия и причастиями деепричастия лексикализуются реже. Это связано с тем, что выражая действие, обладая признаками глагольных категорий залога, формами глагольного управления и отрицания, деепричастия более полно отражают глагольную природу, чем другие нелич-

ные формы, особенно их форма на *-н* [Юлдашев 1977: 56]. Лексикализуясь, формы деепричастия переходят обычно в наречия и послелого.

При этом большинство наречий образуется от первичных деепричастий на *-май / -мей*: *аямай* «усердно, сильно», *къажымай* «неутомимо, неустанно, упорно», *билмей* «нечаянно», *тохтамай* «беспрестанно», «спокойно, медленно» и т.д.

Первичных деепричастий на *-н, -ын / -ин, -ун / -юн*, перешедших в наречия, немного: *ойнап* «в шутку», *жюзлеп* «сотнями», *айлап* «месяцами», *тёртгюллеп* «галопом», *минглеп* «тысячами», *тюрслеп* «внимательно». Вторичных деепричастий, перешедших в наречия, еще меньше: *туугъанлы*, *жаратылгъанлы* «сроду, отроду, всю жизнь», *чапханлай* «бегом», *таймаздан* «постоянно, неуклонно, регулярно», *къайтмаздан* «насовсем, навсегда», *тохтамаздан* «беспрестанно, постоянно».

Лексикализованные деепричастия переходят в следующие разряды наречий:

1. Наречия образа действия: *аямай, билмей, ашыкъмай, ойнап* и др.

Примеры: *Малжей, эки кызы, сора Бекболат, бирер жугар алып, аямай бахча къаздыла (Гуртуланы С.)* «Малжей, его две дочери и Бекбулат усердно копали огород»; *Ала уа [Мутай бла Бараз] ашыкъмай ишлейдиле: кюн узунду, ши да кёндю (журн. «Минги-Тау»)* «Они работают спокойно: день длинный и работы много»; [*Шаулукъ*]: *Оллахий, билляхий, билмей этгенме! («Минги-Тау»)* «Клянусь богом, это вышло у меня нечаянно!»; *Ынна мени алгъа таныгъан болмаз эди: экинчи кере да тюрслеп къарады да, алай къучакълады (Хучиналаны М.)* «Видимо, бабушка не сразу меня узнала: еще раз посмотрела на меня внимательно, потом только обняла»; *Ойнап сёлешсенг да, ойлап сёлеш (посл.)* «Если даже говоришь в шутку, говори обдуманно».

2. Наречия времени: *жаратылгъанлы, туугъанлы, къайтмаздан, таймаздан* и др.

Примеры: *Туугъанлы да къабыргъа къонишула эдик, – деди Дахир, кёлю тола, башын ёрге кётюрмей (Шауланы Х.)* «Всю жизнь мы были ближайшими соседями, – сказал Дахир, расчувствуясь и не поднимая головы»; *Темуркъаны жаратылгъанлы правленнге келгенден суймези жокъ эди (Апталаны Х.)* «Темурка боль-

ше всего в своей жизни не любил ходить в правление»; *Иичилени иш хакълары таймаздан кётюрюледу (ТСКБЯ)* «Зарплата рабочих неуклонно растёт»; *Къайтмаздан кетсенг, артынга къарамай кет (погов.)* «Если уходишь безвозвратно, то уходи не оглядываясь».

3. Наречия меры: *жюзлеп, минглеп, биле-биле* «значительно, заметно, namного» и др.

П р и м е р ы: *Кюнле биле-биле къысхаргъандыла (ТСКБЯ)* «Дни заметно стали короче»; *Жюзлеп берсенг, минглеп келир (посл.)* «Если дашь сотнями, то получишь тысячами».

4. Наречия цели: *билип* «намеренно, умышленно», *биле тургъанлай* (с тем же значением), *иш этип* «специально, с целью, нарочно, умышленно».

П р и м е р ы: – *Оллахий деп айтама, ол [Аслан] аны билип этгенди. Бирда ишекли болмагъыз сиз анга! (Залийханланы Ж.)* «Клянусь богом, он [Аслан] это сделал умышленно! Нисколько не сомневайтесь – вы в этом»; *Тоба! Аллаи тёре да болуучуду! Къайдан чыкъдынг?! Иш этип чакъырсакъ, келмез эдинг! (Шауаланы Х.)* «Вот тебе на! И такое бывает! Какими судьбами?! Вот если бы тебя мы специально пригласили, вряд ли ты пришел!».

2.2.1.2.1. Причины, влияющие на лексикализацию деепричастий

Ряд глаголов состояния имеет обстоятельственное значение способа или образа действия. Это способствует ослаблению грамматической природы деепричастия как грамматической категории и глагола как части речи, в результате наблюдается частичная, а иногда и полная лексикализация отдельных форм с нулевой валентностью.

Значение способа действия по яркости своего выражения затмевает значение одновременности и заслоняет предикативную характеристику деепричастия, т.е. его связь с подлежащим. Например, в предложении *Сёзню неден башларгъа билмей, олтурама* «Сижу, не зная с чего начать разговор» связь деепричастия *билмей* с подлежащим угадывается лишь по зависимым от него словам, косвенно характеризующим его как глагольную часть речи.

Слабо выраженная связь деепричастия с подлежащим создает благоприятную почву для его лексикализации. По мнению А.И. Юлдашева, она возможна при двух условиях: 1) если глагол в форме деепричастия имеет широкое или даже преимущественное употребление по сравнению с остальными своими словоформами; 2) если деепричастие составляет единственную словоформу данного глагола [Юлдашев 1977: 55-56].

Например, в карачаево-балкарском языке деепричастия *жамлап*, *кезиулешип* полностью лексикализовались и перешли в разряд наречий: *Бйрхы уа аллына тюшген затланы барысын да жамлап жутады* «Селевый поток все на своем пути с жадностью проглатывает»; *Мухтар бла Къасым тюкенчи кезиулешип сакълайдыла (Токъумаланы Ж.)* «Мухтар и Касим посменно охраняют магазин». Глаголы *жамла-* «вбирать в себя, глотать», *кезиуле-* «меняться, чередоваться» в форме деепричастия употребляются намного шире, чем в форме причастия (*жамлагъан* «проглотивший», *жамлаучу* «проглатывающий», *кезиулешипген* «чередовавшийся», *кезиулешиучю* «чередующийся»), имени действия (*жамлау* «проглатывание», *кезиулешиу* «чередование»), инфинитива (*жамларгъа* «проглотить», *кезиулешипрге* «чередоваться»).

Слова *тюрслеп*, *ышанлап* «внимательно», *аякълашып* «валетом» (лежать) употребляются только в данной, деепричастной, форме и с определенными словами: *тюрслеп къара-* «смотреть внимательно», *ышанлап къара-* (с тем же значением), *аякълашып жат-* «лежать валетом». Они являются наречиями.

Из других причин, способствующих лексикализации деепричастий, можно назвать следующие:

1. Приобретение глаголом в рамках деепричастной формы нового лексического значения. Например, деепричастия *аямай* «не жалея, не экономя», *билмей* «не зная», *тохтамай* «не оставиваясь» приобрели те значения, которых не имеется в их основе: *Хар кюн сайын аямай кюрешебиз, малчылыкда хаман къаты эришебиз (Къулийланы Х.)* «Каждый день неустанно трудимся, соревнуемся в животноводстве очень усердно»; *Ол а [Шахим] тохтамай тарыкъгъанлай турады (журн. «Минги-Тау»)* «А он [Шахим] постоянно жалуется».

2. Употребление глагольной основы деепричастия в переносном значении. Влияние его на лексикализацию деепри-

частий видно из того факта, что основы почти всех лексикализованных деепричастий в данном языке имеют переносное значение: *аямай (аябай)* «очень сильно, здорово, беспристанно, неустанно» (*ая-* 1. «экономить»; 2. «скупиться»; 3. *перен.* «жалеть, щадить»), *бузмай* «точь-в-точь» (*буз-* 1. «ломать, разрушать»; 2. «портить»; 3. *перен.* «нарушить что»), *ойнап (ойноп)* «в шутку» (*ойна-* (*ойно-*) «играть»; 2. *перен.* «шутить»), *шашмай (шашпай)* «постоянно» (*шаш-* «сбиваться», «ошибиться», «помешаться»), *таймаздан* «неуклонно, регулярно» (*тай-* 1. «скользить», 2. *перен.* «отходить, отклоняться, отсекается от чего») и др.

3. Употребление с определенными падежами. Некоторые деепричастия, как уже было указано, перешли в послелогии, причиной этого явилось употребление их с определенными падежами, в таком случае они теряют свои глагольные признаки. Например, деепричастия *кёре* «видя», *къарагъанда* «когда он смотрел», *къарамай (карабай)* «не смотря», употребляясь с дательным падежом, перешли в послелоги: *билимине кёре* «согласно своим знаниям», *анга къарагъанда* «по сравнению с ним», *къартлыгъыма да къарамай* «несмотря на свою старость». Стали послелогиями и деепричастия, употребляемые с исходным падежом (*башлап* «начиная», *тебиреп* «отправляясь, трогаясь»): *эрттенликден башлап* «начиная с утра», *кюн ортадан тебиреп* «начиная с полудня».

4. Парное употребление деепричастия, когда второй компонент сложной единицы, образуемой таким обоюзом, является фонетическим отзвуком первого, который не имеет лексического значения: *ауа-сауа* «вразвалку», *ёлюп-ёчюп* «с большим трудом», *сормай-ормай* «самовольно», другие же парные деепричастия, у которых оба компонента имеют реальное значение, лексикализируются довольно редко.

5. Переводимость деепричастия на русский язык наречием. О влиянии этого условия на лексикализацию деепричастия свидетельствует то, что ни одно деепричастие в данном языке, не переводимое на русский язык наречием, не лексикализовалось. Например, деепричастия *айтмай* «не сказав», *ашамай* «не покушав», *жиляп* «поплакав», *чапмай* «не бегая», *келгенли* «как пришел» и сотни других не перешли в на-

речия, т.е. не лексикализовались, из-за неперево­димости на русский язык наречиями. Другие же деепричастия, которым в русском языке соответствуют наречия, стали полно­кровными лексическими единицами-наречиями: *билмей* «не зная» и «случайно, невзначай», *билип* «узнав» и «специально, умыш­ленно», *эслетмей* «не показывая» и «незаметно», *туугъанлы* «с момента рождения» и «сроду, отроду» и др.

2.2.1.2.2. Степень лексикализации деепричастий

По степени лексикализации деепричастия можно разделить на четыре группы:

1. Лексикализованные деепричастия, потерявшие свои глагольные признаки и употребляющиеся только в значении наречий: *минглеп*, *жюзлеп*, *айлап*, *жыллап*, *тохтамаздан*, *таймаздан*.

П р и м е р ы: *Насып берсин, кён берсин, хар нени минглеп берсин* (фольк.) «Пусть даст счастья, много даст, все даст ты­сячами»; *Нарт уланла келирле, айлап кьонакь болурла, жыл­лыкь бозадан ичип, ала зауукь солурла* (фольк.) «Нартские сы­новья придут, погостят месяцами, выпивая годовичную бузу, отдохнут, наслаждаясь»; *Аланы ушакълары тохтамаздан жарым кюнню барды* (Дотдуланы Х.) «Их беседа шла беспре­рывно полдня».

Сюда относятся и наречия *тюрслеп*, *къажымай*, *къайт­маздан*, *тертгюллеп*, имеющие фразеологически связанное значение и употребляющиеся ограниченно, только в комбина­ции с определенными словами: *тюрслеп къараргъа* «смотреть внимательно», *къажымай ишлерге* «работать неустанно» (с тем же значением), *къайтмаздан кетерге* «уходить безвоз­вратно», *тертгюллеп барыргъа* «нестись рысью» (о лошади).

П р и м е р ы: *Агъач ичинден чыкъгъанлай, мырка терт­гюллеп тебиреди* (фольк.) «Как только вышли из леса, кляча пустилась галопом». *Къажымай кюрешген муратына жетер* (погов.) «Кто очень старается, тот цели достигает».

2. Лексикализованные деепричастия, употребляющие­ся как в значении деепричастия, так и в значении наречия: *ая-*

май «не щадя, не жалея» и «усердно», *бёлмей* «не разделяя, не вычленяя» и «регулярно, постоянно», *бузмай* «не портя, не разрушая» и «точь-в-точь», *таймай* «не отступая; не съезжая, не скользя; не отходя, не отклоняясь» и «постоянно», *тохтамай* «не останавливаясь; не переставая» и «беспрерывно, постоянно», *ойнап* «шутя» и «в шутку», *туугъанлы* «с тех пор как родился» и «сроду, отроду» и др. Указанные значения деепричастий можно различить лишь в контексте.

П р и м е р ы: *Машина, юй къатында тохтамай, энишге ёткюп кетгенде, тынгысыз болдукъ* (Хучиналаны А.) «Когда машина, не останавливаясь возле дома, проехала вниз, мы стали переживать» (деепр.); [Мухадин:] *Тохтамай айтып турургъа уялгъан этеме, алайсыза а сиз ангыларгъа суймейсиз* (Тёпеланы А.) «[Мухадин:] Мне неудобно постоянно напоминать, а без этого вы не хотите понять» (нар.); *Сизге уа хунаны бузмай ётерге нек жарамай эди?* (Токъумаланы Ж.) «А вам почему нельзя было перейти, не ломая ограду (из сложенных камней)?» (деепр.); *Атасына аныча бузмай ушагъан кёрмегенме* (Текуланы Ж.) «Я не видел никого другого, чтобы как этот (мальчик) был точь-в-точь похож на отца» (нар.). *Ол туугъанлы бу юйге къаллай насып келди дерча болсун* (Хучиналаны М.) «Чтобы люди говорили: «Какое счастье пришло с тех пор как он родился!»» (деепр.); *Туугъанлы мен бу жолча амалсыз болмагъанма* (Тёпеланы А.) «Сроду я не казался в таком безвыходном положении, как в этот раз» (нар.).

3. Лексикализованные деепричастия, потерявшие свои глагольные признаки и употребляющиеся только в значении послелогов: *ала, таба, кёре*.

П р и м е р ы: *Ингир ала, кюн бузулуп, ууакъ шулпу этип башлады* (Толгъурланы З.) «К вечеру погода испортилась, и стал накрапывать дождь»; *Сёлешгенине кёре, жаш басымлы, акъыллы адамгъа ушайды* (журн. «Минги-Тау») «Судя по тому, как он разговаривает, парень похож на степенного, умного человека».

4. Лексикализованные деепричастия, употребляющиеся как в значении деепричастия, так и в значении послелога: *башлап* «начав» и «начиная с» (с теми же значениями), *къарап* «посмотрев» и «по, смотря по», *къарамай* «не смотря» и

«несмотря на», *къарагъанда* «когда смотрел (смотрела)» и «по сравнению с, сообразно с, в сравнении». Эти значения деепричастий, как и значения, указанные в пункте 2, разграничиваются только в контексте.

Примеры: *Ол манга кёзлерин жандырып къарагъанда, къоркъурлугъум келген эди (Жаныбекланы Б.)* «Когда он вытаращил на меня свои глаза, я чуть было не испугался» (*деепр.*); *Мухамматха къарагъанда сен а, айхай, жашса (Акъбайланы А.)* «По сравнению с Мухамматом ты, конечно, молодой» (*послел.*); *Ма ол кюнден башлап, мени аягъым басмагъанды ары (журн. «Минги-Тау»)* «Вот начиная с того дня, моей ноги там не было» (*послел.*); [*Науруз:*] *Аття, дуруну башлап кетсенг, биз чала турур эдик (Бабаланы С.)* «[Науруз:] Тятя, ты начни ряд, потом мы сами будем косить» (*деепр.*).

Из приведенных поимеров видно, что наречиями и послелогами деепричастия становятся лишь тогда, когда они лишаются своих глагольных признаков.

2.2.2. Образование послелогов

От деепричастий на *-н*, *-а / -е*, *-май / -мей*, т.е. первичных деепричастий, образовались следующие послелогов: *ала* «под», *кёре* «судя по, сообразно по», *таба* «по направлению к», *къарап* «по, смотря по», *къарамай* «несторя на», *башлап* «начиная с», *тебиреп* (с тем же значением). От вторичных деепричастий образован лишь послелог *къарагъанда* «по сравнению с, сообразно с, в сравнении с».

Послелог *ала* представляет собой деепричастную форму от глагола «братъ». Он имеет ограниченное употребление, «встречается вместе со словами, обозначающими времена года или суток» [Хаджилаев 1976: 290]: *ингир ала* «под вечер», *жаз башы ала* «преддверие весны».

Утверждение Х.И. Хаджилаева о том, что конструкции с данным послелогом «находятся на пути к адвербиализации» [Там же] не находит подтверждения в карачаево-балкарском языке. Ни одного наречия, образованного в сочетании с *ала*, в данном языке нет: *ингир ала* «под вечер», *танг аласында* «под

утро», *кюз арты алагъа* «к осени», *ингир алагъа* «к вечеру», *танг аласына* «к утру», *ингир аладан кече ортасына дери* «с раннего вечера до полуночи». Послелог *кёре* восходит к деепричастию от глагола *кёр-* «видеть», выражает отношение образа и способа действия, употребляется при обозначении обстоятельств, на основании которых или принимая во внимание которые, совершается действие.

Примеры: *Жерине кёре – битими* (посл.) «Какая почва, такой и урожай»; *Сиз айтханнга кёре, бизде аны ангылаяллыкъ жокъду* (журн. «Шуёхлукъ») «По вашим словам, у нас нет такого (человека), чтобы мог понять это»; «– *Хар ким къарыуна кёре ишлейди. Тамата, алай айтханымма айып этме* (Гуртуланы Э.) «Каждый работает исходя из своих возможностей. Отец, не обессудь меня за такие слова».

Послелог *таба* представляет собой деепричастную форму от глагола *тап-* «находить», выражает направленность действия в сторону объекта, названного в предшествующем ему слове. Он употребляется в форме основного и пространственных падежей. Однако значение его не меняется; ср.: *тау таба* «в сторону горы», *тау табагъа* «в сторону горы», *тау табада* «в стороне горы». Поэтому вряд ли можно согласиться с Х.И. Хаджилаевым, по мнению которого, падежные формы этого послелoga «можно даже рассматривать как вполне самостоятельные послелогои, а не как различные формы одного и того же послелoga» [Хаджилаев 1970: 291].

Примеры: *Эки атлы, жолну букъу этдирип, бизни таба чабып келедиле* (Гулаланы Б.) «Два всадника, поднимая дорожную пыль, скачут по направлению к нам»; *Россей табадан ёмюрде урмагъан бир жел урду* (Къулийланы Къ.) «Со стороны России подул ветер невиданной силы»; *Алан, Махмут, бизни табагъа да бир айлансанг а!* (журн. «Минги-Тау») «Слушай, Махмут, не забудь дорогу в нашу сторону!».

Послелог *къаран* является деепричастной формой от глагола *къара-* «смотреть», выражает ограниченные отношения, «употребляется при обозначении предмета, явления, согласно которым, на основании которых совершается действие» [Хаджилаев 1976: 290].

Примеры: *Жууургъанынга къаран, аягъынгы узат* (посл.) «По своему одеялу протягивай ногу»; [Борис:] *Керти*

айтаса, Малик, окъуугъа, ишге да адамны хуржунуна угъай, билимине къарап алыргъа керекди (Гуртуланы Э.) «[Борис:] Ты прав, Малик, на учебу [в вуз] и на работу людей надо принимать судя по знаниям».

Послелог *къарамай* восходит к деепричастию на *-май / -мей* от *къара-* «смотреть», выражает уступительные отношения.

П р и м е р ы: [Назир Оюсха:] *Тын, жаш, озгъан этесе, жууукъ жетгенинге да къарамай, жетдирип къоярча эте тураса!* («Миги-Тау») «[Назир Оюсу:] Парень, перестань, уже начал переходить границы! Несмотря на то, что доводишься мне родственником, вынуждаешь к тому, чтобы я тебе врезал!»; *Муслим а, арыгъанына да къарамай, чалады (Къобанланы А.)* «А Муслим, несмотря на то, что устал, усердно продолжает косить».

Синонимичные послелог *башлан, тебиреп* представляют собой деепричастную форму от глаголов *башла-* «начинать», *тебире-* «отправляться, трогаться», выражают временные отношения, указывают начальный момент совершения действия.

П р и м е р ы: [Осман:] *Келир шабат кюнден башлан, жерни сюрюрге керекди, техника уа хазыр туйюлдю* «[Осман:] Начиная со следующее субботы, нало пахать землю, а техника не готова»; *Ингирден тебиреп, кече ортагъа дери жаугъанлай турду (Кулийланы Х.)* «С вечера до полуночи не переставая шел дождь».

Послелог *башлан* может выражать и нравственные отношения, а также отношения степени и предела действия.

П р и м е р ы: *Эли башындан башлан, аягъына дери биз кирмеген юй къалмады: айыу жау тапмадыкъ (Тёппеланы С.)* «С начала по конца села мы зашли во все дома: медвежьего жира нигде не нашли»; *Аталарындан башлан туудукъларына дери алада жырлай билмеген жокъду (журн. «Минги-Тау») «Начиная от отца до внуков (включительно) все они умеют петь».*

Послелог *къарагъанда* восходит к деепричастию на *-гъанда / -генде* от глагола *къара-* «смотреть», выражает отношение сравнения, сопоставления.

П р и м е р ы: *Мазан бла Басханукъ бир жыл туугъандыла, алай Басханукъгъа къарагъанда Мазан алыкъа къатын алыкъ жаш кибикди (Залийханланы Ж.)* «Мазан и Басханук од-

ногодки, однако, по сравнению с Басхануком Мазан еще как холостой парень»; *Тюненеге къарагъанда бюгюн кюн иги да салкъынды (Биджиланы Ъ.)* «По сравнению со вчерашним днем сегодня значительно прохладно».

2.2.3. Образование имен прилагательных

2.2.3.1. Образование имен прилагательных от форм желательного наклонения глагола

Формы желательного наклонения, перешедшие в прилагательные, зафиксированы в основном только в словарях карачаево-балкарского языка: *азгъын* «худосочный, изможденный, истощенный; худой, исхудалый», «тощий; щуплый, поджарый, худощавый» (*караим.* «распущенный, развращенный») *озгъун* «нескромный, развязный; наглый», «большой, непомерный», *озгъур* «чрезмерный», *къапхын* «краденый», *кесгин* «ясный; четкий, точный», *тизгин* «выстроенный в ряд».

Примеры: *Озгъун фахму бла озгъун жигитлик адамны башына къайгъы (посл.)* «Большой талант и чрезмерная смелость доставляют человеку много хлопот»; *Бизни озгъун акка, Чал сакъалы белге жетип, Ныгъышда олтурады, Сыр сагъгъышха кетип (Къобанланы М.)* «Наш исхудалый дед, Седая борода его доходит до пояса, Сидит он на завалинке, Погрузившись в тайные думы».

Сормагъаннга сѣлешме, къапхын малны юлешме (погов.) «С тем, кто не спрашивает, не заговаривай, мясо краденой скотины не раздаривай»; *Бюгюн биз не былай, не алай этербиз деп кесгин оноу жокъду (Къобанланы Д.)* «Нет конкретного решения о том, как мы сегодня должны поступить»

От некоторых из этих прилагательных по конверсии образованы наречия.

Примеры: *Дамаскда къарачайлы нѣгерле ана тилде кесгин сѣлешедиле (Хубийланы О.)* «Карачаевские друзья в Дамаске лаконично говорят на родном языке»; *Озгъун атлагъан къызны сыйы болмайды (погов.)* «У девушки, которая ведет себя нескромно, нет авторитета».

2.2.3.2. Образование имен прилагательных от причастий

Некоторые причастия, потеряв временной признак и форму глагольного управления, сохраняя определительную функцию, переходят в прилагательные: *жетген* (*жетлеккэн*) *жаш* «зрелый парень», *кьартайгьан* (*картайган*) *адам* (*киши*) «пожилой человек», *кьайнар* (*кайнар*) *суу* «горячая вода» и др. При сохранении же формы времени и значения управления эти слова (*жетген*, *жетлеккэн*, *кьартайгьан*, *кьайнар*) являются не прилагательными, а причастиями: *кеч жетген кьыз* «поздно созревшая девушка», *эртте кьартайгьан адам* «рано состарившийся человек», *тынч кьайнар амал* «способ для быстрого кипения».

Однако очень многие причастия, хотя и не имеют при себе уточняющих обстоятельств и управления в падеже, в прилагательные не переходят. Например, в словосочетаниях *кьалыр жер* «место для ночлега», *кьайнагьан сют* «кипяченое молоко», *кьызгьан итиу* «горячий утюг», *боллукь ишле* «предстоящие события», *ёлмезлик иш* «бессмертное дело» словоформы *кьалыр*, *кьайнагьан*, *кьызгьан*, *боллукь*, *ёлмезлик* являются причастиями, а не прилагательными.

Поэтому, думается, нельзя согласиться с А.Ю. Бозиевым и И.Х. Урусбиевым, считающими словоформы *барыр*, *ауар*, *баргьан*, *бишген*, *чабар*, *ёлор*, *сыннган*, *кьайнагьан* и т.п. в словосочетаниях *барыр жер* «место, куда можно идти (ехать)», *хорланмаз кьалауур* «непобедимый караул», *ауар таш* «камень, который может обрушиться», *баргьан суу* «текучая вода», *бишген эт* «вареное мясо», *чабар ат* «скаковая лошадь», *ёлор ауруу* «смертельная болезнь», *сыннган тепшек* «разбитая тарелка», *кьайнагьан суу* «кипяченая вода» именами прилагательными [Бозиев 1966: 183; Урусбиев 1975: 216]. Они являются причастиями. Правда, на русский язык большинство из них переводится именем прилагательным. Однако это не может служить основанием для зачисления этих форм в разряд прилагательных. Авторы утверждают, что указанные словоформы показывают постоянный, статический признак предмета вообще, вне времени [Там же]. Трудно согласиться и с этим, так как *баргьан* здесь выражает значение настоящего

150

длительного времени, *бишген, сынган, къайнагъан* – значение прошедшего времени, а *барыр, ауар, чабар, ёлюр, хорланмаз* – будущее неопределенное время.

Изменение в семантике глагола, т.е. употребление его в переносном значении, понижает глагольность причастия и усиливает его адъективацию. Приведем примеры из карачаево-балкарского языка: *Ызыбыздан жетген атлы: «Былайда эшек кёрмедигизми? – деп сорду (Залиханланы Ж.) «Догнавший нас всадник спросил: «Не видели ли вы в этих местах ишака?»»; Бертни бизге жетген биринчи назмусу 1928 жылда жазылганды (журн. «Шуёхлукъ») «Первое стихотворение Берта Гуртуева, которое сохранилось до настоящего времени, написано в 1928 году»; Жетген къыз жерли эшекни танымаз (погов.) «Девушка на выданье не различает – оседлан осел или нет (т.е. «был ли женат жених»); Алимни эки жетген жашы, эрде къызы... (Гуртуланы Э.) «А у Алима два взрослых сына, дочь замужем...».*

В этих примерах причастие *жетген* имеет разные лексические значения в соответствии с разными лексическими значениями глагола *жет-*. В первых двух примерах оно обозначает: «догонять, настигать *кого*» и «сохраняться до *какого-либо* времени», а в третьем и четвертом примерах это причастие имеет переносное значение: «взрослеть».

Значение глагольной основы в причастии *жетген* таково, что в нем легко развиваются качественные значения: и при прямых, и при переносных значениях основы. Это подтверждается наличием при причастии *жетген* зависимых слов: *манга жетген* «доставшийся мне», *тапкагъа жетген* «доставшийся полки», *ортасына жетген* «добравшийся до середины», *кеч жетген сабийле* «поздно повзрослевшие дети», *энди жетген жаш* «парень, повзрослевший теперь».

Это не говорит о том, что лексические значения качества, развивающиеся в причастии, отрывают его от соответствующего глагола и способствуют его переходу в прилагательное. Переносное значение принадлежит самому глаголу, от которого образовано причастие. Здесь не происходит отрыва причастия от глагола, а переносное значение, привносимое в причастие глагольной основой, способствует адъективации причастия [Калакуцкая 1971: 42].

Переносные значения глагольной основы причастия часто употребляются со словами, обозначающими степень сравнения. Такие значения адъективируются особенно легко. У них, как правило, развиваются качественные значения. Ср. в карачаево-балкарском языке: *Аны уа несин сораса, бек айтылгъан адамладан бириди (Токъумаланы Ж.)* «О нем нечего спрашивать, он является одним из самых прославленных людей»; *Сенлай барып тохтагъан сатлыкълагъа ким ышанады! (Гулаланы Б.)* «Кто может доверять таким самым что ни на есть продажным, как ты!»

Другие значения причастий *айтылгъан*, *сатлыкълар* не могут употребляться со степенями сравнения. Ср.: *санга айтылгъан сёзле* «слова, сказанные тебе» (нельзя сказать *санга бек айтылгъан сёзле* «слова, очень сказанные тебе»), *сатлыкълар мал* «скот, предназначенный для продажи» (невозможно употребление *асыры (бек, барып тохтагъан) сатлыкълар мал* «скот, очень, слишком, самый, самый что ни на есть предназначенный для прдажи»).

2.2.4. Образование глаголов от залоговых форм (внутриглагольное словообразование)

2.2.4.1. Общие замечания

По нашим подсчетам около 30% залоговых форм глагола в тюркских языках стали лексическими единицами и зарегистрированы в общих словарях. При этом формы понудительного залога лексикализировались больше чем, формы других залогов. Не лексикализированы главным образом залоговые формы с именной основой.

У абсолютного большинства глаголов лексикализована лишь одна залоговая форма. Глаголов, у которых все залоговые формы лексикализованы, очень мало.

Формы понудительного, взаимно-совместного и особенно возвратного залогов нередко дублируют значение своих исходных основ, т.е. становятся их однокоренными синонимами: 1) понудительные формы: *бёл- (бул-, бул-)* – *бёлдюр- (булдур-, булдур-)* «делить, разделить», *кес- ~ кис- – кесдир-* «резать, поре-

зять», *чач-* ~ *чоч-* – *чачдыр-* ~ *чочдыр-* «брызгать», *ат-* ~ *от-* ~ *атдыр-* ~ *отдир-* «стрелять», *кеч-* ~ *кич-* – *кечир-* ~ *кичер-* «прощать», *чюй-* ~ *чюйюр-* «надуть (губы)», *алда-* ~ *алдат-* «обманывать», *юз-* ~ *уз-* – *юздюр-* «отрезать, отрубить», *толкунла-* (*тулқинла-* ~ *толкунда-*) – *толкунлат-* (*тулқинлат-* ~ *толкундат-*) «волновать, вызывать волны», *бағғала-* ~ *бағғалат-* «ценить, уважать», *кёзу-* ~ *кёзут-* «дразнить, злить *кого*, насмехаться над кем, разыгрывать *кого*»; 2) взаимно-совместные формы: *ойла-* (*уйла-* ~ *ойло-*) – *ойлаш-* (*ойлош-* ~ *уйлаш-*) «думать, размышлять», *жанла-* – *жанлаш-* (*якынла-* – *якынлаш-*) «приближаться, подходить», *тубе-* – *тубеш-* «встречаться с кем-чем, общаться с кем», *кьайт-* – *кьайтыш-* «принимать *что*», *акьырынла-* (*акырында-*) – *акьырынлаш-* «замедляться», *оюмла-* – *оюмлаш-* «думать, осмысливать, обдумывать *что*, размышлять над *чем*»; 3) возвратные формы *ойла-* (*ойло-* ~ *уйла-*) – *ойлан-* (*ойлон-*, *уйлан-*) «думать, размышлять», *букь-* – *бугьун-* «прятаться, скрываться», *кёзу-* – *кёзул-* «подвергать насмешкам», *эркеле-* (*иркэлэ-*) – *эркелен-* (*эркелен-*) «ласкаться, ластиться», *баз-* – *базын-* «надеяться, полагаться на *кого-что*», *той-* (*дој-* ~ *туй-*) – *тоюн-* ~ *туен-* «насыщаться», *булжус-* – *булжун-* «забавляться *чем*, коротать время», «горевать, унывать, кручиниться, тужить», *теп-* – *тебин-* «выходить из себя, злиться, сердиться», *талпы-* – *талпын-* «желать *чего*, хотеть *что*, стремиться к *чему*», *салкьынла-* – *салкьынлан-* «холодать (о воздухе)».

П р и м е р ы: 1. *Хар ним бёлсюн жукьусун кьууанчлыкьны ишинде (Мёчюланы К.)* «Пусть каждый прервет свой сон в день радости»; – *Кечени бу заманында итле да, адамланы жукьуларын бёлдюрмейик дегенча, шошайгъандыла (Шауаланы Х.)* «В такое воемя ночи и собаки, будто не желая прервать сон людей, утихли».

Айласыздан мен айттым, айыбымды кечерсиз «Я сказал (это) вынужденно, простите мне мою вину» (КРС¹); *Ит урёт, эр кечирет (погов.)* «Собака лает, молодец прощает»; *Кече билмеген адам адамны сюе, бағғалай да билмейди (Гадийланы И.)* «Человек, не могущий прощать, не может уважать и любить»; – *Ала сизни алай бек бағғалатмайдыла (Батчаланы М.)* «– Не очень уважают они вас».

2. *Юйге жанладыла, къыз, эшикни ачып, жашны ызындан чакъырды (Кациланы Х.)* «Близко подошли к дому, девушка открыла калитку и позвала парня за собой»; – *Милиционер кетгенлей, жаш, манга жанлашып, ашай тургъан ётмегими къолумдан тартып алды (Токъумаланы Ж.)* «Как только ушел милиционер, парень приблизился ко мне, выхватил из рук у меня хлеб».

Ойноп суйлӧсӧң да, ойлоп суйлӧ (погов.) «Даже если в шутку говоришь, говори подумав»; *Алар ӧздӧрү ойлошуп кӧрушпӧйбу!* «Пусть они сами подумают!».

Окъууну бошагъанлы да хар жылдан бир тюбешевиз (Тӧпеланы А.) «И после онончания учебы встречаемся один раз в год», – *Салих бизге тюберге сюйгенин айтып жаза эди (Гуртуланы Э.)* «– Салих писал, что хочет встретиться с нами».

Чабыуулгъа чабып бара турсам да, жаугъан окъдан тар окопха букъсам да, хар заманда эсимде сен турлукъса (Мамеланы И.) «Когда буду идти в атаку, когда буду сидеть в тесном окопе, прячась от пуль врага, всегда буду помнить тебя»; *Шхарда абирекле бугъунган хапар жюрюй эди (Гуртуланы Б.)* «Ходили слухи, что в городе прячутся абреки».

Коногум, уйуңду ойлоп отур (погов.) «Ты, мой гость, думай о доме своем (угощайся и не привередничай, так как дома у тебя не лучше)»; *Ары ойлонуп, бери ойлонуп, акыры кете турган болдум* «Я и так думал, и этак думал, наконец, решил уехать» (КРС²).

Эркеленип ёсген сабий ёнгелеучю болур (погов.) «Избалованный ребенок бывает обидчивым»; – *Бойнакъ, иесине эркелеп, аллында ары – бери чабады, келип, къолларын ийисгейди (Гулаланы б.)* «Бойнак [пес] ласкается к хозяину, бегаёт впереди него, прибегает к нему и нюхает руки».

При лексикализации залоговые формы обычно приобретают отличное от исходной основы значение, например: *билдир-* (*билгиз-*, *белдер-*) «сообщить» (от *бил-* (*бел-*) «знать, узнавать о чем, уметь»), *айтыл-* «прославиться», *айтдыр-* «сообщать, передавать что» (от *айт-* (*эйт-*) «говорить, сказать»), *табыл-* (*топил-*) «приходить» (от *тап-* (*топ-*) «находить кого-что, обнаруживать что»), *уруш-* (*орыш-*) «ругать, ссориться», «воевать» (от *ур-* (*ор-*) «бить, ударять»), *къуруш-* «отни-

маться» (от *кзуру*- «сохнуть»), *беклен*- «застрять» (от *бекле*- «закрывать, запирать»), *салын*- «повисать, свисать» (от *сал*- «ставить, класть что»). В приведенных текстовых примерах значения залоговых форм не отличаются от значений их исходных основ, а полностью с ними совпадают. Тем не менее здесь следует усматривать лексикализацию, так как грамматическое (залоговое) значение переходит в лексическое.

Анализ фактического материала показывает, что залоговые формы, в целом совпадая по значению с исходной основой, могут отличаться от нее стилистически и в каком-то отношении даже семантически. Так, если глаголы *букь-*, *булжу-*, *бушуула-*, *ойла-* (*ойло-*), *акьырынла-* (*акьырында-*), *талны-*, *теп-* стилистически нейтральны, то их залоговые формы – синонимы разговорны. Эти формы могут отличаться от исходных основ и оттенком значения, который выражается в неполноте действия; ср. *юрк-* «пугаться, шарахаться (о скотине)» – *юркюн-* «слегка пугаться, шарахаться (о скотине)», *кьоркь-* «бояться, трусить, пугаться» – *кьоркьун-* «слегка бояться», «трусить, испугаться», *тохта-* «перестать», «прекратиться, «притихнуть» – *тохташ-* «притихнуть, затихнуть, утихнуть, стихнуть», *ёреле-* «вставать, подниматься (собираясь уходить)» – *ёрелеш-* «вставать, подниматься (на ноги)».

Значения не только исходной и залоговой, но и разных залоговых форм могут совпадать, т.е. быть полными синонимами, ср.: 1) формы возвратного и взаимно-совместного залогов: *акьыллан-* – *акьыллаш-* «намереваться, собираться (что-л. делать)», «связываться, устанавливая связи с кем», *ойлан-* – *ойлаш-* «размышлять о чем», *сюрюн-* – *сюрюш-* «пошатываться», *чалын-* – *чалыш-* «слышать (краем уха)»; 2) формы возвратного и понудительного залогов: *алдан-* – *алдат-* «прельститься, поддаваться на обман», *багьалан-* – *багьалат-* «важничать, мнить о себе, набивать себе цену», *жаздыр-* – *жазыл-* «подписаться на что».

Примеры: 1. [Сафар Ахиягъа:] *Сен не айтырыкъса ансы, юнью сатаргъа акьылланып турабыз (Шауаланы Х.)* «Не знаем, что ты скажешь, мы думаем продать дом»; – *Ахьырында окьууну заочно тюрлюсюне кёчерге акьыллашханымы юйдегилеге да билдирдим (Теппеланы А.)* «– Наконец, я рассказал и

родным о своем намерении перевестись на заочный вид обучения».

Улабас тоосун айланган, улары атып байланган (фольк.) «Он ездил по горам, стрелял в уларов и привязывал их»; *Колдорун аркаларына байлашты* «Они связывали им руки сзади».

Аны айтханы кьулагьыма азчыкъ чалынды (Чыпчыкъланы Б.) «Его слова я услышал краем уха»; – *Ол хапар, баям, аны кьулагьына да чалышхан болур* (Бабаланы С.) «Возможно, эта весть донеслась и до него».

2. *Ал өзүнүн алданганын эми эле тушунуп жатат* (К. Тыныбеков) «Он только теперь стал понимать, что обманулся»; *Мен сага алдатмак эмес экенимди тушунгөн окшойсуң* (Н. Сакиев) «Ты вроде понял, что не сможешь меня обмануть».

Бир абынган минг сюрюнюр (посл.) «Кто раз споткнется, тот не скоро очнется (букв. тысячу раз пошатнется)»; *Хутай кьопхан да бир этди, сора, сюрюше барып, дагыда жыгьылды* (Кьулийланы Х.) «Хутай с трудом встал, но, идя шатаваясь, опять упал».

Кьонакъгьа чакьырылсанг, кесинги багьалатма (посл.) «Если тебя пригласят в гости, не набивай себе цену»; [*Хажии:*] *Бу жолча багьаланып ким нёргенди муну* [*Кёккёзню!*] «[Хаджи:] Как в этот раз он [Кёккёз] никогда не важничал».

Анализ общих словарей тюркских языков показывает, что в довольно многих случаях аффиксы залоговых форм глагола употребляются в незалоговом значении, т.е. десемантизируются. В результате одни производные формы (большинство) приобретают совершенно новое значение, а другие, хотя и теряют свое значение, сохраняют этимологическую связь с исходной основой. И в том, и в другом случаях появляются новые слова, т.е. происходит лексикализация; ср.: 1. *басдыр-* «хоронить» (от *бас-* «давить, ступать, наступать»); *агьыз-* «сбивать» (от *акь-* «течь, литься, протекать, давать течь, падать, осыпаться»); *атлан* (*аттан-*) «отправляться» (от *атла-* ~ *атта-* «идти, шагать»), *кьаплан-* «облокотиться, опереться на кого-что, лечь на живот» (от *кьапла-* «набрасывать что, надевать что, накрывать, покрывать что»); *жарыл-* «дуться, злиться» (от *жар-* «колоть, рубить»); *басыл-* «утихать, униматься» (от *бас-* «ступать, наступать, давить»); *келиш-* «договориться» (от *кел-* «приходить, прибывать, приезжать»); *болуш-* «помогать» (от *бол-* «бьтъ, происходить, совершаться, случаться»); 2. *билдир-*

(*белдер-*, *билгиз-*) «сообщить» (от *бил-* (*бел-*) «знать, узнавать»), *уруш-* «ссориться» (от *ур-* «бить, ударить»); *туйюш-* «драться» (от *туй-* «бить, избивать, колотить»); *кьаргьан-* «клясться» (от *кьаргьа-* «проклинать»); *оздур-* «перебрать, переходить меру» (о *оз-* «быть больше положенного»), *сюркел-* «ползти» (от *сюрке-* «тащить»).

Образованием новых глаголов, на наш взгляд, следует считать еще случаи, когда в производящей основе происходит частичное изменение: 1) при возвратной, страдательной и взаимно-совместной формах действие определяется сферой субъекта: *башлан-* «начинаться» (от *башла-* «начинать»), *кьошул-* ~ *кушыл-* «соединяться, объединяться» (от *кьош-* ~ *куш-* «соединять, объединять»); *кёрюн-* ~ *курен-* «виднеться, быть видным» (от *кёр-* ~ *кюр-* «видеть»); *бурул-* ~ *борыл-* «поворачиваться» (от *бур-* ~ *бор-* «повернуть»), *жайыл-* ~ *яйыл-* «распространяться» (от *жай-* ~ *яй-* «распространять»); *жыгышыш-* «бороться (в *спорт.е*)» (от *жыкь-* «побороть»), *тубеш-* «встретиться» (от *тубе-* «встретить»); *талаш-* «грызться (о собаках)» (от *тала-* «кусать (о собаке)»); 2) при понудительных формах исходный глагол, обозначающий состояние, дополняется каузативным содержанием [Геляева 1999: 30]: *селейт-* «ослабить, успокоить» (от *селей-* «ослабнуть, стихнуть, уменьшиться»); *кюлдюр-* ~ *зүлдюр-* «смешить» (от *кюл-* «смеяться»); *окьут-* ~ *укьут-* «учить» (от *окьу-* ~ *уку-* «учиться»); *толтур-* ~ *тултыр-* «наполнить» (от *тол-* ~ *тул-* «наполняться»).

Во всех приведенных случаях формы залогов лишены своих значений (хотя некоторые неполностью порывают этимологическую связь с производящей основой) и ничем не отличаются от соновного залога. Поэтому они в словарях должны описываться наравне с последним. Тем не менее в тюркско-русских и толковых словарях тюркских языков со многих из них не снят до сих пор «ярлык» залога.

2.2.4.2. Образование глаголов от форм понудительного залога

Выше мы говорили, что не все понудительные формы глаголов выражают это значение, многие из них имеют значение ос-

нового залога. Образуют такие формы понудительный залог или не образуют его, зависит от того, какой предмет обозначают грамматический субъект и грамматический объект. Если грамматический объект или грамматический субъект обозначают предмет, являющийся названием лица, то понудительная форма имеет залоговое значение. Если же грамматический объект или грамматический субъект обозначают предмет, являющийся названием не лица, то понудительная форма не имеет залогового значения, а имеет значение основного залога [Геляева 1999: 79-81]. Сравним понудительные формы глаголов в следующих предложениях:

1. [Кичибатыр Асланга:] *Стражниклериме буйрукъ берип, сени былайда асмакъгъа асдырайым* (Боташланы И.) «[Кичибатыр Аслану:] Я распоряжусь своим стражникам повесить тебя вот здесь».

2. *Гипноз жашны аурууун бир кесекге селейтди* (Гуртуланы Э.) «Гипноз на некоторое время заглушил боль парня».

Понудительная форма глагола в первом предложении (*асдыр-*) употреблена в залоговом значении: грамматический объект в нем *сени* «тебя» – лицо. Понудительная же форма глагола во втором предложении (*селейт-* «умерить, уменьшить, ослабить») употреблена в незалоговом значении: грамматический субъект в нем *гипноз* – не лицо.

При лексикализации понудительной формы аффиксы ее по-разному влияют на содержание глагольной основы. Одни из них совершенно не изменяют его значение (1), другие изменяют частично (2), третьи изменяют в корне (3).

К первому типу относятся лексикализованные понудительные формы вроде *агъарт-* «белить» (от *агъар-* «белеть»); *аудур-* (*аудар-*, *оодар-*) «валить, опрокидывать» (от *ау-* (*ав-*, *оо-*) «валиться, опрокидываться»), *битдир-* (*бүтүр-*) «завершать, заканчивать» (от *бит-* (*бүт-*) «завершаться, заканчиваться»); *букъдур-* «прятать, скрывать» (от *букъ-* «прятаться, скрываться»); *кьутул-* «спасать, избавлять» (от *кьутул-* «спасаться, избавляться»); *окьут-* (*укьит-*, *охут-*) «учить» (от *окьу-* (*уку-*, *оку-*) «учиться»); *ачьуландыр-* (*ачуулант-*) «злить, сердить» (от *ачьулан-* «злиться, сердиться»).

П р и м е р ы: –*Жашла, биз кимден бугъабыз, нек бугъабыз?* (Гадийланы И.) «– Ребята, от кого и почему мы прячем-

ся?»; *Айтек кюмюш саплы къара къаманы юй башда букъдурду* (Тёппеланы А.) «Айтек спрятал черный кинжал с серебряной рукояткой на крыше дома».

Мен быйыл онунчу классды буттум «В этом году я перешел в десятый класс»; *Ишти бутургондён кийин дем алалы деп, колдун жээгине бардык* «Поле завершения работы мы пошли к берегу озера, чтобы отдохнуть».

Къоркъунчусуз жерге къутулгъандан сора, Хамит, къарыусуз болуп, ауду (Этезланы О.) «Как только ушел на безопасное место, Хамит, обессилев, упал»; *Деменгили чынар терекни аудурдула* (Толгъурланы З.) «Величественную чинару свалили».

Второй тип характеризуют такие формы, как *ангылат* «объяснить» (от *ангыла*- «понимать»); *кёргюз*- (*гёрсет*, *кёрсөт*-, *күрсөт*-) «показать» (от *кёр*- (*күр*-, *гөр*-) «видеть»); *жандыр*- (*яндыр*-) «зажигать» (от *жан*- (*ян*-) «воспламеняться, загораться»); *кечиндир*- «еле-еле обеспечивать, содержать кого-что» (от *кечин*- «довольствоваться малым, перебиваться, жить бедно»); *ушат*- (*окишо*-, *охишат*-) «уподобить; ошибиться, приняв одного за другого» (*уша*- (*окишо*-, *охиша*-) «походить, быть похожим»); *жюрют*- (*йорут*-, *юрют*-) «вести кого-что, носить что, поддерживать какие-либо отношения» (от *жюрю*- (*йөрү*-, *юрю*-) «ходить, ездить, двигаться»).

Айтайым деген оюңузду түшүнүп турам «Я понимаю мысль, которую вы хотите высказать»; *Адамгъа кара санаба деп, жеңил түшүндүрот* «Он осторожно растолковывает, мол, зла человеку не желай» (КРС¹).

Третий тип описываемой заголовочной формы, употребляемой в незалоговом значении, могут демонстрировать глаголы *жарсыт*- «огорчать» (о *жарсы*- «заботиться, беспокоиться о ком, чем»); *бардыр*- «проводить, выполнять, вести» (от *бар*- «идти, ехать»); *сыздыр*- «врать» (от *сыз*- «кидать, метать»); *къыркъдыр*- «искажать, путать что (преднамеренно)» (от *къыркъ*- «стричь»); *багъалат*- «важничать» (от *багъала*- «уважать»); *тюртюл*- «натывать на кого-что» (от *тюрт*- «толкать, пихать кого-что»); *басдыр*- «хоронить кого, предать земле кого» (от *бас*- «ступать, наступать на что»); *билдир*- (*белдер*-, *билгиз*-) «сообщить» (от *бил*- ~ *бел*- «знать, узнавать что о чем»); *келишдир*- (*килэшдир*-) «сравнивать, сопоставлять» (от *келиш*- (*килэш*-) «договориться,

достигнуть соглашения с кем»); *жырт-* ~ *ерт-* «рвать, разорвать» (от *жыр-* ~ *ер-* «разрезать, рассекать»); *ачыт-* «саднить» (от *ачы-* «киснуть») и другие.

Примеры: – Эгечим, мени ючюн жарсымагъыз, анама да къайдагъымы айтмагъыз (Гуртуланы Б.) «– Сестра, за меня не беспокойтесь, и матери моей не говорите, где я»; Аманлыкъ жарсытады, игилик къууундырады (посл.) «Зло огорчает, добро радует».

Билбеген уу ичет (погов.) «Кто не знает, тот яд пьет»; *Жекшенби куну тоюбуз болот деп, айылдагы туугъандарга билдириш керек (К. Жантөшев)* «О том, что в воскресенье у нас состоится свадьба, надо сообщить [нашим] аулчанам».

– *Жууугъум, Аман къыркъдыра башлагъанса (Чыпчыкъланы Б.)* «– Друг мой, ты сильно начал искажать (намеренно)»; – *Аппа, къой къыркъыргъа мени да юйретсенг а (Залийханланы Ж.)* «– Дед, научи меня тоже стригать овец».

Для определенного количества лексикализованных форм понудительного залога характерно употребление с разными аффиксами, что приводит к образованию однокоренных синонимов. Большинство из таких синонимов в стилистическом отношении неравноценны. Так, стилистически нейтральными, литературными, являются синонимы типа *карач.-балк. тамыз-* – *тамдыр-* «капать, наливать (чуть, немного)»; *ёчюр-* – *ёчюлт-* «тушить, гасить (свет, пожар, огонь), *аяздыр-* (*балк.*) – *аязыт-* (*карач.*) «отрезвить», «пробудить, приводить в чувство, в сознание (*напр.* после обморока)», *кийир-* – *киргиз-* «вводить *кого-что*, вносить *что*, вонзить, втыкать *что*», *киргиз. көргөз-* – *көрсөт-* «показывать», *тургуз-* – *турдур-* «поднять, разбудить».

Примеры: *Мен аны терк окъуна аязытдым (Батчаланы М.)* «Я быстро стряхнул его сон»; – *Уяннган этгенликге, ол алыкъа жукъусун аяздырып бошамагъанды (Гыттуланы М.)* «Хотя он и проснулся, а сон еще не стряхнул»;

Көзү жокко көргөзсө да, билбейт (погов.) «Слепому, хоть и покажешь, не узнает»; *Жумбай болсо бизг жол көрсөткөн* «А Жумбай показал нам дорогу».

– *Тамыз муну тангыракъ, сатып алмагъан эсенг! (Гуртуланы Э.)* «Да капни побольше, жалко тебе что ли!»; [*Керим*

Махаметге:] Жауун юсюнге тамдырмай аша (Токъумаланы Ж.) «[Керим Махамету:] Ешь осторожно, не капни жиром на одежду».

Из других таких синонимов обычно один бывает нейтральным, а другой разговорным, например: *тургъуз-* (лит.) – *турдур-* (разг.) «поднять кого; выпячивать, выставлять что»; *киргиз-* (лит.) – *кирдир-* (разг.) «вводить кого-что; вносить что; вонзить, втыкать что»; *ѣтдюр-* (*ѣткӧз-*) (лит.) – *ѣтгер-* (*ѣткӧр-*) (разг.) «переводить, перевозить кого-что; провести (например, зиму); провозить кого мимо кого-чего»; *атказ-* (лит.) – *аткар-* (разг.) «выполнять, исполнять»; *жаткыз-* (лит.) – *жаттыр-* (разг.) «уложить спать»; *атдыр-* (лит.) – *атылт-* (разг.) «взрывать что», *юркют-* (лит.) – *юркдюр-* (разг.) «напугать кого; испугнуть кого».

П р и м е р ы: [*Борис Келлетге:] Сен а не ѣшюнчюгюнгю тургузургъа кюрешесе? (Гуртуланы Э.) «[Борис Келлету:] А что ты возмущаешься (букв. выпячиваешь грудь)?»; –Бу эриши къарынынгы турдурма да, ары жый (Шауаланы М.) «– Не выставляя свой страшный живот, прибири туда!».*

Мени кӧнурӧдӧн ѣткӧзуп кой «Проведи меня через мост»; Жетимчилик кундӧрүн башынан ѣткӧргӧн «Он испытал сиротскую долю (букв. жизнь)».

Орун салып, жаткызып (фольк.) «Постелив и уложив спать»; Уктатпасын убалым, жаткырбасын жазыгым (фольк.) «Пусть грех мой не дает мне спать, пусть вина моя не дает мне лечь».

Трактор улуу темир сабан агъачны жерге батдырып, даур эте, баргъан ызын къаралта кетди (Этезланы О.) «Трактор погрузил в землю большой железный плуг и с шумом пронесся, оставляя черный след»; –Алауган экинчи кере ургъанда, Эмегенни жерге тобугъуна дери батылтды (фольк.) «Когда Алауган второй раз ударил, вонзил эмегена (чудовище) по колено в землю».

Наслоение второго аффикса понудительного залога на лексикализованные такие формы обычно сопровождается не изменением их смысла, а образованием новой понудительной формы, например: *толтурт-* «заставить (попросить) кого наполнить что» (*толтур-* «наполнять что чем»); *келтирт-* «заставить кого принести (привезти) что» (*келтир-* «приносить,

привозить что»), *ёлтиорт-* «заставить (рапорядиться, позволить) убить» (*ёлтиорт-* «убивать кого»); *жандырт-* «засавить (попросить) зажечь, поджечь» (*жандырт-* «зажигать, поджигать») и т.п. Однако нередки случаи, когда наслоение подобных аффиксов не вносит ни лексического, ни грамматического значения в лексические формы данного залога, а лишь придает им разговорно-бытовой характер. Вновь образованные языковые единицы функционируют на правах фонетических вариантов существующих форм, например: *айтдыр-* / *айтдырт-* «сообщить, передавать что»; «прославлять, делать известным кого»; *атдыр-* / *атдырт-* «взрывать что»; *бёлдюр-* / *бёлдюрт-* «разделить», «прервать»; *жанлат-* / *жанлатдыр-* «приближать, придвигать к кому-чему».

Примеры: *Жамалны къатыны:* «*Бу огъурсуз хапарны нек айтдырдым*» – деп, *улуу ажым этди (Шауаланы Х.)* «Жена Жамала очень сожалела, что сообщила эту недобрую весть»; – *Ол сени аманатынгы уа, жаш элге бара эди да, андан айтдыртханма (Къулийланы Х.)* «– Твое поручение я передал от сына, он поехал в село».

Ол [командир] складны кече атдырыгъа буюргъан эди (Толгъурланы З.) «Он [командир] приказал взорвать склад ночью»; *Жолчула, аммонал салып, улуу таишланы атдыртдыла* «Дорожники, подложив аммонал, взорвали большие камни».

Ол мени бармагъы бла кёргюздю (Батчаланы М.) «Он указал на меня пальцем»; *Къабыргъа газет ииде кемчиликлени кёргюзтюп турады (газ. «Заман»)* «Стенная газета указывает на недостатки в работе».

2.2.4.3. Образование глаголов от форм страдательного залога

Как свидетельствуют общие словари, формы страдательного залога в тюркских языках лексикализуются реже, чем формы пассивного и возвратного залогов. Здесь можно отметить два вида лексикализации: 1) полная лексикализация, когда все значения страдательной формы теряют свое значение; 2) частичная лексикализация, когда теряет свое значение лишь часть значений страдательной формы.

Среди полностью лексикализовавшихся форм страдательного залога многозначных совсем незначительно: *башлан- ~ баштал-* 1. «начать совершаться, происходить», 2. «простирается откуда-либо», 3. «возникнуть, получить начало»; *бошал- ~ тӱгӱлэн-* 1. «кончатся, иссякать», 2. «лопаться, вскрываться», 3. *перен.* «ухудшаться, расшатываться», 4. «меняться, портиться (об отношениях и т.п.)»; 5. *перен.* «развращаться, разлагаться» и др.

Примеры: Асланга жангы жашау ол кюнден *башланды* (Толгурланы З.) «Для Аслана с этого дня началась новая жизнь»; Колхозну терек бахчасы тюз бизни юйню артындан *башланады* (Текуланы Ж.) «Колхозный сад начинается как раз сзади нашего дома»; Эли кюнлюм жанында сабан ишле *башланадыла* (Кациланы Х.) «На южной стороне села начались полевые работы».

Ат аягынан, эр тамагынан бузулат (погов.) «Коня ноги портят (от быстрой езды по плохой дороге), а молодец – глотка (жадность)»; *Бир ат учун эки эл бузулуп, канчалык кан тӱгулгӱнун кӱргӱнбүз* «Мы видели, как из-за одной лошади два племени ссорились и сколько проливалось крови»; *Букардын каны Темиркан бузулган кызын тыйсачы* (фольк.) «Хоть бы хан Бухары Темирхан унял свою развратную дочь».

Саулукъ сакълау учрежденияла ишлеуге 30 миллион сом жоюлганды (газ. «Ленинни байрагы») «На строительство учреждений здравоохранения израсходовано 30 миллионов рублей»; *Жоюлган жашларына бар анала бирча жилийдыла, къайда болса да* (Къулийланы Къ.) «Погибших своих сыновей все матери оплакивают одинаково».

Форма на -л страдательного залога лексикализуется очень редко. Об этом свидетельствует тот факт, что в общих словарях нет ни одной лексикализованной однозначной страдательной формы с этим аффиксом: *айгъакълан-, ачыкълан- ~ ачыктал-* «скрываться, обнаруживаться, выясняться, выявляться», *аманлан-, жамандан-, начарлан-* «ухудшаться», *ишлен- ~ иштел-* «улучшаться», *букъулан-* «пылиться, покрываться пылью», *таплан-* «прийти в порядок», *буришулан-* «помяться», *кючлен- (кучтӱн-)* «усиливаться, укрепляться», *жаралан-* «получить ранение», *бурмалан-* «виться (о волосах)» и др.

В большинстве случаев словообразовательная и залого-обозначающая функции страдательного залога выявляются в контексте.

При этом аффикс *-л* выражает в одной и той же форме одновременно и грамматическое (залоговое), и лексическое значения: *берил-* «быть отданным, даваться, выдаваться», 2. *перен.* «быть преданным чему»; *айтыл-* (*айтел-*) 1. «быть сказанным», 2. *перен.* «славиться, становиться знаменитым»; *боыл-* (*буял-*, *боёл-*, *боён-*) 1. «краситься, окрашиваться», 2. «пачкаться, мазаться», 3. *перен.* «иметь прибыль, пользу, выгоду»; *тагъыл-* 1. «быть привязанным», 2. «увязаться за кем, примкнуть к кому»; *бурул-* (*борыл-*, *бурил-*) 1. «закручиваться, вращаться, вертеться», 2. «поворачиваться, направляться куда»; *байлан-* (*бэйлэн-*) 1. «быть привязанным, связанным», 2. «связываться», 3. «обвязаться»; *бюгюл-* (*бөгел-*) 1. «гнутья, сгибаться», 2. *перен.* «склоняться к чему, соглашаться на что, с чем»; *жарыл-* (*ярыл-*) 1. «быть расколотым», 2. *перен.* «вешаться»; *тешил-* (*чечил-*, *чишел-*) 1. «быть развязанным, отвязанным», 2. *перен.* «простить» и т.д.

Примеры: *Классда сынау хыйсап берилсе, биринчи Бекболат жууап этеди (Гуртуланы Б.)* «Когда в классе дается контрольная работа, первым отвечает Бекбулат»; *Кесинги ишинге битеу жюрегинг бла берилсенг, сен адамланы чынтыты адамлык жолгъа саллыкъса (Тёпеланы А.)* «Если своему делу будешь отдаваться всей душой, тогда ты наставишь людей на путь истинный».

Ат байланып, нык болуп, кок жалдын баары жзык болуп (фольк.) «Кони тренированы и стали крепкими, сивогривые (богатыри) все в сборе»; *Сансыздын башы юч жуз боо чоп оруп берүүгө байланды* «На Сансызе лежала обязанность скосить триста снопов сена»; *Калит кулфда осонгина бурилди* «Ключ легко повернулся в замке»; *Рахман унга бурилди, мен – сулга* «Рахмон повернулся направо, я – налево» (УРС).

В приведенных примерах вторые (а кое-где и третьи) значения форм страдательного залога лишены своего, т.е. грамматического, значения и приобрели значение возвратного залога – лексикализировались. Таких примеров в исследуемых языках сотни. Переход грамматического значения в лексическое, т.е. лек-

сикализация, особенно отчетливо виден в тех формах страдательного залога, которые имеют больше двух значений, например, *ачыл-* (*очил-*) «открываться, раскрываться, отпираться», 2. «раскрыться, разойтись краями (о ране)», 3. «стать видным, обнаружиться», 4. «проясняться, проясниться (о погоде, небе)», 5. «раскрываться (о растениях)», 6. «восстанавливаться (напр. о прежних взаимоотношениях)», 7. «иметь большое желание к чему-л.».

П р и м е р ы: *Аз окъуулу жашлагъа школ ачылгъанды (Хубийланы О.)* «Для малограмотных взрослых ребят открылась школа»; *Асланны бутунда жарасы ачылып, жангыдан кыйнап башлады (ТСКБЯ)* «У Аслана рана на ноге раскрылась и снова стала мучить»; *Сыртдан ары бир ариу бет ачылады (Тёпеланы А.)* «За бугром виднеется красивая поляна»; *Бюгюн туман бийикге кётюрюлгенди, алай а кюн ачылмагъанды (Кациланы Х.)* «Сегодня туман поднялся высоко, но погода еще не прояснилась»; *Жангы ачылгъан гокка хансха сен онсегиз жылда нёгерсе («Жанкыбылыч»)* «Ты в восемнадцать лет подружка только что раскрывшемуся цветку»; [*Зурум:*] *Наныкъ, ала жалгъашсала, насыбыгъызды: Домалайлары бла арагъыз ачылып къаллыкъды (Хубийланы О.)* «[Зурум:] Нанык, если они помирятся, вам повезет: восстановятся ваши взаимоотношения с Домалаем и его людьми»; *Къонакъны таза да игиге айланганына аны сёлеширге ачылгъаны шагъатлыкъ этеди (Залийханланы Ж.)* «О том, что Конак стал выздоравливать, свидетельствует то, что он разговаривает с большим желанием».

Во многих случаях, особенно в разговорно-бытовой речи, аффикс страдательного залога в ряде тюркских языков, например, в карачаево-балкарском, дублируется, т.е. к нему прибавляется второй такой же аффикс. Это не влияет на значение таких форм. Более того, формы с удвоенными аффиксами лишаются своих лексических значений, которые они имели до удвоения. Например, такие формы, как *ишленил-*, *айтылын-*, *тюртюлюн-*, *асылын* – не употребляются в значениях «воспитываться, учиться правилам хорошего тона», «славиться, становиться известным (знаменитым)», «встречать кого, встречаться с кем», «вешаться», «простить».

Наслоение аффиксов понудительного залога очень часто значение страдательной формы возвращает к значению исход-

ной формы глагола. Разница между ними стилистическая: сложные формы имеют разговорно-бытовой характер; ср. *карач.-балк. кемле- и кемлендир-* «уменьшать, сокращать что», *кереле- и керелендир-* «умножать, увеличивать что», *кючле- и кючлендир-* «усиливать, укреплять что», *кепле- и кеплендир-* «натянуть, напаять что», *жалгъа- и жалгъандыр-* «наращивать, надставлять, соединять что», *женгилле- и женгиллендир-* «ускорять, убыстрять что», *азатла- и азатландыр-* «освободить кого, давать вольную» (*ист.*), *азла- и азландыр-* «уменьшать, убавлять что», *тапла- и тапландыр-* «привести в порядок», *кём- и кёмюлт-* «стопить кого-что (в воде)» и т.п.

2.2.4.4. Образование глаголов от форм возвратного залога

Прежде чем вести речь об образовании глаголов от форм возвратного залога, нужно отграничить их от отыменных образований на *-лан*, т.е. от мнимо залоговых форм [Иванов 1977: 32; Гаджихмедов 1987: 25-26]. В отличие от отыменных глаголов на *-лан* в форме возвратного залога имеются два различных аффикса; ср.: *-ла*, образующий от имен переходные глаголы, и *-н* – залогообразующий: *батырлан-* ~ *ботирлан-* «храбриться» (от *батыр* ~ *ботир* «храбрый»), *бауурлан-* «лечь ничком (на живот)» (от *бауур* «печень, грудь, живот»), *сагъышлан-* «призадуматься» (от *сагъыш* «дума, размышление»), *ёхтемлен-* «гордиться» (от *ёхтем* «гордый»), *бёгеклен-* «гордиться» (от *бёгек* «гордый»), *жарыкълан-* «просвещаться» (от *жарыкъла-* «просвещать»), *зыккылан-* «порваться, потрепаться (об одежде)» (от *зыккылла-* «потрепать (одежду), разорвать в лохмотья»), *эскилен-* «ветшать, изнашиваться» (от *эскиле-* «износить»), *эркелен-* «избаловаться, изнежиться» (от *эркеле-* «ласкать кого»).

Форм возвратного залога, лексикализовавшись, употребляющихся самостоятельно, как новые лексические единицы, в тюркских языках немного: *тюшюн-* 1. «убеждаться в чем, уверовать во что», 2. «понимать, осознавать что» (от *тюш-* 1. «падать, выпадать», 2. «спускаться, сойти, слезать»); *куйук-* «заботиться, беспокоиться», 2. «гореть любовной страстью», 3. «быть не в состоянии перевести дух; умиляться, уставать; страдать

одышкой» (от *күй*- «гореть»); *чокун*- 1. «креститься (делать знак креста)», 2. «принимать крещение; принимать христианство», 3. «поклоняться (божеству)» (от *чоку*- «клевать, выклевывать»); *сыгын*- «напрягаться, тужиться, кряхтеть, пыхтеть» (от *сык*- «выжимать, отжимать что», 2. «бояться»); *урун*- «трудиться» (от *ур*- «бить, ударять», 2. «забивать, вбивать что»); *жукьлан*- 1. «гаснуть, тухнуть», 2. «тускнеть, меркнуть» (от *жукьла*- 1. «спать», 2. «уснуть, заснуть»); *силкин*- «качнуться; трястись» (от *силк*- «кивать, махать»); *саплан*- «укорениться» (от *сапла*- «придельвать ручку»); *табын*- «поклоняться» (от *тап*- «находить кого-что, обнаруживать что») и др. Эти формы употребляются только в лексикализованных значениях.

Примеры: *Куйуккбн журок басылды* «Опечаленное сердце успокоилось»; *Тоого чыгам деп, жаман куйуктум* «Я взбирался на гору, и у меня сильно захватило дыхание».

Отунду жерде от жукьланмаз (посл.) «Там, где есть дрова, огонь не погаснет»; *Жулдузла жукьланмайдыла* (*Къайгъылары Н.*) «Звезды не меркнут».

Атта селкене бару «Ехать на коне тряском» (РТС).

Сапланган ауруу сау кьоймаз (погов.) «Укоренившаяся болезнь в живых не оставит».

Улуу Къарачайда Жангыз Терекге табынып тургъандыла (ТСКБЯ) «В большом Карачае поклонялись Одинокому Дереву».

В подавляющем большинстве случаев употребление форм страдательного залога в возвратном или страдательном значении определяется только в контексте, потому что одна и та же форма на *-н* очень часто выступает в значении возвратного и страдательного залогов, например: *къармал*- 1. «быть обшаренным», 2. «тухнуть, гаснуть», 3. «умереть, погибнуть, пасть»; *алын*- 1. «быть взятым», 2. «быть принятым, полученным», 3. «быть купленным», 4. *перен.* «беситься, помешаться», 5. «бесноваться»; *багъалан*- ~ *баалан*- 1. «стать дороже», 2. «важничать, мнить о себе, набивать себе цену»; *илин*- 1. «зацепляться, прицепляться, вешаться», 2. «попадаться под руку», 3. «попадаться (в западню, на удочку и т.п.)»; *басыл*- (*босил*-) 1. «подвергаться давлению, прессованию, давиться, прессоваться», 2. «затихать, утихать» и др.

Примеры: *Жашны ишге алынганына къууандыкъ* (*Зокаланы З.*) «Мы обрадовались, что сын принят на работу»; *Кеп бол-*

май алынган машинаны муру-чуру этдиле (Къулийланы Х.) «Недавно купленную машину разбили вдребезги»; *Жаш, алынган этгенча, бир тюрлю болуп, кызгъа кюнашмы да бералмады* (Тёнпеланы А.) «Парень в тот миг почувствовал себя как помешанный и не сообразил поздороваться с девушкой»; *Ол [Мыртаз] школда сабийлеге алына, юйренип кьалгъанды да, кесин тьялмайды* (Хубийланы О.) «Он [Мыртаз] привык в школе бесноваться на детей и не может удержать себя».

Пальто вешалкага илинди «Пальто повешено на вешалку»; *У кълга илинган нарсани олди* «Он взял в руки (первую) попавшуюся вещь»; *Тузоққа бедана илинди* «В силки попалась перепелка» (УРС).

Қоңуроону чалыш учун кнопка басылат «Чтобы звонок зазвенел, нужно нажать кнопку»; *Меймандар эл аягы басылгандан кийин кетишди* «Гости разъехались, когда движение прекратилось» (КРС¹).

В некоторых тюркских языках формы стардательного залога могут осложняться аффиксом страдательного залога -л, который устраняет их двусмысленность. Такие формы теряют свое возвратное значение и употребляются только в страдательном значении: *карач.-балк. ариуланыл-* «быть очищенным» (*ариулан-* «очищаться» + *-ыл*), *бекленил-* «быть закрытым» (*беклен-* «закрывать» + *-ил*), *чулгъаныл-* «быть намотанным, накрученным» (*чулгъан-* «наматываться» + *-ыл*), *ишленил-* «быть сделанным, выпленным» (*ишлен-* «сделаться, выполниться» + *-ил*) и т.п.

П р и м е р ы: *Былайда кызыуда иш хазна ишленилмейди* (Токъумаланы Ж.) «В такую жару работа не идет».

Суу бла жууулуп ариуланылгъан арбазгъа жууулгъан жюнюнню жукъа жайдыла (Хучиналан А.) «Во дворе дома, вымытом водой и очищенном, разложили выстиранную шерсть тонким слоем».

Аффикс страдательного залога -л, прибавляясь к некоторым собственно возвратным формам, лишает их исконного значения и возвращает к страдательному залогу; ср. *карач.-балк. хазырлан-* «готовиться» и *хазырланыл-* «быть подготовленным, приготовленным, заготовленным», *азатлан-* «освободиться, получить вольную» (*ист.*) и *азатланыл-* «быть

освобожденным», *оюмлан*- «обдумывать» и *оюмланыл*- «быть обдумываемым», *омакълан*- «нарядиться» и *омакъланыл*- «быть наряженным» и др.

Примеры: *Мустафир авиация училищеге кирирге хазырланады (Шауаланы Х.)* «Мустафир готовится поступить в авиационное училище»; – *Чалгъычылагъа кече къалыр жер хазырланылгъанды* «Для косарей приготовлено место для ночлега».

Азатланган Нальчикни башында къызыл байракъла сюзюледиле (журн. «Шуёхлукъ») «Над освобожденным Нальчиком развеваются красные флаги»; – *Шахарларыбыз, эллерибиз фашистледен азатланылгъынчы, бир жан да тынчлыкъ тапмагъанды (Кациланы Х.)* «Пока наши города и села не были освобождены от фашистов, ни у кого не было покоя».

В нарушение общеизвестного факта о нетипичности образования возвратного залога от непереходных глаголов около 30 непереходных глаголов используются с аффиксом *-н*. Однако эти глаголы, в отличие от других глаголов на *-н*, не имеют знаечния возвратного залога, т.е. их знаечние совпадает со значением производящей основы. Тем не менее здесь происходит лексикализация, так как образованная форма имеет не грамматическое, а лексическое значение. В этом нетрудно убедиться, сравнивая такие примеры:

1. *башла*- (*башта*- ~ *бошла*) «начинать» – *башлан*- (*баштал*- ~ *бошлан*-) «начинаться, брать начало», *жарыкъла*- «просвещать» – *жарыкълан*- «просвещаться»;

2. *эркеле*- (*эркала*-) – *эркелен*- (*эркалан*-) «избаловаться, изнежиться», *букъ*- – *бугъун*- «прятаться, скрываться»;

3. *сыйла*- 1. «угощать, потчевать кого», 2. *перен.* «оказывать уважение кому» – *сыйлан*- «быть угощенным, заслужить уважение», *тёле* (*тулэ*-, *тёлө*-) «платить, выплачивать» – *тёлен*- (*тулэн*-, *тёлөн*-) «платиться, выплачиваться».

В первых двух пунктах формы возвратного залога *башлан*- (*баштал*-, *бошлан*-), *жарыкълан*-, *бугъун* – не имеют залогового значения, являются лексическими единицами, а в третьем пункте формы возвратного залога *сыйлан*-, *тёлен*- (*тулен*-, *тёлөн*-) сохранили свое залоговое значение, поэтому не являются лексическими единицами.

В словарях карачаево-балкарского языка зафиксировано значительно больше форма возвратного залога, лишенных его значения, которые образованы от непереходных глаголов: *оюмла-* – *оюмлан-* «думать, размышлять», *ойла-* – *ойлан-* (с тем же значением), *гурушхала-* – *гурушхалан* «подозревать, сомневаться», *гузабала-* – *гузабалан-* «беспокоиться, тревожиться, суетиться», *гынтыла-* – *гынтылан-* «воображать, мнить о себе, возомнить себя кем», *дертле-* – *дертлен-* «затаить обиду», *талпы-* – *талпын-* «желать, хотеть чего, стремиться к чему», *бол-* – *болун-* «быть, случиться», *ёнгеле-* – *ёнгелен-* «отказываться, отворачиваться, отрекаться от кого-чего», *булжу-* – *булжун-* 1. «забавляться чем.», 2. «мешкать, медлить», *бег-* – *бегин-* «укрепляться», «обосноваться», *темирчиле-* – *темирчилен-* (карач.) «делать угрожающие жесты, замахнуться на кого», *букь-* – *бугьун-* «прятаться, скрываться», *арыкьла-* – *арыкьлан-* «худеть, тошадь, истощаться», *бушуула-* – *бушуулан-* «горевать, унывать, тужить», *кьоркь-* – *кьоркьун-* «бояться, трусить, пугаться, страшиться кого-чего», *кьыз-* – *кьызын-* «прельщаться, соблазнять чем», *теп-* – *тебин-* «выходить из себя, злиться, сердиться», *тебире-* – *тебирен-* «начинаться», *жалчы-* – *жалчын-* «обеспечиваться, быть обеспеченным», *той-* – *тоюн-* «насыщаться».

Примеры: Анасы, *гузабалап*, кьозусуна кьайтады (Отарланы С.) «Мать, забеспокоившись, возвращается к своему ягненку»; – Атлыла, кётюрчюкден ётюн, талачыкьгьа чыкьдыла, атларына жюрююшню салып, гузабаландыла (Хубийланы О.) «Всадники перешли мостик, вышли на поляночку, ускорив алпор своих лошадей, заспешили».

Халкьла суйген тынчлыкь бегир дуняда («Жанкьылыч») «Мир, о котором мечтают все народы, укрепитя во всем мире»; – Уллу кюч алып, бизни полк суу боюнунда бегинеди (газ. «Заман») «Набравшись сил, наш полк укрепился на берегу реки».

Жашны эрттеден бери дертлей эдиле (ТСКБЯ) «На парня они давно таили злобу»; *Дертленип туруудан хайыр неди?* («Накьут мынчакь») «Что толку от того, что вы таите (на них) злобу?».

В других тюркских языках обычно употребляется одна из этих форм: татар. *арыкьлан-*, киргиз. *арыкьта-* «худеть,

тощатъ», узбек. *бекин-* «прятаться, укрываться», киргиз. *беки-* «крепнуть, укрепляться», азерб. *дэрдлен-* «скорбеть, горевать, кручиниться», татар. *сагышлан-* «кручиниться», киргиз. *жеңилде-* «стать легким, облегчиться» и др.

П р и м е р ы: Андан менин жүзүм жеңилдебейт- «От этого мой груз не станет легким» (КРС¹).

Мол ориқлаб колди «Скотина стала тощей» (УРС).

Берем деген бекибейт, бек байлаган чечилбейт «Кто хочет дать, тот не прячет, крепко связанное не развяжется» (КРС¹).

Офтобдан бекинмоқ «прятаться от солнца», *уйга бекинмоқ* «прятаться в комнате» (УРС).

В отличие от лексикализованных форм понудительного и страдательного залогов, которые обычно не выходят за пределы полисемии, некоторые лексикализованные формы возвратного залога не ограничиваются полисемией, а выходят за ее пределы и образуют лексико-грамматические омонимы [Батманов 1940: 5; Дмитриев 1948: 81; Баскаков 1952: 162; 1979: 172; 191-205; 1962, 1974: 40; Юнусалиев 1959: 66; Тенишев 1963: 27; Юлдашев 1972: 230-265; Кононов 1980: 79; Серебренников 1979: 149; Гузев 1985: 49-62 и др.]: *жалгъа-* 1. «связывать, стыковать, соединять, креплять (склеиванием, сшиванием, спаиванием, сращиванием и т.п.)», 2. *перен.* «связывать свои надежды с кем-чем», 3. *с.-х.* «прививать что», 4. *перен.* «женить или выдать замуж», 5. *грам.* «склонять»: *жалгъан-* I. (*глагол.*) 1. «соединяться, скрепляться, стыковаться», «быть соединенным, скрепленным, состыкованным», 2. *с.-х.* «прививаться, приниматься», 3. *грам.* «склоняться» – *жалгъан* II (*прилаг.*) 1. «ложный», «содержащий ложь, обман», 4. «притворный, неискренний» – *жалгъан* III (*нареч.*) 1. «искусственно», 2. «ложно, лживо» – *жалгъан* IV (*суц.*) «ложь, неправда, обман»; *жашыр-* ~ *яшыр-* 1. «скрывать, таить что», 2. «прятать, помещать в тайное место»: *жашырын* ~ *йасырын* ~ *яшерен* I (*глагол.*) «прятаться, скрываться» – *жашырын* ~ *йасырын* ~ *яшерен* II (*прилаг.*) 1. «тайный», 2. «скрытный», 3. «не разрешаемый законом, подпольный» – *жашырын* ~ *йасырын* ~ *яшерен* III (*нареч.*) «скрыто», «секретно», «тайно» – *жашырын* ~ *йасырын* ~ *яшерен* IV (*суц.*) 1. «тайна, секрет», 2. «то, что не познано, не разгадано».

Примеры: [Зурум Найыпханнга:] Къызны намысы мияла табакъ кибикди, сынса, жалгъанмаз, сатып да алам-мазса (Толгъурланы З.) «[Зурум Наипхан:] Честь девушки как фаянсовая тарелка, сломается – не скрепится, ее и не купить» (страд. залог); Жангы жалгъанган бутакъчыкыны тегерегине дагъанла сюедиле (Фортунатова Е.) «К только привившейся веточке подставили подпорки»; Атла болушлада тюрленедиле, эсе да жалгъанадыла (ТСКБЯ) «Имена существительные изменяются по падежам, т.е. склоняются»; Жалгъан сёз – поэзияны душманы, бетсиз, фамусуз сюедиле аны (Къулийланы Къ.) «Лживое слово – враг поэзии, его любят бесталаные».

2.2.4.5. Образование глаголов от форм взаимно-совместного залога

В исследуемых языках в ряде случаев залоговое и незалоговое значения глагольных образований выражаются одними и теми же звуковыми комплексами –лаш / -леш ~ -даш / -деш / -таш / -теш ~ -иш. Поскольку здесь речь идет о лексикализации залоговых форм глаголов, они (эти формы) должны быть отграничены от незалоговых форм.

Указанные звуковые комплексы присоединяются к именам и к глаголам. В первом случае глагольные формы не имеют залогового значения, хотя по форме они очень сходны с ними. Это отыменные глаголы, образованные с помощью аффикса –лаш / -леш: салам + лаш-, аман + даш- «здороваться с кем, приветствовать кого, обмениваться приветствиями с кем», оноу + лаш- «советоваться (друг с другом), согласовывать (между собой)», бет + леш- / -теш- «сталкиваться, встречаться лицом к лицу», жер + леш- «селиться, располагаться где-л., заселять, обживать что».

В некоторых грамматиках тюркских языков подобные формы неоправданно квалифицируются как формы взаимно-совместного залога: саламлаш- «здороваться с кем, приветствовать кого» (от салам «приветствие») [ГКБЯ 1966: 177]; тиллеш- «сговариваться, договариваться» (от тил «язык»)

[ГКБЯ 1976: 199]; *саламлас-* (с тем же значением) [ГНЯ 1973: 213]; *жардамдаш-* «оказывать взаимную помощь» (от *жардам* «помощь, содействие») [ГКЛЯ 1980: 351]. Во втором случае комплексы *лаш-* / *-леш* разъединяются на два самостоятельных аффикса: *-ла* / *-ле* – аффикс, образующий от имен переходные (а иногда и непереходные) глаголы; *-ш* – аффикс, образующий от этих глаголов форму взаимно-совместного залога: *кѡауум + ла + ш-* «группироваться», *кѡлтукъ + ла / та + ш-* «взять друг друга под руку», *ѣре + ле + ш-* «встать, подняться (собираясь уходить)», «растревожиться, не находя себе места», *тенг + ле / де + ш-* «равняться, сравниваться, соперничать с кем. Что касается звукового комплекса *-иш*, то он является двузначным аффиксом, образующим формы взаимно-совместного залога от глаголов и глаголы от имен, не имеющие залогового значения; ср.: *кел + -иш-* «договориться, достигнуть соглашения, подходить, быть подходящим, годиться кому, мириться с кем-чем, терпимо относиться к кому-чему» и *жер + -иш-* «размещаться, располагаться, осваивать место», *тий + -иш-* «собираться вместе» и *тенг + -леш / -деш-* «равняться, сравниваться с кем».

Как и в других залоговых формах глагола, в формах взаимно-совместного залога обнаруживаются две разновидности лексикализации: 1) лексикализованные залоговые формы, употребляемые как самостоятельные слова, 2) лексикализованные значения залоговых форм, не имеющие самостоятельного употребления и различаемые только в контексте.

Фактологический материал позволяет утверждать, что лексикализовавшись, ставших самостоятельными глаголами среди форм взаимно-совместного залога значительно меньше, чем в формах других косвенных залогов. Словари зарегистрировали всего около двух десятков таких единиц: *болуш-* (*булыш-*) «помогать» (от *бол-* (*бул-*) «быть, бывать, находиться, присутствовать, пребывать, иметься, состояться, происходить, случаться, хватать, быть достаточным; создаваться; получаться, образоваться»); *жабыш-* (*ябыш-*) 1. «приклеиваться», 2. «прилипать (о чем-л. мокром)», 3. *перен.* «прилипать, приставать (напр. о пиявке, клеще)», 4. *перен.* «окутывать, обволакивать, держаться за кого-что», 5. *перен.* «срастись (о костях при переломе)», 6. *перен.*

«хвататься, браться, держаться за кого-что», 7. *перен.* «вцепиться во что, хвататься за что», 8. *перен.* «приставать, прилипать (напр. о грязи)», 9. *перен. разг.* «приставать, привязываться, лнуть к кому», 10. *перен.* «впиваться взглядом в кого», 11. *перен.* «прильнуть к кому, чему», 12. *перен.* «прижиматься, прислоняться к кому, чему» (от *жап-* (*яп-*) «покрывать крышкой»); накрывать, покрывать что чем; складывать, сомкнуть что-л. развернутое, раскрытое; прекратить доступ куда-л.; прервать деятельность, работу чего; крыть карту; *перен.* «скрыть, утаить что от чего»); *жалгъаш-* (*ялгаш-*) «соединяться, скрепляться», 2. *перен.* «связываться, входить в какие-л. отношения с кем-л.», 3. *перен.* «клеиться, ладиться», 4. *перен.* «жениться или выходить замуж»; *грам.* «склонять»; *жанлаш-* 1. «приближаться к кому-чему», 2. «стать близким по времени» (от *жанла-* (с теми же значениями); *къайтыш-* «прийти в прежнее состояние» (от *къайт-* «возвращаться; сворачивать; заворачивать; принимать что»); *ойлаш-* (*уйлаш-*), *оюмлаш-* 1. «думать, обдумывать что, размышлять над чем», 2. «отниматься, неметь, коченеть» (от *къуру-* «сохнуть; отмирать, исчезать»); *жараш-* (*яраш-*) 1. «мириться с кем», 2. «ладить с кем», 3. «идти, быть к лицу, гармонизировать с чем», 4. «пристраиваться у чего-л.», 5. «приживаться, акклиматизироваться», 6. «разместиться, располагаться», 7. «устраиваться», 8. «начинать что», 9. «идти на пользу», «соответствовать требованиям чего», 10. «привыкать, осваиваться, свыкаться», 11. «переносить (напр. машину, самолет)», 12. «договариваться с кем-чем о чем, сговариваться с кем» (от *жара-* (*яра-*) «годиться, нравится, производить на кого хорошее впечатление»); *сюрюш-* «спотыкаться» (от *сюр-* «гнать, выгонять», «гнаться за кем»; «угонять кого-что»; «признать, принять кого-что за кого-что»); *юйюш-* (*уюш-*) «свертываться; застывать; запекаться» (от *ую-* «заквашиваться» (о молоке); свертываться (о крови))»).

Приме ры: *Сен къоншунга болушмасанг, къоншунг санга болушмаз (посл.)* «Если ты не поможешь соседу, сосед тоже тебе не поможет».

Алийни жибиген кёлеги этине жабышханды (Къулийланы Х.) «Промокшая рубашка Али прилипла к телу»; *Жютю бичакъ кесген жара терк жабышмаз (посл.)* «Рана, нанесенная

острым ножом, трудно (долго) затягивается»; *Къоналий сёзюн бошагъынчы, Аслан аны эки къолу бла да къамасына жабышып, тынгылап турду* (журн. «Шуёхлукъ») «Пока Конали говорил, Аслан, обеими руками держась за кинжал, слушал его»; *Ахмат Алиймырзаны боюнуна жабышды* (Ёзденланы А.) «Ахмат вцепился в горло Алимырзы».

Алар алиге жарашкан эмес экен (К. Мырзакулов) «Оказывается, они еще не помирились»; *Баккан ээси жарашса, кара кучук сак болот* (погов.) «У хорошего хозяина и черный (т.е. простой, непородистый) щенок будет сторожным».

Форм взаимно-совместного залога, употребляемых одновременно в залоговом и лексическом значениях, также насчитывается немного: *келиш-* (*килеш-*) 1. вз.-совм. от *кел-* (*кил-*) 2. «подходить, быть подходящим», 3. «договориться, достигнуть соглашения с кем», 4. «мириться с кем-чем, терпимо относиться к кому-чему»; *тигиш-* 1. вз.-совм. от *тик* – 2. «способ вышивки»; *жетиш-* 1. вз.-совм. от *жет-* (*жит-*) 2. «хватать, быть достаточным», 3. «справляться, суметь, оказаться в силах сделать, выполнять какую-либо работу»; 4. «добиваться, достигать чего»; *таныш-* (*таныс-*) 1. вз.-совм. от *таны-*, 2. «знакомиться с кем-чем»; *чалыш-* 1. вз.-совм. от *чал-* «переплетаться», 3. «сойтись с кем, пожениться»; *талаш-* 1. вз.-совм. от *тала-* 2. «грызться (о собаках)», 3. *перен.* «ссориться, ругаться друг с другом», 4. «стремиться, тянуться к чему, стараться (что-л. сделать)»; *уруш-* (*орыш-*) вз.-совм. от *ур-* (*ор-*), 2. «ругать, бранить кого-что», 3. «ссориться, скандалить», 4. «воевать»; *къабыш-* 1. вз.-совм. от *къап-*, 2. *карач.* «прекратиться, перестать», 3. *карач.* «умереть», 4. «окоченеть»; *тюйюш-* 1. вз.-совм. от *тюй-* 2. «драться»; *аууш-* 1. вз.-совм. от *ау-*, 2. «ходить в разведку», 3. «колебаться, быть нерешительным, неустойчивым во мнениях»; *алыш-* 1. вз.-совм. от *ал-*, 2. «обмениваться», 3. «сменять, заменять другим», 4. «променять на кого-что», 5. «чередоваться»; *даулаш-* 1. вз.-совм. от *даула-*, 2. «спорить (друг с другом)»; *кириш-* (*кереш-*) 1. вз.-совм. от *кир-* (*кер-*) 2. «приступить»; *соруш-* (*сораиш-*) 1. вз.-совм. от *сор-* (*сора-*), 2. «остыть, охладиться», 3. *перен.* «успокоиться, утихнуть»; *къармаиш-* 1. вз.-совм. от *къарма-*, 2. «братся, приниматься живо за что»; *жыгышыш-* 1. вз.-совм. от *жыкъ-*, 2. «бороться (*спорт.*)»; *тутуш-*

1. вз.-совм. от *тут-*, 2. «бороться (*спорт.*)»; *жыйыш-* 1. вз.-совм. от *жый-*, 2. «собираться»; *согъуш-* 1. вз.-совм. от *сокъ-*, 2. «драться, сражаться», 3. «ругаться, браниться»; *сермеш-* 1. вз.-совм. от *серме-*, 2. «биться, драться» и др.

П р и м е р ы: *Къоншула сюдде бир бирден кеп зат даулашдыла* «Соседи на суде предъявили друг другу много претензий»; *Биз былайда кычырып даулашхандан хайыр жокъду (Хапчаланы М.)* «Что толку от того, что мы здесь громко спорим».

Ала къоллары бла бир бири инбашларына тийишедиле «Они друг друга трогают по плечу»; *Кюн бата, чалгычы жыйын къошха тийишди (Шахмырзаланы С.)* «К заходу солнца косари собрались в коше».

Жашчыкъла бир бири къолларындан тутушуп, жыйылгъанланы алларына келдиле (Бабаланы С.) «Мальчики, держась за руки, подошли к собравшимся»; *Аны бла тутушургъа хазна адам базынмай эди (Тетпеланы А.)* «Мало кто осмеливался бороться с ним».

Бир бирден хапар сорушдукъ «Спросили друг друга про новости»; *Жашны аурууу бираз сорушханды* «У парня болезнь немного утихла».

Особенностью аффикса взаимно-совместного залога, отличающей его от других косвенных залогов, является то, что он во многих случаях образует одновременно с новыми глаголами имена существительные, способствуя тем самым росту лексико-грамматической омонимии в языке: *сермеш-* I. «биться, сражаться, воевать» – *сермеш* II. «драка, схватка, битва, бой»; *таныш-* (*таныс-*, *тааныш-*) I. «знакомиться с кем-чем» – *таныш* (*таныс*, *тааныш*) II. «знакомый»; *туйюш-* I. «драться, биться» – *туйюш* II «драка, дебош, бой»; *кириш-* (*кереш-*) I «приступить» – *кириш* (*кереш*) II «ободок, край» – *кириш* (*кереш*) III «введение» (*грам.*); *жерлеш-* I «селиться, располагаться (*где-л.*)» – *жерлеш* II «земляк»; *даулаш-* I «спорить (друг с другом)» – *даулаш* II «спор. ссора»; *тутуш-* I «бороться, вести борьбу (*спорт.*)» – *тутуш* II «борьба (*спорт.*)»; *аууш-* I «ходить в развалку» – *аууш* II «перевал»; *уруш-* (*сугыш-*, *согуш-*) I 1. «ругать, бранить кого-что», 2. «ссориться, скандалить», 3. «воевать» – *уруш* (*сугыш*, *согуш*) II

«война»; *жыгъыш* (*күрөш-, көрэш-*) I «бороться (*спорт.*)» – *жыгъыш* (*күрөш, көрэш*) II «борьба (*спорт.*)»; *жууаш-* (*жоош-, юаш-*) I «делаться более смирным» – *жууаш* (*жоош, юаш*) II «смирный, спокойный, полсушный»; *болуш-* I «помогать» – *болуш* II «обстановка» – *болуш* III (*этно.*) «хозяин дома, в котором находится жених в первые дни свадьбы».

Примеры: *Къарыусузлагъа болушханыгъызыны иги этесиз* (*Шауаланы М.*) «Хорошо делаете, что помогаете слабым»; *Махмут Налжанны ишни болушу бла шагъырей этди* (*Залийханланы Ж.*) «Махмут ознакомил Налжан с обстановкой»; *Османны болушларында жыр тауушла чыгъа башладыла* (*Семенланы А.*) «В доме, где Осман находился в первые дни своей свадьбы, послышалась песня».

Казақ артисттери менен таныштык «Мы познакомились с казахскими артистами»; *Тамыр – таныштардан кур эмесмин* «Я не лишен друзей-приятелей» (КРС¹).

Жашыны эки жанына аууша баргъанын кёрюп, Дауутну ичи от болду (*Гулаланы Б.*) «Увидев своего сына, идущего покачиваясь, Даут сильно приуныл»; *Тау элге жау чапса, төгерекеден ауушла бла келип, бир бирге болушуп тургъандыла* (*Гадийданы И.*) «Когда на горные селения напал враг, люди шли через перевалы и помогали друг другу».

Форма взаимно-совместного залога в приведенных примерах переходит в имена через посредство глаголов, образованных от залоговых форм. Она может переходить в имена и без посредства этих глаголов: *атлаш* «движение шагом, пеший ход» (от *атлаш-* «совместно шагать»); *атыш-* «стрельба» (от *атыш-* «сообществовать в стрельбе»); *жюрюш-* 1. «ход, движение, перемещение в каком-л. направлении», 2. «темп, быстрота протекания чего» (от *жюрюш-* «совместно ходить»); *туруш* I «положение; жизнь» (от *туруш-* «вместе стоять»); *буруш* I «кривой, скрученный», 2. *перен.* «капризный, упрямый» (от *буруш-* 1. «совместно крутить»), *тигиш-* «способ вышивки» (от *тигиш-* «совместно шить, соревноваться в шитье»); *табыш* (*топиш*) «доход, заработок» (от *табыш-* (*топиш-*) «совместно найти»); *къонуш* (*конуш*) I «насед, гнездо», 2. «стан, стоянка, расположение», 3. «пристанище, приют, ночлег» (от *къонуш-* (*конуш-*) «сесть (о многих)») и др.

Примеры: Униң *топиш* – *тутиши* зур (УРС) «У него солидный заработок (он здорово зарабатывает)».

Къзауатдан сора жыллада областьны экономикасы женгил жүрюш бла ёсгенди (газ. «Ленинни байрагы») «В послевоенные годы экономика области росла быстрыми темпами».

Мурун баргъан конуш алат, кийин барган өруш алат (пов.) «Кто раньше явится, тот на ровном месте расположится, кто позже явится, тот на склоне расположится».

Эчки, Чыптыкны сёзюн эшитмей, башын ёрге тутуп атлашына къошду (Зокаланы 3.) «Коза не услышала Чыппыка, выше подняла голову и ускорила шаг».

2.2.5. Разработка лексикализации грамматических форм глагола в общих словарях тюркских языков

Уровень словарной разработки лексикализации грамматических форм слов зависит от уровня их изученности. Однако в отношении определения границ словообразования и словоизменения в тюркских языках «до настоящего времени ни в общетеоретических исследованиях, ни в разработках конкретных грамматик нет еще общих устоявшихся положений» [Баскаков 1986: 3]. Современные теоретические исследования и описательные научные грамматики по тюркским языкам нередко смешивают категории словообразования и словоизменения. И это главным образом касается глаголов. Так, одни исследователи одни имена действия считают отглагольными именами, т.е. именами существительными, образованными от глаголов [Хабичев 1989: 164-165], другие глагольные формы на *-гъан / -ген* – именами действия, а формы на *-ыучу / -иучю*, *-лыкъ / -лик* и др. – именами прилагательными [Дмитриев 1948: 189], третьи формы на *-гъан / -ген*, *-ыр / -ир*, *-лыкъ / -лик* – причастиями, а формы на *-ыучу / -иучю* – именами существительными [Алиев 1958; Бозиев 1966: 189; Урусбиев 1976: 218].

Общеизвестно, что в лексические словари, основными из которых в тюркских языках являются русско-тюркские и толковые, из грамматических форм слов должны включаться

только те, которые уже лексикализировались и наравне с другими лексическими единицами свободно употребляются в языке именно в этом, лексикализованном, значении. Однако вошло в традицию, идущую от Радлова, регистрировать в словарях и нелексикализованные, чисто неличные грамматические формы глагола: имена действия от всех залоговых форм глагола и все формы залога.

Некоторые словари пошли еще дальше, регистрируя формы имени действия на *-макълыкъ / -меклик*: *айыпламакълыкъ, кюлмеклик, келмеклик, бузмакълыкъ* и др., квалифицируя подобные формы отвлеченными именами существительными [КБРС, 1989].

Лексикализация отдельных форм имени действия, количество которых, по нашим данным, не превышает 100 единиц (всего же глаголов в тюркских языках – свыше 4000), конечно, не дает основания для этого. При этом словари тюркских языков регистрируют на правах отдельных слов не только форму имени действия основного залога, но и всех залогов. Все это создает ложное представление о лексическом составе языка.

КБРС отличился еще регистрацией многих отрицательных форм имени действия: на *-у (-уу / -уу, -уу / -юу)* *келешмеу* «неприемлимость, неуживчивость», *кёлленмеу* «нерешительность», *билмеу* 1. незнание, неведение; 2. неумение (что-л. делать)», *тёлемеу* «неплатеж, неуплата» *онгсунмау* «недовольство, неудовольствие», *ийнанмау* «недоверие, неверие», *тынгыламау* «ослушание, непослушание, неповиновение», *къатышмау* «неучастие в чем, невмешательство» и т. п.

Приведенные примеры показывают, что авторы словаря при регистрации указанных форм имени действия руководствовались переводимостью их на русский язык самостоятельными словами. Формы, не переводимые на русский язык таким образом, например, типа *алмау, бермеу, бармау, келмеу, кетмеу, ишлемеу* и т. п., не вошли в словник этого словаря.

Данная форма имени действия, как и форма на *-у (-уу / -уу, -уу / -юу)*, не является сама по себе словарной формой. К тому же, в отличие от последней, у которой лексикализировано 100 единиц, здесь, напр. в карачаево-балкарском языке, лексикализованы из всех форм на *-макълыкъ / -меклик* лишь четыре: *кечмеклик* (ка-

рач.) «прощение, извинение, снисхождение», *суймеклик* «любовь», *кечинмеклик* (*карач.*) «средства» к существованию», *ишленмеклик* (*карач.*) «воспитанность».

При этом абсолютное большинство образований с этим аффиксом искусственно, не употребительно не только в письменной, но и в устно-обиходной речи балкарцев и карачаевцев. Бесспорно, что омоформы, омографы и омофоны лексические словари не должны регистрировать, так как они не относятся к лексическим омонимам. Тем не менее КБРС и ТСКБЯ омоформы, один из членов которых является именем действия, дали как лексические омонимы: *айтыу* I 1) предание, сказание, легенда; 2) слухи, молва; 3) пословица, поговорка; 4) *грам.уст.* Предложение – *айтыу* и. д. к *айт-* «говорить», *къанау* I и. д. к *къана-* «кровоточить» – *къанау* II *карач.* «женокподобный мужчина», *окьюу* I и. д. к *окью-* «учиться» – *окьюу* «учеба» и т.п.

Однако достоинством указанных словарей является полное выявление лексикализованных форм имени действия на -у (-ьу / -иу, -уу / -юу) и регистрация их в своих словниках: *айтыу* «поговорка», *окьюу* «учеба», *сюрюу* «стадо», *билеу* «точило», *бериу* «передача», *билдириу* «сообщение», *кечиу* «прощение», *тонау* «грабеж», *жашау* «жизнь», *тёлеу* «платеж» и др.

В словник ТСКБЯ включены только, лексикализовавшись, перешедшие в существительные (редко и прилагательные) причастия типа *жазыучу* «писатель», *окьюучу* «ученик», *жсарагъан* «хороший, настоящий, подходящий, полноценный», *къылгъан* «ковыль», *къамамагъан* «бессовестный», *уялмагъан* «бестыжий», *къайнар* «кипяченый», *онгмазлыкъ* «непутевый, злополучный» и др. Количество их не превышает 70. Среди них более или менее распространена форма настоящего времени, часть которой – термины: *агъартыучу* (*балк.*) «отбеливатель» (*хим.*), *алыучу* «покупатель» (*экон.*), *кемленучу* «уменьшаемое» (*мат.*), *керелеучю* «множитель» (*мат.*), *толтуруучу* «дополнение» (*грам.*) и др.

В отборе и разработке причастий в КБРС нарушен тот порядок, который был принят в нем для разработки имен действия. Так, в именах действия приводились как лексикализовавшиеся, так и не лексикализовавшиеся значения, здесь же приводятся только первые, что, на наш взгляд, следует считать правильным.

В словник этого словаря включены все причастия, переводимые на русский язык самостоятельными словами. Иначе говоря, основным принципом отбора причастий в него явилась не лексикализация их, а переводимость на русский язык прилагательным или существительным.

Причастий настоящего времени словарь зарегистрировал в большем количестве, чем причастий прошедшего и будущего времени. Только на букву Б зарегистрировано 29 единиц: *багыучу* «врач; лекарь» (*жарагъа багыучу* «лечащий (рану)»), *башлаучу* «зачинщик; зачинатель, застрельщик; инициатор» (*туйюш башлаучу* «зачинщик драки»), *бузлатыучу* «холодильник», *белгилеучю* «определительный» (*белгилеучю алмашла* «определительные местоимения»), *бериучю* «дательный» (*бериучю болуш* «родительный падеж»), *бетлеучю* «личный» (*бетлеучю алмашла* «личные местоимения»), *бюклеучю* «фальцовщик» (*полигр.*), *бетсиниучю* «угодник, лицемер» (*бетсиниучю адам* «лицемерный человек»), *билдириучю* «осведомитель» (*билдириучю болуш* «родительный падеж») и др.

Из всех этих причастий лексикализовавшимися и перешедшими в существительные можно считать только два: *бузлатыучу* и *бюклеучю*.

Бериучю, *бетлеучю*, *билдириучю* и т.п. формы нельзя считать причастиями. Они вместе с последующими словами *болуш*, *алмаш* (*бериучю болуш* «дательный падеж», *белгилеучю алмаш* «относительное местоимение» и др.) составляют сложные грамматические термины. Эти единицы в данном словаре лексикографированы неправильно: *бериучю*: ~ *болуш* (*грам.*) «дательный падеж». Так должны оформляться только те слова и их формы, которые не имеют самостоятельного употребления: например, *геуюрге*: *геуюрге кюн* «вторнику», *хычауман*: *хычауман ай* «весенний месяц (апрель)» и др.

Судя по этим примерам, в словарь в качестве самостоятельных слов включены причастия, переводимые на русский язык лексемами.

В отличие от причастий настоящего времени, в словник словаря у причастий прошедшего времени включены не только положительные, но и отрицательные формы. И здесь принципом их регистрации была возможность передачи их на русский язык са-

мостоятельными словами: *жайылган* «распространенный» (*жайылган айтым* «распространенное предложение»), *жайылмаган* «нераспространенный» (*жайылмаган айтым* «нераспространенное предложение»), *жараган* «благоприятный, годный, полезный; способствующий чему» (*жараган дарман* «полезное лекарство»), *жарамаган* «негодный, плохой» (*ашаргъа жарамаган* «непригодный к употреблению в пищу» и др.

Хотя нелексикализованных причастий прошедшего времени, как и настоящего, достаточно много в этом словаре, некоторые же лексикализованные из них остались за пределами его словника, например: *жонулган* «граненый» (*жонулган стакан* «граненый стакан»), *жайылган-жыйылган* «сборно-разборный» (*жайылган-жыйылган стол* «сборно-разборный стол») и др.

Здесь, как и в именах действия, в тех случаях, когда причастие лексикализовано, показывается и его нелексикализованное значение: *жашаган* 1) прич. от *жашаргъа*; 2) «пожилой, немолодой»; *жетген* 1) прич. от *жетерге*; 2) зрелый, спелый; 3) *перен.* «зрелый, возмужалый»; 4) «встречный» и др.

Ошибка, допущенная при разработке причастий настоящего времени, повторилась и при разработке причастий прошедшего времени. Например, в грамматических терминах *жайылган айтым*, *жайылмаган айтым* причастия оторваны от состава термина.

Собранный и проанализированный материал показывает, что в карачаево-балкарском языке почти все сложные причастия лексикализовались и перешли в существительные и прилагательные. Среди них причастий будущего времени заметно больше, чем настоящего и прошедшего. Сравнение словника ТСКБЯ и КБРС показывает, что большинство таких слов не вошло во второй словарь, например, такие: *жанёлмез* «бессмертный», *экиатар* «двузарядное ружьё», *борчбермез* «не любящий одалживать», *кълсуймез* «крестец», *кьойбермез* (название детской игры), *бешатар* «пятизарядный пистолет», *кьушжетер* «быстрый (о коне)» и др.

В обоих словарях зарегистрированы такие сложные причастия будущего времени, перешедшие в существительные, как *жукьбилмез* «невежда», *тапсаашар* «дармоед», *тёбедеоинар* «ягненок (двух-трехмесячный)», «мерлушка», *жукьтиймез* «не-

дотрога», *кьошхасалмаз* «бересклет бородавчатый», *кьойгъаайланмаз* «старый баран-производитель», *баугъакирмез* «семигодовалая овца» и др. Зато в КБРС довольно много нелексистализованных причастий будущего времени, зарегистрированных как существительные и прилагательные. Например, на букву **Къ** приведены следующие: *къапларыкъ* «одежда», *къабыллыкъ* «тот, который должен пропасть», *къалмазлыкъ* «кому суждено умирать», *къанмазлыкъ* «неутолимый», *къараллыкъ* «требующий рассмотрения (*напр.* вопрос)» и др.

Из деепричастий в наречия в исследуемых языках перешли немногие, притом в основном формы на *-п* и *-май / -мей*. Остальные формы (*-гъанлы / -генли, -гъынчы / -гинчи*) переходят редко. В словарях карачаево-балкарского языка этот процесс отражен в целом правильно, особенно в ТСКБЯ. Однако КБРС в этом вопросе, как и в вопросе оценки лексикализации имен действия и наречий, явно перестарался, так как составители его опять-таки ориентировались на переводимость карачаево-балкарских деепричастий на русский язык: формы, переводимые наречиями, квалифицировали таковыми и в родном языке. В результате реестровыми единицами оказались многие нелексистализованные деепричастные формы типа *айландырып* «еще раз, вторично», *айырттып* «ясно, внятно, вразумительно, толком», *айырылып* «врозь», «обособленно, именно», *алдамай* «искренне, не кривя душой», *ангылатып* «толком, внятно» и др. Все эти формы оказались наречиями только судя по переводу на русский язык, в то же время настоящие наречия, образованные от деепричастий, типа *аямай* «очень сильно, здорово, беспрестанно, неустанно», *айланмай* «точь-в-точь», *айлап* «месяцами», *ойлап* «обдуманно», *билип* «заведомо», *аякълашып-башлашып* «валетом (лежать)», *тюрслеп* «внимательно», *ичгисинип* «по секрету, под секретом» и мн. другие не включены в словарь.

Лексикализация неличных форм глагола, как и личных, имеет много разногласий в общих словарях тюркских языков. Более или менее правильно и одинаково разработана в них лексикализация взаимно-совместного залога, в результате которой образуются имя существительное или прилагательное: *кууш* - I *взаимн.* от *куу* - *кууш* II «тесный, узкий» (КРС¹), *чыгъыш* - I *взаимн.* от *чыкъ* - II - *чыгъыш* II «тропинка, проход» (ТСКБЯ).

Как видно, в этих примерах взаимный залог лексикализовавшись, перешел в имя существительное. Этот залог может перейти в словарную форму и, оставаясь внутри глагола. Это демонстрируется в словарях по-разному: *алыш* I *взаимн.* от *ал-* – *алыш* II «обмениваться, меняться друг с другом» (ТСКБЯ), *келиш*- I. *вз.-совм.* от *кел-*; 2. приходиться к соглашению; 3. быть к лицу; соответствовать (КРС), *талашмоқ* I. *взаимн. и совм.* от *таламоқ-*; 3. «ссориться, браниться» (УРС).

Следовательно, переход взаимного залога в другую часть речи, т.е. именную, в словарях фиксируется как омонимия, а переход его в лексическую форму глагола в одних словарях отмечается как омонимия, а в других – как разные значения. Это означает, что составители общих словарей тюркских языков, как правило, не признают внутриглагольное образование глаголов путем лексикализации взаимно-совместного залога. Исключение составляют лишь некоторые из них, например, составители ТСКБЯ: *келиш*- I *вз.-совм.* от *кел-* – *келиш* II 1. «договориться», 2. «согласовать что с кем»; 3. «соответствовать чему»; 5. «согласиться»; *соруш*- I *вз.-совм.* от *сор-* – *соруш*- II «советоваться»; *талаш*- I *вз.-совм.* от *тала-*² – *талаш*- II 1. грызться (напр. о собаках), 2. ссориться, ругаться и т.п.

Залоговое и незалоговое значения других залоговых форм тоже лексикографируются по-разному. В одних словарях лексикализованное значение не выделяется, т.е. залоговое и незалоговое значения приводятся как общее залоговое: *жарыл*- I – *возвр.-страд.* от *жар-* «расколотся, треснуть; лопнуть, взорваться», *билдир* – *понуд.* от *бил-* II «дать знать, сообщить»; *илин*- – *возвр.* от *ил-* «зацепиться» (КРС¹), *ёримоқ* *страд.* к *ёрмоқ*- 1. расклевываться; 2. трескаться; 3. подвергаться вскрытию; 4. разрываться; *ачитмоқ* *понуд.* от *ачитмоқ* I. квасить, ставить (тесто); 2. допускать, чтобы (что-л.) прокисло; 3. щипать, жечь, вызывать чувство жжения (о холоде, лекарстве, перце и т.п.); *илишмоқ* *возвр. и страд.* от *илишмоқ* I 1. зацепляться, прицепляться, вешаться; быть зацепленным, повешенным; 2. попадаться (под руку); 3. *прям. и перен.* попадаться (в западню, на удочку и т.п.) (УРС).

В других словарях указанные значения разграничиваются: *айтдыр* – *понуд.* от *айт-*; 2. сообщать, передавать что, *табыл* – *страдат.-возвр.* от *тап-* IV; 2. приходиться; 3. быть, иметься; са-

лын- 1. *страдат.* от *сал-* 1.; 2. повисать, свисать (ТСКБЯ, КБРС), *болдур-* 1. *понуд.* от *бол-*; 2. заработать, добиться (КРПС).

Есть и такие словари, в которых залоговое и незалоговое значения одних залоговых форм разграничиваются, а других не разграничиваются. Например, в КРПС указанные значения понудительного залога разграничиваются, а страдательного и возвратного залогов не разграничиваются; ср. *толтур-* 1. *понуд.* от *тол-*; 2. удовлетворять и *тагьыл – возвр.-страд.* от *такь-* 1. быть повешенным, висеть, повисать; 2. «цепляться, прицепляться, привязываться»; *айтыл-* 1. *страд.* от *айт-*; 2. «иметь содержание (о речи)» (КРПС).

Поскольку, во-первых, в лексические словари нелексикализованные грамматические формы слов и словосочетаний не должны включаться, во-вторых, настоящими омонимами считаются лексико-семантические (*карач.-балк. эшик* I «дверь» – *эшик* II «ворота, улица») и семантико-синтаксические (киргиз. *жакшы* I «хороший» – *жакшы* II «хорошо», караим. *кош-* I «сцеплять, соединять» – *кош* II «пара»), то включение в словари омоформ типа приведенных выше (*карач.-балк. алыш-* I *взаимн.* от *ал-* – *алыш-* II «обмениваться, меняться друг у друга», *киргиз. кууш-* I *взаим.* от *куу-* – *кууш* II «тесный, узкий») неправомерно.

Неправомерной следует считать и регистрацию залоговых значений глаголов, которая не имеет ограничений в анализируемых словарях.

Значительную трудность для лексикографов представляет определение производности при лексикализации залоговых форм глагола. Немало случаев, когда в словарях словарную статью начинает не производящая, залоговая, а производная, лексикализованная форма. Например: *керилмоқ-* 1. потягиваться, расправлять онемевшие члены; 2. расправляться, растегиваться; быть расправленным, растянутым; 3. раздвигаться, быть раздвигаемым; растопыриваться; быть растопыренным» (УРС).

В словарях некоторых тюркских языков залоговые формы глагола вообще не отмечаются, приводятся как основные лексические формы: *алдадылмаг* 1. быть обманутым; 2. быть соблазненным; *данланмаг* «подвергаться упрекам, быть упрекаемым, укоряться»; *танытдырмаг* 1. знакомить, познакомить; 2. дать знать, высказать, проявить (АРС).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. На развитие многозначности слова влияют как внеязыковые, так и языковые причины. Одним из внеязыковых причин является принцип экономии, суть которого в следующем: обозначение каждого нового понятия словом приводит к непомерному увеличению словарного состава языка, поэтому мы вынуждены использовать одно и то же слово для обозначения разных предметов, связанных в нашем сознании. Другая причина определяется способностью человека обобщать в слове явления окружающего нас мира, которая отражается в языке, в том числе и в многозначности.

Языковыми причинами образования многозначности слова являются, например, русско-национальное двуязычие, взаимодействие литературного языка с диалектами, а также вариантов языка между собой.

Основными доказательными факторами распада полисемантического слова на омонимы являются: 1) смысловое расхождение между исходным и конвертированным словами (ср. *башха* (*башка* ~ *бошқа*) «иной, другой» и *башха* (*башка* ~ *бошқа*) «отдельно, раздельно»), 2) лексикализация отдельных форм исходного и конвертированного слова (ср. *узакъ* (*ырак* ~ *ерак*) «далекий» > *узакъда* (*ыракта* ~ *еракта*) «вдали, далеко», *узакъдан* (*ырактан* ~ *ерактан*) «издали, издалека» → *узакъ* (*ырак* ~ *ерак*) «далеко»), 3) последующая конверсия конвертированного слова (ср. *багъа* (*кымбат* ~ *кыйммэт*) «дорогой» → *багъа* (*кымбат* ~ *кыйммэт*) «дорого» > *багъа* (*кыйммэт*) «цена; оценка, отметка»), 4) наличие моделей, предназначенных для перехода определенных разрядов слов в другую часть речи (ср. -ш: *даулаш* «спор, ссора» от *даулаш-* «спорить друг с другом»), *согуш* «война» от *согуш-* «воевать» и т.п.; -лыкъ: *айлыкъ* «зарплата» от *айлыкъ* «месячный», *кюнлюк* «зонтик» от *кюнлюк* «дневной» и т.п.).

Производное значение слова со временем может потерять свои связи с исходным значением, в результате чего может обособляться от него и приобрести такую же самостоятельность, какую имеет исходное значение. В результате появляются генетически родственные лексические омонимы типа карачаево-186

балкарских *кьол* «рука» – *кьол* «балка, ложбина», *сюр-* «гнать, гонять» – *сюр-* «пахать», *кьурулай* «всухомятку» – *кьурулай* «бесплатно», *кьуру* «пустой» – *кьуру* «сухой».

Расхождение значений слова обычно осуществляется постепенно, что предполагает промежуточные явления между многозначностью и омонимией. Следовательно, омонимия данного типа – понятие синхроническое: слово является омонимом именно с точки зрения данного состояния языка.

При выделении омонимов, образованных от значений слова, важен учет не только разрыва семантической связи между этими значениями и их сочетательных различий, но и соотношения слова в своем производном значении с другими словами и то, что стилистическая ограниченность, модальная окрашенность, экспрессия не препятствуют производной лексеме быть омонимом слова, от которого она образована, важно только то, что производное значение слова в других отношениях удовлетворяет требованиям, предъявляемым к нему как омониму.

Для решения проблемы разграничения полисемии и омонимии прежде всего надо уточнить: 1) какие бывают производные значения, 2) что влияет на стирание связи между исходным и производным значениями слова, 3) что такое зависимое и независимое употребление слова, 4) каковы соотношения между употребительностью значения слова и его производностью и непроизводностью.

Критерии разграничения полисемии и омонимии, выдвигаемые многими лексикологами (семантический, синонимический, этимологический, антонимический, тематический, учет различия в словообразовательной структуре омонимов, чутье языка и др.), приемлемы лишь для отдельных случаев или субъективны. Приемлемыми для всех случаев разграничения полисемии и омонимии можно считать лишь следующие критерии: 1) обособленность производного значения слова от всех других его значений, 2) способность этого значения употребляться как самостоятельное слово, 3) осмысленность этих фактов большинством носителей языка.

2. Собранный и проанализированный нами фактический материал показывает, что залоговые и неличные формы глаго-

ла, за исключение инфинитива, в тюркских языках в той или иной степени подвергаются лексикализации. Основной причиной этого является изменение их семантики, благодаря чему они утрачивают свои глагольные признаки.

Лексикализуясь, имена действия переходят в имена существительные, причастия – в имена существительные и прилагательные, а деепричастия – в наречия и послелогии. Деепричастия лексикализируются значительно реже, чем имена действия и причастия. Это объясняется тем, что деепричастия более полно отражают глагольную природу, чем другие неличные формы глагола.

Вопреки мнению некоторых тюркологов, имена действия на *-ыу / -иу, -уу / -юу, -у* нельзя отождествлять с отглагольными именами существительными, а причастия – отглагольными именами прилагательными. Дело в том, что из имен действия лишь незначительная часть (около 2-3 процентов) перешла в имена существительные (1), а отглагольные имена прилагательные образуются от глагольных основ с помощью словообразовательных аффиксов (*эринчек* «ленивый» от *эрин-* «лениться», *чирик* «гнилой» от *чир-* «сгнить»), тогда как имена прилагательные и существительные от причастий образуются без использования таких аффиксов, семантико-морфологическим способом, т.е. путем переосмысления (*жетген* «зрелый» от *жетген* «созревший», *жазыучу* «писатель» от *жазыучу* «пишущий»).

Неправомерна также квалификация глагольных форм на *-макълыкъ / -меклик* именами существительными, они являются именами действия. Ср. формы на *-ыу / -иу, -уу / -юу, -у* и *-макълыкъ / -меклик*: *айлану* и *айланмакълыкъ* «ходьба; езда; путешествие», *келу* и *келмеклик* «приход, приезд», *кююу* и *кюймеклик* «горение».

Степень лексикализации неличных форм глагола неодинакова. Одни из них, лексикализовавшись, полностью теряют связи со своими производящими основами и употребляются только в новом значении. Таких форм немного. Это в основном формы, основы которых в современном языке самостоятельно не употребляются: *къарыу* «сила, мощь» от *къары-* «хватать», *къадау* «накладка для замка» от *къада-* «прикалывать», *жууурган* (*жууркан* ~ *ювурган* ~ *йувурган*) «стеганое одеяло», *балдырган* (*балтырган*) «анис», *тюрслеп* «пристально», *къажымай* «неутомимо, не-

устанно, настойчиво, упорно». Другие же (абсолютное большинство) употребляются в новом и старом, т.е. грамматическом и лексическом, значениях: *билеу* (*билэв ~ булӧӧ*) «точка чего» и «оселок, брусок, точило»; *окьюу* (*охув~ уку*) «учение» и «учеба»; *ашарыкь* «тот, кто будет есть» и «еда, пища»; *айтылгъан* «сказанный» и «прославленный»; *билмей* «не зная» и «случайно, невзначай»; *тузгъанлы* «с момента рождения» и «сроду, отроду»; *ойнап* «поиграв» и «в шутку» и т.п. Имена действия на *-макълыкь / -меклик*, как правило, не лексикализуются (исключение составляет словоформа *сюймеклик* (*сүверлик*) «процесс любви» и «любовь»).

Залоговые аффиксы имеют залогообразующее и словообразующее значения, и это выявляется в большинстве случаев в контексте.

В тюркских языках лексикализованы около одной трети залоговых форм глагола. Большая часть из них – формы понудительного залога. При этом лексикализованные формы нередко дублируют значение своих исходных основ: *кеч-* – *кечир-* «прощать», *чач-* – *чачдыр-* «брызгать», *букь-* – *бугьун* «прятаться, скрываться», *баз-* – *базын-* «надеяться, полагаться *на кого, что*», *ойла-* (*ойло- ~ уйла-*) – *ойлаш* (*ойлош- ~ уйлаш-*) «думать, размышлять», *къайт-* – *къайтыш-* «принимать *что*».

Залоговые формы, в целом совпадая по значению с исходной основой, могут отличаться от нее стилистически и оттенкаим значений: *букь-* (*лит.*) – *бугьун-* (*разг.*), *той-* (*лит.*) – *тоюн-* (*прост.*) «насыщаться»; *къоркъ-* «бояться, трусить, пугаться» – *къоркъун-* «слегка бояться, трусить, пугаться».

При лексикализации понудительной формы одни аффиксы ее не изменяют ее значения (*агъарт-* «белить» от *агъар-* «белеть»; *битдир-* «завершать, заканчивать» от *бит-* «завершаться, заканчиваться»), другие изменяют частично (*ангылат-* «объяснить» от *ангыла-* «понимать»; *кёргюзт-* «показать» от *кёр-* «видеть»), а третьи изменяют в корне (*жарсыт-* «огорчать» от *жарсы-* «заботиться, беспокоиться *о ком, о чем*»; *бардыр-* «проводить, выполнять, вести» от *бар-* «идти, ехать»).

Формы страдательного залога лексикализуются редко. При этом лексикализованных однозначных форм, особенно на *-л*, очень мало, в большинстве случаев лексикализуется только одно из значений многозначных форм.

Часто аффикс данного залога дублируется, что препятствует его лексикализации: *асыл-* «вешаться», но *асылын-* «быть повешенным»; *айтыл-* «славиться», но *айтылын-* «быть сказанным». Наложение же аффикса понудительного залога довольно часто значение страдательной формы возвращает к значению исходной формы, лишь изменив ее стилистическую окраску; ср.: *кём-* (лит.) и *кёмюлт-* «топить кого-что в воде»; *кепле-* (лит.) и *кеплендир-* (разг.) «натянуть, напаять что».

Значения большинства лексикализованных форм возвратного залога совпадают со значениями их исходной формы: *оюмла-* – *оюмлан-* «думать, размышлять»; *беги-* – *бегин-* «укрепляться, изнежиться» и др.

Формы взаимно-совместного залога лексикализируются значительно реже форм других косвенных залогов. Особенностью данного залога, отличающей его от других косвенных залогов, является то, что он во многих случаях не ограничивается образованием новых глаголов, последние могут переходить еще в существительные, способствуя тем самым росту лексикограмматической омонимии в языке: *даулаш* I «спорить, ссориться» – *даулаш* II «спор, ссора»; *сермеш-* I «биться, сражаться» – *сермеш* II «битва, сражение» и др.

В ряде случаев залоговое и незалоговое значения глагольных образований выражаются одними и теми же звуковыми комплексами *-лан* и *-лаш/-леш*. В некоторых грамматиках тюркских языков такие формы не разграничиваются, квалифицируются как залоговые. Чтобы разграничить отыменные глаголы и залоговые формы, образуемые этими звуковыми комплексами, надо учитывать следующее обстоятельство: *-лан* и *-лаш / -леш*, присоединяясь к именам, образуют отыменные глаголы, а присоединяясь к глаголам, – залоговые формы; ср.: *батырлан-* «храбриться» от *батыр* «храбрый» и *хазырлан-* «готовиться» от *хазырла-* «готовить»; *саламлаш-* «здороваться с кем, приветствовать кого» от *салам-* «приветствие» и *кьучакълаш-* «обниматься» от *кьучакъла-* «обнимать».

Определенное количество наречий в тюркских языках образуется при лексикализации деепричастий и форм пространственных падежей имен. Особое место при лексикализации грамматических форм слов и образовании таким путем наречий занимают

формы пространственных падежей имен существительных, прилагательных, местоимений и отчасти числительных.

Спорным в тюрклогии продолжает оставаться соотношение наречий и служебных имен. Отнесение ряда служебных имен к наречиям отдельными исследователями тюркских языков связано разными обстоятельствами: употреблением некоторых из них без аффикса принадлежности 3-го лица; бытованием большинства из них в своем ведущем значении, выражая пространственные и временные отношения; переводимостью многих из них на русский язык наречиями.

В тюркских языках некоторые служебные имена, употребляясь без предыдущего определения, перешли в наречия, например: *ахырында* «наконец» (*ахыры* «конец чего-л.»), *артдан* «сзади» (*арты* «задняя сторона чего-л.») и др. В подобных служебных именах аффикс принадлежности 3-го лица *-ы* потерял свое значение и вошел в состав основы.

Мнение о том, что в тюркских языках все наречия образованы от форм пространственных падежей путем их лексикализации и появились в то же время, когда существовали корневые наречия, не подтверждается материалом.

Корневые наречия типа *кѣп* «много», *аз* «мало» образовались от глаголов *кѣп-* «опухать», *аз-* «худеть, тошкать» значительно раньше, чем наречия типа *узакьда* «далеко», «вдали» (от *узакь* «даль»), *энишге* «вниз» (от *эниш* «спуск»), *бирге* «вместе, совместно» (от *бир* «один») и др.

Материал исследуемых языков не подтверждает такое мнение исследователей, считающих наречий приведенного типа, т.е. образованных путем изоляции их падежных форм, остаточным явлением. Об этом говорит тот факт, что количество таких наречий становится все больше и больше. Например, наречия *алгья* «сперва», «вперед», «сначала», *артда* «потом, после», *эртте* «давно» и т.п. образовались значительно раньше наречий *терсине* «криво, вкривь», «вдоль», *кенгде* «вдали, вдалеке» и подобные им.

Причина изоляции форм пространственных падежей кроется в том, что обстоятельственное значение их по которому ни функционально соприкасаются с наречиями и на базе которого возникают изолированные их формы, находится в зависимости от характера лексического значения конкретных именных основ.

Изоляция падежных форм и лексикализация их на этой основе происходит не на семантико-синтаксическом или лексико-семантическом уровнях, как считали некоторые тюркологи (Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов), а на семантико-морфологическом уровне.

Образование наречий от падежных форм не позднее явление. Оно бытовало еще в 9-11 веках, хотя их количество было тогда незначительно.

Наиболее древними являются наречия с омертвевшими аффиксами *-гъары*, *-ры / -ри*, *-ра / -ре*, например, участвующих в образовании слов типа *огъары* (*жогъору ~ йогъары*) «вверх», *ары* «туда», *бери* «сюда», *къайры* «куда», *кери* «прочь», *туура* «прямо», *чюйре* «наизнанку, шиворот-навыворот» и др.

Судя по материалу словарей тюркских языков, более поздними являются наречия, образованные от причастий на *-маз/-мез* (*-бас/-бес*) (*байкабастан* «незаметно», «беспрестанно», *къайтмаздан* «безвозвратно, навсегда») и наречий (*теркден* (*тезден*) «вскоре», *бурундан* (*мурунтан*) «издавна», *энишгеде* «внизу»).

Как и слова других частей речи, наречия, образованные путем изоляции и лексикализации форм пространственных падежей, участвуют в лексико-семантическом словообразовании, в результате чего появляются лексико-семантические омонимы типа карачево-балкарских *алгъа* «раньше», «прежде», «заранее, заблаговременно» и *алгъа* «вперед», *артда* «потом, после» и *артда* «сзади, позади» и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ
СЛОВНИК ЛЕКСЕМ, ОБРАЗОВАННЫХ
СЕМАНТИЧЕСКИМ СПОСОБОМ
1. ПУТЕМ РАСПАДА ПОЛИСЕМИИ

А

агъач «качество» – *агъач* «древесина» (от *агъач* «лес»)

агъаичы «лесник (от *агъаичы* «плотник»)

ай «месяц (календарный)» (от *ай* «луна»)

айлыкъ «месячник» (от *айлыкъ* «заработная плата»)

айры «деревянные вилы с двумя рожками» (от *айры* «развила (лук), рогатка (приспособление для метания), сошка (для ружья)»)

айрылыкъ «распадение вследствие разногласий, раскол», «разобщенность, обособленность» (от *айрылыкъ* «рогатка для деревянных вил»)

айтыу (грам.) «предложение» (от *айтыу* (уст.) «предложение»)

айыр- «разрывать (на части), раздваивать» – *айыр-* «понимать», «различать, отличать», «рассудить *кого-что*» (от *айыр-* «отделять, разделять, разъединять, выделять, обособлять, расчленять *что*», «разлучать», «отнимать, отстранять», «разнимать (напр. дерущихся)», «выбирать, избирать *кого*»)

акъ «молочные продукты, молочное» (от *акъ* «седина, седые волосы»)

акъсакъал (этно.) «персонаж народного театра в период сенокоса» (от *акъсакал* «старик, старец, старейший»)

алайлай «бесплатно, даром, безвозмездно» (от *алайлай* «в таком виде, состоянии, положении, как было, точь-в-точь»)

алгъа «вперед» (от *алгъа* «раньше», «заранее, заблаговременно»)

аналыкъ (этно.) «свадебный подарок матери (от жениха или невесты)» (от *аналыкъ* «материнство (родство)», «обязанности матери по отношению к своим детям», «мачеха» (карач.))

арна (мед.) «ячмень (гнойное воспаление сальных железок у корней глазных ресниц)» (от *арна* «ячмень (хлебный злак)»)

артха «на будущее время» (от *артха* «назад», «на прежнее место, обратно»)

артыкълыкъ «издевательство, насилие, произвол» (от *артыкълыкъ* «преимущество, превосходство»)

асыра- «хоронить кого, предавать земле кого» (от *асыра-* «хранить, беречь что», «прятать»)

ат (грам.) «имя существительное» (от *ат* «имя»)

атыл- «взрываться, подвергаться взрыву» (от *атыл-* «лопаться, разрываться»)

ау «занавеска, занавешивавшая ложе молодых, полог, ширма» (от *ау* «мотня, клин в шагу брюк»)

ауузлан- «давать слово» (от *ауузлан-* «есть, кушать»)

ашлыкъ «ячмень» (от *ашлыкъ* «зерно, хлеб»)

ашыкъ «альчик, бабка» (от *ашыкъ* «щиколотка, лодыжка»)

аякъ «чаша, чашка» (от *аякъ* «стопа ноги; ступня»)

Б

багуш «удобрение, навоз» (от *багуш* «мусор, свалка»)

багъа (пед.) «оценка, отметка» (от *багъа* «цена, стоимость»)

бай (киргиз., казах.) «муж, супруг» (от *бай* «богач, бай»)

байлам «сверток, пакет» – *байлам* (грам.) «союз» (от *байлам* «связь, контакт»)

байлау (грам. уст.) «союз» (от *байлау* «бинт, повязка»)

басым «давление» – *басым* (грам.) «ударение» (от *басым* «выдержка, воля, самообладание»)

басымлы (грам.) «ударный» (от *басымлы* «выдержанный, сдержанный, терпеливый, степенный»)

басымсыз (грам.) «безударный» (от *басымсыз* «несдержанный, вспыльчивый»)

батман «улей» (от *батман* (уст.) – «батман (мера сыпучих тел)»)

бау «завязка (шнурок, жгут, тесьма и т.п.)» (от *бау* «сарай, хлев (для скота)»)

баишы (грам.) «подлежащее» (от *баишы* «вождь, предводитель, начальник», «лидер, руководитель»)

бегим «постановление, решение» (от *бегим* «укрепление (оборонительное сооружение)»)

белги (этно.) «вещь, даримая парнем или девушкой друг другу» – *белги* (карач.) «граница» – *белги* (шк.) «оценка, от-

метка» – белги «признак, симптом» (от белги «знак, метка, условное обозначение»)

бет «цвет» (от бет «лицо (человека)»)

бёлюм (грам.) «слог» (от бёлюм «отдел, отделение, часть, раздел»)

бий (карач.) «пчеломатка» (от бий (ист.) «князь, бий, бей»)

билеу «деталь для украшения мужского национального пояса» (от билеу «брусочек, точило»)

битим «урожай» – битим «рост» (от битим «растение»)

битимли «урожайный» (от битимли «рослый»)

бич- «кастрировать» (от бич- «кроить что»)

бичим «телосложение, осанка» (от бичим «покрой», «фасон»)

блок «блок (строительный камень)» (от блок «блок (политический)»)

болум (грам.) «обстоятельство» (от болум «положение», «обстановка, обстоятельства, условия, ситуация, состояние»)

болуш (грам.) «падеж» (от болуш «обстановка, обстоятельства, условия, положение, ситуация, состояние»)

болушлукъчу «заместитель» (от болушлукъчу «помощник, тот, кто помогает кому в чем»)

борч «обязательство», «обязанность» (от борч «долг, заем», «задолженность»)

боюнлукъ (уст.) «украшение в виде фигурной застёжки, пришивавшееся на кафтанчик» (от боюнлукъ «шарф, кашне»)

буз «град» (от буз «лед»)

буйрукъ «приказ, команда; распоряжение, приказание» (от буйрукъ «судьба, рок, предназначение»)

букъу (диал.) «мука» (от букъу «пыль»)

буруу «бурав, коловорот» (от буруу «забор, ограда»)

бурчакъ «фасоль, бобы» (от бурчакъ «пороша, крупный снег»)

бучхакъ «штанина» (от бучхакъ «отверстие бурдюка»)

бюртюк (анат.) «яичко» – бюртюк «ячмень (на глазу)» (от бюртюк «зерно, зернышко», «ягода»)

бюрчюк «сыпь» (от бюрчюк «почка (на дереве)», «комочек, гранула»)

Г

габу «перхоть» (от габу «мох»)

гамай- «насытиться, наестся досыта» (от *гамай-* «удобно сидеть, плотно прилегать к чему»)

гебенек «[войлочная] накидка с капюшоном» (от *гебенек* «бабочка»)

генезир «молодчик» (от *генезир* «мерзкий, гадкий, противный человек»)

гён «сплетенное из прутьев хранилище для початков кукурузы» (от *гён* (*уст.*) «кожа, шкура (выделенная)»)

гокка (*карач.*) «игрушка» (от *гокка* (*карач.*) «цветок»)

гылмай «корова с закрученными, витыми рогами» (от *гылмай* «держак (на ручке косы)»)

гылыу «осленок» (от *гылыу* «крыса»)

Д

дигиза (*этно.*) «женщина, обслуживающая молодую невесту» (от *дигиза* (*уст.*) «няня; кормилица, воспитательница (в знатных семьях в дореволюционном Карачае)»)

дуркью «сеновал» (от *дуркью* «загон для скота, огороженный плетеной оградой»)

дууа «амулет; талисман» (от *дууа* «религиозный обряд, моление при похоронах умершего», «установленный текст корана о благополучии душ умерших», «религиозно-мистическое обращение к богу с просьбами о чем-л.»)

дынгыртдыу «струнный инструмент наподобие балалайки», «ироническое название гармони» (от *дынгыртдыу* (*разг.*) «тележка»)

дюрген «грубый, невежливый, неучтивый, дерзкий (о человеке)» (от *дюрген* «буйный (порывистый, сильный)»)

Ё

ёзен (*карач.*) «река» (от *ёзен* (*карач.*) «ущелье»)

ёлет «эпидемия, мор» (от *ёлет* «смерть»)

ёлче «форма, приспособление для придания чему-л. определенных очертаний», «колодка (сапожная)» (от *ёлче* «величина, размер, степень чего», «мера, норма»)

ёмюр «век, столетие» (от *ёмюр* «жизнь»)

ёретин «мимоходом, наскоро, поспешно» (от *ёретин* «стоя; на ногах»)

ёрече «холка (у животных)» (от *ёрече* «молодое дерево, высохшее на корню»)

ёрюм (этно.) «деревянный жест, смазанный маслом, предназначенный для лазания (на свадьбах, пирах)» (от *ёрюм* (диал.) «рост, высота (человека)»)

ёрюш «разнимание дерущихся» (от *ёрюш* «подъем, отлогая возвышенность»)

ёсюм «рост, высота (человека)», «рост, развитие» (от *ёсюм* «растение», «культура (разводимое растение)»)

ёсюмлю «развитой» (от *ёсюмлю* «рослый, высокий»)

ёч «обязательство, которое должно быть выполнено проигравшим при споре», «премия, приз, вознаграждение в соревнованиях» (от *ёч* «месть, злость, злоба»)

ёчюк- «пристраститься к чему-л., жаждать чего-л., стремиться к чему-л.» (от *ёчюк-* «озлобляться, злиться на кого»)

Ж

жабу «шум, гвалт» (от *жабу* «накрапывание мелкими каплями (о дожде)»)

жаз- «писать» – *жаз-* «не попадать в цель (о пуле, стреле)» (от *жаз* «ковать, плющить (железо)», «катать (тесто)»)

жаза «кара, напказание» (от *жаза* «судьба, доля, участь»)

жазыу «письмо; алфавит», «запись» (от *жазыу* «судьба, рок, предначертание»)

жакъ «защитник, заступник, поборник, покровитель» (от *жакъ* «сторона, край, место»)

жал «батрачество, наем» (от *жал* «зарплата»)

жан «бок, боковая сторона, место около чего» (*жан* «душа», «человек»)

жанла- «сторониться кого-чего, отдаляться, уходить в сторону» (от *жанла-* «приближаться, подходить близко к кому, чему-л.»)

жанлат- «отодвигать от кого-чего» (*жанлат-* «приближать, придвигать к кому-чему»)

жарат- «использовать что, употреблять что с пользой» (от *жарат-* «одобрять кого-что, жаловать, уважать кого»)

жарау «тренировка» (от *жарау* «нужда, потребность в естественном отпращивании»)

жараулу «нужный, необходимый» (от *жараулу* «пригодный, годный»)

жарашдыр- «приготовить, сделать годным, готовым для использования» (от *жарашдыр-* «помирить кого с кем»)

жарма «суп от сечки (крупы, дробленки)» (от *жарма* «крупя, сечка, дробленка»)

жармала- «дробить, сечь что, делать крупу» (от *жармала-* «рубить на поленья; раскалывать, раздроблять, расщеплять»)

жармалыкь «ярмарка» (от *жармалыкь* «то, что предназначено или количественно достаточно для приготовления супа из зерна крупного помола»)

жашлыкь «пасынок» (от *жашлыкь* «молодость»)

жая «инструмент в виде луки, используемый для взбивания шерсти» (от *жая* «лук (для метания стрел)»)

жел «ревматизм» (от *жел* «ветер»)

жер «постель» – *жер* «седло» (от *жер* «земля», «место», «почва, грунт»)

жиек «одна из дощечек, используемых для ткания гашиков, позумента, тесьмы» (от *жиек* «орнамент, узор»)

жилик «мосол, мозговая кость», «костный мозг» (от *жилик* «название костей овцы, козы, тура и т.п. животных»)

жити «осока» (от *жити* «болото»)

жузьгутур (*карач.*) большой альчик, бабка (от *жузьгутур* «тур»)

жууукълукь «родство, родственные отношения» (от *жууукълукь* «близость (расстояния)», «тесная дружеская связь, взаимопонимание»)

жыйрыкь «платье (женское)» (от *жыйрыкь* «морщина, складка, сборка (на платье)»)

жыллыкь «возраст» (от *жыллыкь* «поминки, устраиваемые через год после смерти»)

3

заба «вид травы, растущей на бугристых местах» (от *заба* «кочка на болоте»)

залы «водоросль» (от *залы* «слизь (тягучая и скользкая масса)»)

залыкълды «азалия» (от *залыкълды* «родедендрон»)

зейтун «плод (маслины, оливы)» (от *зейтун* «маслина, олива (дерево)»)

И

излем «поиск (в науке, искусстве и т.п.)» (от *излем* «потребность, нужда; запрос», «требования, спрос», «исследование (теоретическое, научное и т.п.)»)

илишан «мишень» (от *илишан* «признак», «черта характера»)

иннген «свернувшийся (о молоке)» (от *иннген* «нежный, мягкий, приятный»)

ингилик «румяна» (от *ингилик* «румянец»)

ингир «вечернее общественное собрание, посвященное чему-л., вечернее представление» (от *ингир* «вечер (время суток)»)

ингирлик «ужин (вечерняя еда)» (от *ингирлик* «вечер (время суток)»)

исте- «желать, хотеть» (от *исте-* «считаться, принимать в расчет, во внимание»)

К

карт (*карач.*) «картина, рисунок», «фотокарточка, фотография» (от *карт* «игральные карты»)

кезиу «очередь, очередность, последовательность» (от *кезиу* «время период, пора»)

кепчи «формовщик» (от *кепчи* (*диал.*) «шут, который развлекает народ на свадьбах, вечерах»)

керек «орудие, инструмент, деталь (механизма)», «оборудование» (от *керек* «нужда, потребность, надобность»)

кёзбау (*карач.*) «волшебство, колдовство», «фокус, трюк», «фальш, видимость, показуха» (от *кёзбау* «лесть»)

кёк «трава» (от *кёк* «небо, небосвод»)

кёкен «терн (ягода)» (от *кёкен* (*карач.*) «куст»)

кёкенли «заросший терновником» (от *кёкенли* «кустарниковый, растущий кустами»)

кёл «душа, внутренний психический мир», «настроение, душевное состояние» (от *кёл* «озеро»)

кёлден «наизусть» (от *кёлден* «устно»)

курму «остатки шерсти после расчесывания» (от *курму* «инструмент, очищающий кожу от шерсти и разрезающий на тесемки»)

кюзгю «рентген (аппарат)» (от *кюзгю* «зеркало»)
кюзгючю «рентгенолог» (от *кюзгючю* «зеркальщик»)
кюй «мотив, мелодия, напев» (от *кюй* «обстановка, обстоятельство, условия, положение, состояние»)
кюн «день» – *кюн* «погода» (от *кюн* «солнце»)
кюнлюк «дневник (записи, ведущиеся изо дня в день)» (от *кюнлюк* «зонт, зонтик»)
кючлю «горький», «кислый» (от *кючлю* «сильный, мощный»)
кючлюлюк «свойство горького», «кислота (яблоко, айрана и т.п.)» (от *кючлюлюк* «сила, энергия, крепость (физическая)», «мощь, могущество»)

КЪ

къабакъ «створка» – *къабакъ* «селение, поселение» (от *къабакъ* «ворота (крепости и т.п.)»)
къабыргъа «стена» (от *къабыргъа* «бок (человека, животного)», «склон, наклонная поверхность (горы, холма и т.п.)»)
къабыш- «окоченеть, замерзнуть» (от *къабыш-* «отсохнуть (о частях тела)»)
къадау «дверной крючок» (от *къадау* «твердыня»)
къакъгъыч «порхлица, колотушка, теребилка (деталь мельницы)» (от *къакъгъыч* «дятел»)
къансиер «воспаление почек у животных» (от *къансиер* «разновидность дерева»)
къап «тыква» (от *къап* «футляр, чехол», «кожа, шкура», «раковина (напр. улитки)»)
къаптал «чекмень, казакин» (от *къаптал* «платье (женское)»)
къара «траур» – *къара* «грамота» (от *къара* «мишень»)
къасмакъ «пригар», «накипь», «щыпки (от грязи, обветривания и т.п.)» (от *къасмакъ* «облепиха (ягоды)»)
къатыш- «участвовать в чем», «вмешательство во что-л.» – *къатыш-* «смешиваться, соединяться во что-л.») (от *къатыш-* «смешиваться, соединяться с чем-л., образуя смесь», «смешиваться, перемешиваться»)
къаишха «лысына, плешь» (от *къаишха* «белое пятно на лбу (животного)»)
къол «ущелье (небольшое)» (от *къол* «рука; кисть»)

кѡш «запряжка в два вола» – *кѡш* «поросль, отросток» (от *кѡш* «кошара, шалаш, где живут животноводы, полеводы, косари и т.п.»)

кѡшун «крынка, горшок» (от *кѡшун* «черепица»)

кѡлакъ «ложбина» (от *кѡлакъ* «ухо, уши», «наружная часть, орган слуха в форме раковины»)

кѡлукъ «служба, должность, пост», «работа, труд, занятие» (от *кѡлукъ* «рабство, кабала»)

кѡркѡур «грьжа» (от *кѡркѡур* «басы (струны, клавиши)»)

кѡру «пустой (о вместилище, сосуде)» (от *кѡру* «сухой»)

кѡрулай «бесплатно» (от *кѡрулай* «ни с чем, с пустыми руками», «вхолостую»)

кѡршоу «окружение» (от *кѡршоу* «обруч»)

кѡс- «окислять что» (от *кѡс-* «рвать, блевать»)

кѡтул- «заканчивать, завершать, доводить до конца» (от *кѡтул-* «суметь освободиться от *кого-чего*, избавляться, спастись», «убежать, скрываться где-л.»)

кѡуу «пух» – *кѡуу* «трут, фитиль» (от *кѡуу* «лебедь»)

кѡууукъ «мочевой пузырь» (от *кѡууукъ* «мякина, полова»)

кѡууум «мероприятие, связанное с проведением *какого-л.* торжества, праздника, радости и т.п.» (от *кѡууум* «предположение, намерение»)

кѡуууш «притечек, завалинка (сидение у очага)» (от *кѡуууш* «всякое углубление, образуемое *чем-л.*», «дупло (дерева, зуба)»)

кѡуш «пух» (от *кѡуш* «орел»)

кѡыз «девушка» (от *кѡыз* «дочь»)

кѡызлыкъ (*карач.*) «падчерица» (от *кѡызлыкъ* «период девичества», «девственность, целомудрие, невинность»)

кѡыйы «кизьяк (вырезанный из высохшего козьего навоза)» (от *кѡыйы* «пласт»)

кѡылыч «кормило», *кѡылыч* «засов, задвижка (дверная)» (от *кѡылыч* «меч, сабля, шашка»)

кѡыр- «истреблять, убивать, уничтожить *кого-что*», «загрызть, резать (о волке, медведе и т.п.)» (от *кѡыр-* «скоблить *что*», «брить, сбрить (усы, бороду и т.п.)», «зачеркивать»)

кѡыс- «тискать, стискивать, сдавливать, придавливать», «прижимать, сжимать (губы, пальцы и т.п.)», «придвигать вплотную *что к чему*» (от *кѡыс-* «прикреплять *что к чему* с

помощью узла», «делать узел, соединять, закреплять концы чего-л. узлом»)

къысдырыкъ «запас, то, что припасают» (от *къысдырыкъ* «при каменной подкладке без связывающего раствора кусочки камня, подкладываемые под камни, чтобы не шатались»)

къысма «связка», «пучок» (от *къысма* (уст.) «корсет»)

къысым (карач.) «давление» (от *къысым* «связка», «пучок»)

Л

лава «лава (в шахте)» (от *лава* «расплавленная минеральная масса»)

лагъым (карач.) «рычаг, вага, плечо», «способ, прием, средство», «механизм» (от *лагъым* «взрывчатое вещество»)

линейка (уст.) «линейка (экипаж)» (от «*линейка* (палка)», «строй в одну шеренгу»)

М

ма «вот» (от *ма* «на»)

маймул (карач.) «конек (крыши)» (от *маймул* «обезьяна»)

макъа «зоб» (от *макъа* «лягушка»)

мижеге «хлеб из пшеничной муки, в тесто которой добавляются сахар и масло» (от *мижеге* (карач.) «съестные запасы, собранные мышь в нору»)

милдеу «лоскут, лоскутик, обрезок» (от *милдеу* «что-л. крохотное, незначительное»)

мухар «каракулевый» (от *мухар* «бухарский»)

мырды «осока» (от *мырды* «болото»)

мысты «приправа» (от *мысты* «кислица обыкновенная»)

мюлк «хозяйство (производство, экономика)», «способ общественного производства» (от *мюлк* «имущество; богатство, владение, добро, собственность, состояние»)

О

окъ « жало (пчелы, осы)» – *окъ* (физиол.) «сперма» (от *окъ* «пуля»)

окъу- «учиться» – *окъу* «кричать (об осле)» (от *окъу-* «читать»)

ол «он, она, оно» (от *ол* «тот, то», «вон тот»)

онг- «линять, выгорать» (от *онг-* «иметь удачу»)
орталыкъ «средняк» (от *орталыкъ* «середина»)
от «огонь» (*от* «стрельба, обстрел (из огнестрельных орудий)») – *от* «порох» – *от* «яд» (от *от* «трав»)»

С

саба «палка, похожая на бильярдный кий, используемый для выбития шерсти» (от *саба* «шомпол»)

сагъакъ «жабры» (от *сагъакъ* «внутренние стенки глотки»)

сал «носилки, на которой несут тело покойника на кладбище» (*сал* «труп, покойник»)

сан «количество, численность» (от *сан* «конечность»)

сандыракъ «старинный карачаево-балкарский народный шуточный танец» – *сандыракъ* «болтовня, пустословие» (от *сандыракъ* «старинная песня, которой сопровождался танец *сандыракъ*»)

сан «мерка для измерения зерна (около 40 кг.)» (от *сан* «ручка, рукоятка; держак»)

саппа-сау «совсем целый (невредимый, не разбитый и т.п.)» (от *саппа-сау* «совершенно здоровый»)

сау «целый», «нечатый, неразделенный» (от *сау* «живой», «здоровый»)

саут «посуда, сосуд» (*саут* «оружие, воинские доспехи»)

сёзлюк «словарь» (от *сёзлюк* «предмет обсуждения, осуждения, разговора»)

сёк- «охаивать, поносить, хулить *кого*» (от *сёк-* «пороть, распарывать, отпаривать что», «разматывать, распускать, раскручивать»)

силти «мыло, изготовленное в домашних условиях из пепла и жира (щелочное мыло)» (от *силти* «щелочь»)

сити «розга (орудие телесного наказания)» (от *сити* «лоза (вид кустарниковых ив с крепким стеблем)»)

сирке «уксус» (от *сирке* «экзема, лишай»)

согъуучу «исполнитель (музыки)» (от *согъуучу* «ткач, ткачиха»)

сокъ- «ткать что» – *сокъ-* «играть (на музыкальном инструменте)» (от *сокъ-* «бить, ударять, колотить, стучать *кого*»)

солуу «отдых» (от *солуу* «дыхание»)

соруу «допрос» (от *соруу* «вопрос»)

соруш- «советоваться (друг с другом)» (от *соруш*- «успокоиться, утихнуть»)

суу «река» (от *суу* «вода»)

сууур- «нанизывать», «вынимать, вытаскивать что» (от *сууур*- «провеивать что», «уносить ветром, бурей и т.п.»)

сыз- «чертить», «зачеркивать, вычеркивать (что-л. написанное, изображенное)» (от *сыз*- «кидать, бросать, метать»)

сызла- «ломить, ныть (болеть)» (от *сызла*- «чертить, подчеркнуть, провести линию»)

сый «подарки, раздаваемые невестой родственникам жениха» – *сый* «торжество, вечер, угощение в честь чего-л.» (от *сый* «уважение, честь, почтение»)

сыйла- «угощать» (от *сыйла*- «уважать»)

сын «скульптура (произведение)», «памятник» (от *сын* (уст.) «туловище, тело, корпус, стан (человека)»)

сыр «поведение, нрав, повадка» (от *сыр* «честь, репутация»)

сыт- «всплакнуть, прослезиться» (от *сыт*- «раздавливаться»)

сыфат (*грам.*) «имя прилагательное» (от *сыфат* «образ (вид, облик)», «образ, тип, характер»)

сюр- «пахать, вспахивать что» (от *сюр*- «гнать, выгонять», «гнаться за кем, догонять кого»)

Т

такъмакъ «прицеп» – *такъмакъ* «чапушка» (от *такъмакъ* «придаток»)

тарлау «дикое просо» (от *тарлау* «полоса, поле, уголье»)

тарт- «весить» – *тарт*- «молоть, размельчать что» (от *тарт*- «тянуть, тащить», «дергать что»)

тартма «очкур, гашник» (от *тартма* «балка поперечная, переключатель, поперечина»)

тартхы «станок для обработки дерева» (от *тартхы* «ремни, прикрепляемые к кольцам уздечки и к передней подпруге»)

тартын- «стесняться, смущаться чего», «стремиться к чему» (от *тартын*- «быть сведенным судорогой»)

тауукъ (*анат.*) «книжка (желудка жвачных животных, кур)» (от *тауукъ* «курица»)

тахта «грядка» – *тахта* «тапчан» (от *тахта* «трон»)

ташла- «выкинуть кого-что, преждевременно родить (о животных)» (от *ташла*- «выбрасывать, выкидывать вон кого-что», «сбросить кого-чего-л. с чего-л., куда-л.»)

тенглик «дружба, товарищество» (от *тенглик* «равенство, равноправие»)

тёбенги «подстремянки (правый и левый)» (от *тёбенги* «северный ветер»)

тёре «суд», «судья» (от *тёре* «обычай»)

тёш «грудь» – *тёш* «наковальня» – *тёш* «инструмент для отбивания кос, тяпок и т.п.» (от *тёш* «бугор, холм, пригорок, возвышение»)

тизгин «строка» – *тизгин* «порядок» (от *тизгин* «ряд»)

тиш «скирд, скирда» (от *тиш* «зуб»)

токъалаш «один из скрученных остатков сена при перетаскивании волоком копен» (от *токъалаш* «березка (травянистое растение)»)

тос «возлюбленный (возлюбленная), любовник (любовница)» (от *тос* «друг, приятель»)

тутмакъ «заключенный» (от *тутмакъ* «тюрьма»)

туура «правда, истина» (от *туура* «обозримое место»)

тюз «истина, правда» (от *тюз* «равнина, поле, степь»)

тютюн «дым» (от *тютюн* «табак, курево»)

тюш «полдень» (от *тюш* «сон, сновидение»)

У

уруш- «воевать» (от *уруш* «ругать, бранить кого-что»)

ууахты «судьба» – *ууахты* «смерть» (от *ууахты* «небольшой промежуток времени; момент»)

уууч (*уст.*) «гарцевый сбор» (от *уууч* «горсть (ладонь и согнутые пальцы), пригоршня»)

учхун «потомок» (от *учхун* «искра»)

Х

хакъ «право (что-нибудь делать, осуществлять)» – *хакъ* «доля, часть чья-л.» (от *хакъ* «плата за труд, заработок, зарплата»)

хант «кушанье, еда» (от *хант* «тело человека, животного»)

хапчук (*карач.*) «сор, мусор» (от *хапчук* «вещи, утварь»)

Ч

чага «прополка» (от *чага* «тяпка»)

чайкъя- «полоскать *что*», «стирать *что*», «мыть, ополаскивать *что*», «взбивать, взбалтывать» (от *чайкъя-* «развевать, колыхать *что*», «качать *кого-что*»)

чайкъял- «развеваться, колыхаться, качаться, шататься (о растениях, флаге и т.п. от ветра)», «качаться, покачиваться, раскачиваться, шататься» (от *чайкъял-* «волноваться (о море, реке, озере)», «плескаться (о волнах)»)

чанч- «крошить *что* (*напр.* хлеб в молоко)» (от *чанч-* «втыкать *что*, колоть (ножом и т.п.), колоть, покалывать»)

чанчхы (*карач.*) «вилка» (от *чанчхы* «колики»)

чапыр- «утешить, успокоить *кого-что*» (от *чапыр-* «высыпать, покрыться сыпью»)

чарх «колесо» (от *чарх* «тело, организм»)

чат «лощина, ложбина» (от *чат* «промежность»)

чегет «лес» (от *чегет* «север, северная сторона»)

чепкен «черкеска» – *чепкен* «платье женское» (от *чепкен* «домотканое шерстяное сукно»)

чечек «оспа» (от *чечек* «цветок»)

чён «окребий» (от *чён* «травинка, стебелек, соломинка»)

чоюн «котел, чугу́н» (от *чоюн* «чугун (металл)»)

чыкъярдауукъ «погремушка» (от *чыкъярдауукъ* «кнопка-застежка»)

чыкъярт «тонкий, хрустящий лакум, хворост» (от *чыкъярт* «хруст, треск»)

чырма «помешать кому, создавать препятствие кому-чему» (от *чырма* «завертывать, обертывать *что*»)

чюйке «шпулька (швейной машины)» (от *чюйке* «игра в чижики»)

Ш

шорха «воронка» (от *шорха* «поток, струя воды», «водопад»)

штат «постоянный состав сотрудников учреждения» (от *штат* «государственно-территориальная единица»)

Ы

ышан «мишень» (от *ышан* «признак»)

ышыкъ «незначительное количество чего-л.» (от *ышыкъ* «место, защищенное от ветра, укрытие»)

Э

экилен- «сомневаться, колебаться, быть неуверенным, испытывать нерешительность» (от *экилен-* «сдваиваться»)

эл «государство», «страна», «село, селение, деревня, населенный пункт» (от *эл* «народ, люди, общество, мир, общественность»)

элия «июль» (от *элия* «молния»)

эркинлик «разрешение, позволение» (от *эркинлик* «свобода»)

этек «юбка» (от *этек* «подол, пола»)

этим (грам.) «глагол» (от *этим* «умение»)

эшик «двор, улица» (от *эшик* «дверь»)

эшме «корзина, сплетенная обычно из прутьев или коры березы, лукошко» – *эшме* «коровая сыпь» (от *эшме* «коса (женская)», «низка, связка, вязанка»)

Ю

юзюк «род, порода» (от *юзюк* «обрывок, кусочек», «отрывок, фрагмент»)

юйдеги «супруга, жена» (от *юйдеги* «семья»)

юр- «лаять» (от *юр-* «дуть»)

2. ПУТЕМ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

А

адамыча «как следует, основательно, хорошенько», «сильно, крепко» (от *адамыча* «как его (ее, свой) человек»)

адыргыдан «не находя другого выхода, поневоле» (от *адыргыдан* исх. пад. *адыргы* «затруднительное положение»)

айгъакълаучу (грам.) «определение» (от *айгъакълаучу* «поясняющий»)

айланмай «точь-в-точь» (от *айланмай* «не бродя, не ходя»)

айтдыр- «сообщать, передавать что» (от *айтдыр*- понуд. к *айт*- «говорить, сказать»)

айтылгъан «знаменитый, известный, прославленный» (от *айтылгъан* «сказанный»)

айтыу «легенда, предание, сказание», «поговорка» (от *айтыу* – и.д. к *айт*- «говорить, сказать»)

айырыучу «избиратель» (от *айтырыучу* «избирающий», «выбирающий», «разнимающий»)

алдау «обман» (от *алдау* – и.д. к *алда*- «обманывать»)

алын- «беситься», «помешаться, сойти с ума» (от *алын*- – *страд.к. ал*- «брать кого-что»)

алыш- «обмениваться, меняться друг у друга», «сменять, заменять другим» (от *алыш*- – вз.-совм.к *ал*- «брать кого-что»)

анда «там» (от *анда* – мест.пад. *ол* «тот, то, та»)

андан «оттуда» (от *андан* – исх.пад. *ол* «тот, то, та»)

антсызма «честное слово, я не я, если...; клянусь» (от *антсызма* «я не честный, недобросовестный»)

антым «честное слово, клянусь» (от *антым* «моя клятва»)

ангылау «понятие» (от *ангылау* – и.д. к *ангыла*- «понимать кого-что», «сознавать, осмысливать, познавать что», «соображать»)

артда «потом, после» – *артда* «сзади, позади» (от *артда* – мест.п. *арт* «оборотная сторона чего-л.»)

артдан «сзади, с задней стороны» – *артдан* «потом, после» (от *артдан* – исх.пад. *арт*)

артха «назад (в обратном направлении)», «на прежнее место, обратно» – *артха* «на будущее время» (от *артха* – *дат. пад. арт*)

асырау «клад», «запас, сбережение» (от *асырау* – и.д. к *асыра*- «хранить, беречь что», «прятать»)

атлаш «движение шагом, пеший ход» (от *атлаш*- вз.-совм. к *атла*- «идти, шагать»)

атдыр- «взрывать что, производить взрыв» (от *атдыр*- понуд. к *ат*- «кидать, метать», «стрелять»)

ауруу «болезнь» (от *ауруу* – и.д. к *ауруу* «болеть, заболеть чем»)

ауругъан «больной, болеющий человек» (от *ауругъан* «заболевший, болеющий»)

аууздан «устно» (от *аууздан* – исх.пад. *аууз* «рот»)

аууш «горный перевал» – *аууш*- «ходить вразвалку» – *аууш*- «умереть» (от *аууш*- – вз.-совм. к *ау*- «валиться, падать,

опрокидываться на *кого-что*», «перевалиться, перейти, пере-
ехать»)

ахыры «наконец, в конце концов» (от *ахыры* «конец чего-л.»)

ачыл- «проясняться (о погоде, небе)», «раскрываться (о расте-
ниях)» (от *ачыл-* *страд.* к. *ач-* «открывать, раскрывать что»)

ачыугъа «назло» (от *ачыугъа* – *дат. пад.* *ачыу* «гнев, злоба»)

ашарыкъ «пища, еда, съестное, трапеза, кушанье, прови-
зия, продукты» (от *ашарыкъ* «то, что должны есть» – *прич.*)

ашау «удобрение» – *ашау* «пища, питание, продовольст-
вие», «польза, прибыль» (от *ашау* – *и.д.* к *аша-* «есть, кушать»)

ашаучу «едок», «любитель поесть» (от *ашаучу* «кушаю-
щий, едящий»)

ашыгъыш «поспешный, спешный, экстренный, срочный»
(от *ашыгъыш* – *вз.-совм.* к *ашыкъ-* «торопиться, спешить»)

Б

багъуу «уход за кем-чем, кормление, присмотр» (от
багъуу – *и.д.* к *бакъ* «откармливать кого», «лечить *кого-что*»,
«содержать кого», «ухаживать за кем-чем»)

бара-бара «со временем, постепенно, с течением време-
ни» (от *бара* – *и.д.* к *бар-* «идти, ехать, двигаться (в направле-
нии от говорящего)»)

бардыр- «вести, проводить, выполнять, осуществлять что»
(от *бардыр* – *понуд.* к *бар-*)

батыу «ухаб, низина, впадина» (от *батыу* – *и.д.* к *бат-*
«тонуть, идти ко дну», «вязнуть, застревать в чем»)

бериу «передача» (от *бериу* – *и.д.* к *бер-* «передавать,
транслировать что»)

билдириу «объявление», «заявление», «сообщение» (от
билдириу – *и.д.* к *билдир-* «сообщать что кому, осведомлять
кого, извещать кого о чем», «высказывать, выражать что»)

билеу «брусок, точило» – *билеу* «деталь для украшения
мужского национального пояса» (от *билеу* – *и.д.* к *биле-* «то-
чить (нож, бритву, топор и т.п.)»)

бирге «вместе, совместно, воедино» (от *бирге* – *дат.п.* *бир*
«один»)

бирде «иногда, временами», «когда-нибудь», «однажды»
(от *бирде* – *мест.пад.* *бир*)

бирден «вместе, разом, одновременно», «оптом» (от *бирден* – исх.пад. *бир*)

биригиу «объединение (организация)», «союз» (от *биригиу* и.д. к *бирик*- «объединяться, сплачиваться»)

бирле «некоторые, иные, одни» (от *бирле* – мн.ч. *бир*)

битген «гнилой нары, фурункул» (от *бит-* «расти, про-
израстать»)

битиу (*диал.*) «гнилой нарыв, фурункул» (от *битиу* – и.д. к *бит*)

болгъан «весь, вся, все» (от *болгъан* «бывший» – прич.)

болсун «да, добро, идет, ладно, пусть, хорошо» (от *болсун* – форма повелит.-желат. накл. к *бол-* «быть»)

болушуучу (*карач.*) «заместитель» (от *болушуучу* «помогающий» – прич.)

бошха «напрасно, зря, понапрасну, попусту» (от *бошха* – *дат. пад.* *бош* «пустой, порожний», «пустяковый, ничтожный», «напрасный», «ненужный»)

Д

даулаш- «спорить» – *даулаш* «спор» (от *даулаш-* – *вз.-совм.* к *даула-* «требовать что», претендовать на что).

Ё

ёзге «иной, другой» (от *ёзге* – *дат. пад.* *ёз* «свой»)

ёлчеу «мера, мерка, измерение», «единица измерения» (от *ёлчеу* – и.д. к *ёлче-* «измерять, мерить что»)

ёмюрге «навек, навеки, навсегда» (от *ёмюрге* – *дат. пад.* *ёмюр* «век, столетие», «жизнь»)

ёмюрде «никогда» (от *ёмюрде* – *мест. пад.* *ёмюр*)

ёмюрлюкге «навек, навсегда» (от *ёмюрлюк* «вечность»)

ёрге «вверх, ввысь» (от *ёрге* – *дат. пад.* *ёр* «подъем»)

ётюрюкге «нарочно, назло» (от *ётюрюкге* – *дат. пад.* *ётюрюк* «ложь, обман, неправда»)

Ж

жабыу «покрывало, одеало» (от *жабыу* – и.д. к *жап-* «покрывать», «накрывать»)

- жагъыу* «мазь, (лекарство)» (от *жагъыу* – и.д. к *жакъ-* «смазывать что, мазать кого-что»)
- жазда* «весной» (от *жазда* – мест. пад. *жаз* «весна»)
- жаздырмай* «без промаха (при стрельбе)» (от *жаздырмай* «не давая писать кому-либо», «не промахиваясь»)
- жазыу* «письмо (система знаков)», «алфавит» (от *жазыу* – и.д. к *жаз-* «писать»)
- жазыучу* «писатель» (от *жазыучу* «пишущий» – прич.)
- жайда* «летом» (от *жайда* – мест. пад. *жай* «лето»)
- жайыу* «мелкий, неглубокий (от *жайыу* – и.д. к *жай-* «растилать, стелить что», «разливать, разложить тонким слоем»)
- жалау* «солончак (место кормления скота солью)» (от *жалау* – и.д. к *жала-* «лизать, облизывать что»)
- жалгъан* «ложный» (от *жалгъан* – страд. к *жалгъа-* «связывать, стыковывать, соединять, скреплять»)
- жаныу* «точка, правка (косы, ножа и т.п.)», «инструмент для правки косы, бритвы и т.п.» (от *жаныу* – и.д. к *жаны-* «править, точить»)
- жангыдан* «снова» (от *жангыдан* – исх. пад. *жангы* «новый»)
- жарагъан* «замечательный» (от *жарагъан* «пригодившийся» – прич.)
- жарайды* «хорошо» (от *жарайды* – 3-е л. ед.ч. глагола *жара-* «годиться»)
- жарау* «тренировка» (от *жарау* – и.д. к *жара-*)
- жарашыу* «уживчивый» (от *жарашыу* – и.д. к *жараш-* «мириться с кем»)
- жарсыу* «горе, глубокая печаль, скорбь, душевное страдание», «беспокойство, тревога» (от *жарсыу* – и.д. к *жарсы-* «горевать», «беспокоиться, тревожиться, волноваться»)
- жарыкълау* «просвещение» (от *жарыкълау* – и.д. к *жарыкъла-* «просвещать кого»)
- жашау* «жизнь» (от *жашау* – и.д. к *жаша-* «жить, существовать, быть живым»)
- жетген* «зрелый, спелый», «совершеннолетний», «зрелый, возмужалый» (от *жетген* «достигший чего-л.» – прич.)
- жокълау* «подарок» (от *жокълау* – и.д. к *жокъла-* «навредить справки», «навещать»)

жууукъгъа «близко» (по направлению к чему-л.) (от *жууукъгъа* – *дат. пад.* *жууукъ* «близкий»)

жууукъда «вблизи, рядом» (*жууукъда* – *мест. пад.* *жууукъ*)

жууукъдан «с близкого расстояния» (от *жууукъдан* – *исх. пад.* *жууукъ*)

жыгъыш «бороться (*спорт.*)» (от *жыгъыш* – *вз.-совм.* к *жыкъ* – «побороть, борясь с кем-л., одержать верх», «валить, опрокидывать кого-что»)

жыйылыу «собрание (профсоюза и т.п.)» (от *жыйылыу* – *и.д.* к *жыйыл* – «собираться, сосредотачиваться в одном месте», «приходить куда-л.»)

жюрюш «ход, движение, темп», «быстрота протекания чего-л.» (от *жюрюш* – *вз.-совм.* к *жюрю* – «ходить, ездить, двигаться»)

З

заманында «вовремя», «когда-то, в прошлом, в свое время» (от *заманында* – *мест. пад.* *заманы* «его (ее) время»)

заядан «бесполезно, напрасно, зря» (от *заядан* – *исх. пад.* *зая* «напрасный, бесполезный»)

зырафха «бесполезно, напрасно, зря» (от *зырафха* – *дат. пад.* *зыраф* «бесполезный, напрасный»)

зырафына «бесполезно, напрасно, зря» (от *зырафына* – *дат. пад.* *зырафы* «бесполезное, непригодное чего-л.»)

И

ингирде «вечером» (от *ингирде* – *мест. пад.* *ингир* «вечер»)

К

кезиюнде «вовремя», «когда-то, в прошлом, в свое время» (от *кезиюнде* – *мест. пад.* *кезию* «его (ее) время, период, пора»)

келишиу (*грам.*) «согласование» (от *келишиу* – *и.д.* к *келиш* – «договориться, сговориться, условиться», «ладить, жить дружно»)

кенгде «вдали, вдалеке» (от *кенгде* – *мест. пад.* *кенг* «далекий»)

кенгден «издалека» (от *кенгден* – *исх. пад.* *кенг*)

кенгнге «далеко (о расстоянии)» (от *кенгнге* – *дат. пад. кенг*)
керексизге «зря, напрасно, бесполезно» (от *керексизге* –
дат. пад. керексиз «ненужный»)

кертиди «правда, верно» (от *кертиди* «это верно»)

кечегиде «ночью» (от *кечегиде* – *мест. пад. кечеги* «ночной»)

кечиу «брод, переправа» (от *кечиу* – *и.д. к кеч-* «перехо-
дить вброд, идти по воде»)

кёбюсюнде «в большинстве случаев» (от *кёбюсюнде* –
мест. пад. кёбюсю «большинство»)

кёбюсюне «в большинстве случаев» (от *кёбюсюне* – *дат.*
пад. кёбюсю)

кёзюне «в глаза, в лицо» (от *кёзюне* – *дат. пад. кёз* «глаз»)

кёлден «наизусть» (от *кёлден* – *исх. пад. кёл* «душа, внут-
ренний психический мир»)

кёпге «надолго» (от *кёпге* – *дат. пад. кёп* «много»)

кёпген «опухоль» (от *кёпген* «опухший» – *прич.*)

кёре «согласно чему, соответственно чему», «в соответствии
с кем-чем, относительно кого-чего» (от *кёре* «видя» – *деепр.*)

кёреме «оказывается» (от *кёреме* «я вижу»)

кёргюнчге «напоказ» (от *кёргюнчге* – *дат. пад. кёргюнч*
«показ»)

кёрмючге «напоказ» (от *кёрмючге* – *дат. пад. кёрмюч* «вы-
ставка»)

кёчюу «брод, переправа» (от *кёчюу* – *и.д. к кёч-* «кочевать,
перекочевывать», «переезжать, переселяться», «переходить»)

кёчюучю «переходящий» (от *кёчюучю* «переходящий» –
прич.)

киерик «одежда» (от *киерик* «должный одеть что» – *прич.*)

кичиу «чесотка» (от *кичиу* – *и.д. к кичи-* «чесаться, зудеть»)

кюзде «осенью» (от *кюзде* – *мест. пад. кюз* «осень»)

кютюу «пастбище», «выгон, выпас» (от *кютюу* – *и.д. к*
кют- «пасти кого»)

кючден «еле, едва, насилу, с трудом» (от *кючден* – *исх.*
пад. кюч «сила», «энергия, мощность»)

Къ

къабыучу «кусачий (о животных, зверях)» (от *къабыучу*
«кусающий» – *прич.*)

къабыш «сцепляться, соединяться вместе, сплетаясь» (от *къабыш* – *вз.-совм.* к *къап-* «откусывать», «кусать, укусить»)

къадарда «пока, до тех пор» (*къадарда* – *исх. пад.* *къадар* «судьба, доля, участь»)

къадау «дверной крючок» (от *къадау* – *и.д.* к *къада-* «стискивать, сжимать *кого-что*», «втыкать *что*, прикалывать *что*»)

къажымай «настойчиво, упорно, напористо» (от *къажымай* «не коробясь, не корежась» – *деепр.*)

къайгъырмаз «ничего, неважно, не беда» (от *къайгъырмаз* «не будет беспокоиться» – *прич.*)

къайгъырыу «забота, попечение *о ком*» (от *къайгъырыу* – *и.д.* к *къайгъыр-* «проявлять заботу, заботиться *о ком-чем*», «переживать, беспокоиться, волноваться, тревожиться»)

къалау «куча, грудa» (от *къалау* – *и.д.* к *къала-* «складывать, класть в определенном порядке»)

къалдырмай «все; целиком» (от *къалдырмай* «[ничего] не оставляя» – *деепр.*)

къалмай «все» (от *къалмай* «не оставаясь» – *деепр.*)

къапхан «капкан» (от *къапхан* «откусивший» – *прич.*)

къапхын «уворованный, краденый, захваченный (скот, вещи)» (от *къапхын* «чтобы откусил» – *желат. накл. глаг.* *къап-* «откусывать (хлеб, сахар и т.п.)», «кусать, укусить»)

къарау «смотреть», «показ», «проверка» (от *къарау* – *и.д.* к *къара-* «смотреть, глядеть», «осматривать», «ухаживать, следить, присматривать *за кем-чем*»)

къармау «небольшой участок, пригодный для сенокосения» (от *къармау* – *и.д.* к *къарма-* «шарить, обшарить, рыться в *чем*, щупать *кого-что*»)

къатхан «сухофрукты» (от *къатхан* «высохший» – *прич.*)

къашыу «вид кожной болезни» (от *къашыу* – *и.д.* к *къашы-* «чесать, скрести *что*»)

къонуш «насест», «гнездо», «стоянка, стан, расположение» (от *къонуш* – *вз.-совм.* к *къон-* «садиться (о птицах, насекомых)»).

къоркъуу «страх, боязнь», «тревога, беспокойство, опасение» (от *къоркъуу* – *и.д.* к *къоркъ-* «бояться, трусить, страшиться *кого-чего*»)

къоруулачу «защитник» (от *къоруулачу* «защищающий, оберегающий» – *прич.*)

кършалалау «блокада, осада» (кършалалау – и.д. к кършалала- «окружать кого-что»)

кършалалаучу «защитник» (от кършалалаучу- «защищающий» – прич.)

къызыу «горячий, жаркий» (от къызу – и.д. к къыз- «накаляться, раскаляться, становиться горячим, жарким»)

къыйыгына «вкривь, косо, наискось» (от къыйыгына – дат. пад къыйыгы «косая, кривая часть чего-л.»)

къыхасы «словом, одним словом, короче говоря, в общем» (от къыхасы – 3-е л. ед. ч. прилаг. къыхса «короткий»)

къышхыда «зимой» (от къышхыда – мест. пад. къышхы «зимний»)

М

мараучу «стрелок, снайпер», «охотник» (от мараучу «целящийся, метящий в кого-что», «охотящийся» – прич.)

мында «здесь, тут» (от мында – мест. пад. бу «этот, это, эта»)

мындан «отсюда» (от мындан – исх. пад. бу)

мычмай «срочно, без промедления, немедленно» (от мычмай «не задерживая», «не мешкая» – деепр.)

Н

насыпха- «к счастью» (от насыпха – дат. пад. насып «счастье»)

О

ойлаш- «думать, обдумывать», «задумываться над чем, о чем» (от ойлаш- – вз.-совм. к ойла- «думать, мыслить»)

ойнауучу «акробат, артист (театра, цирка)» (от ойнаучу «играющий» – прич.)

окъуу «учеба» (от окъуу – и.д. к окъу- «учиться»)

оннга «направо, вправо» (от оннга – дат. пад. онг «правый»)

орталаш- «окружать» (от орталаш- – вз.-совм. к ортала- «окружать кого-что»)

оруучу «жнец» (от оруучу – жнущий – прич.)

отлау «пастбище», «выпас, выгон» (от отлау – и.д. к отла- «пасться, щипать траву (о животных)»)

оюу «орнамент, узор» (от оюу – и.д. к ой- «валить, развалить что; разрушать что»)

талаш - «грызться» (от *талаш* - вз.-совм. к *тала*-)
тамамлаучу «решающий, завершающий» (от *тамамлаучу*
«выполняющий; заканчивающий» - прич.)

таныш - «знакомиться с кем-чем» (от *таныш* - вз.-совм. к
таны - «узнавать кого-что», «быть знакомым с кем-чем»)

тартыл - «сократиться (о мышцах)», «подтянуться
(спец.)» (от *тартыл* - страд. к *тарт* - «тянуть, тащить»,
«притягивать (о магните, солнце и т.п.)»)

тартыу «мотив, мелодия» (от *тартыу* - и.д. к *тарт*-)

тартыш (карач.) «название горного растения» (от *тартыш* - вз.-совм. к *тарт*-)

тарыгъыу «жалоба» (от *тарыгъыу* - и.д. к *тарыкъ* - «жаловаться, сетовать, плакаться, роптать, ныть»)

тарыкъдыр - «сильно надоедать кому» (от *тарыкъдыр* - понуд. к *тарыкъ*-)

татыу «вкус (пищи)» (от *татыу* - и.д. к *тат* - «пробовать что на вкус, вкушать, испытывать, отведать чего»)

тенгден «поровну, одинаково» (от *тенгден* - исх. пад.
тенг «одинаковый, ровный»)

тергеу «подсчет, учет, расчет» (от *тергеу* - и.д. к *терге* - «считать количество, сумму чего-л.»)

терлеген «пот, испарина» (от *терлеген* «вспотевший» - прич.)

терсине «не туда, куда следует, в противоположном направлении» (от *терсине* - дат. пад. *терси* «противоположная сторона чего-л.»)

тёбенден «понизу, низом», «снизу» (от *тёбенден* - исх. пад. *тёбен* «нижний, расположенный внизу»)

тёбеннге «вниз» (от *тёбеннге* - дат. пад. *тёбен*)

тёгереклеш - «становиться в круг, расположиться вокруг кого-чегол.» (от *тёгереклеш* - вз.-совм. к *тёгерекле* - «окружать кого-что»)

тёлеу «платеж, плата, оплата, погашение, возмещение» (от *тёлеу* - и.д. к *тёле* - «платить, уплачивать, заплатить за что, оплатить что»)

тигиу «шитье; вышивка» (от *тигиу* - и.д. к *тик* - «шить что», «вышивать что на чем»)

тизиу «связка» (от *тизиу* - и.д. к *тиз* - «строить, выстроить», «ставить что в ряд», «нанизывать»)

тийиш- «собираться, объединяться» (от *тийиш*- – *вз.-совм.* к *тий*- «касаться чего, трогать кого-что, дотрагиваться до кого-чего»)

тинтиучю «следователь», «исследователь» (от *тинтиучю* «обыскивающий», «исследующий» – *прич.*)

тиреу «подпорка» (от *тиреу* – *и.д.* к *тире*- «подпирает что, ставить подпорку»)

тонау «грабеж, ограбление, кража» (от *тонау* – *и.д.* к *тона*- «грабить, обворовывать, обдирать кого-что»)

тохтамай «беспрестанно, непрерывно, постоянно» (от *тохтамай* «не останавливаясь» – *деепр.*)

тохташ- «прекращаться, переставать» (от *тохташ*- – *вз.-совм.* к *тохта*- «останавливаться»)

туруш «вид, внешность» (от *туруш*- – *вз.-совм.* к *тур*- «вставать, подниматься», «стоять, держаться» (*в каком-л. положении*))

тутуш- (*спорт.*) «бороться, вести борьбу» (от *тутуш*- – *вз.-совм.* к *тут*- «схватить, хватать за что-л.», «держаться, браться за кого-что»)

туугъан «родной (состоящий в родстве)» (от *туугъан* «родившийся» – *прич.*)

тынгылачу «слушатель» (от *тынгылачу* «слушающий» – *прич.*)

тюзю «правда (*мод. сл.*)» (от *тюзю* – *3л. ед.ч.* *тюз* «истина, правда»)

тюйюш- «драться, биться, дебоширить» (от *тюйюш*- – *вз.-совм.* к *түй*- «бить, избивать кого, колотить кого-что»)

У

узагъы «в течение, в продолжение» (от *узагъы* – *3-е л. ед.ч.* *узакъ* «далекий, дальний, удаленный»)

узакъгъа «далеко, вдаль» (от *узакъгъа* – *дат. пад.* *узакъ*)

узакъда «далеко, вдалеке» (от *узакъда* – *мест. пад.* *узакъ*)

узакъдан «издалека» (от *узакъдан* – *исх. пад.* *узакъ*)

узуну «в течение, в продолжение» (от *узуну* – *3-е л. ед.ч.* *узун* «длинный»)

урунганла «трудящиеся» (от *урунганла* «трудившиеся» – *прич.*)

урунуу «труд» (от урунуу – *и.д.* к урун- «трудиться»)
уруш- «воевать, биться, драться, сражаться» (от уруш- –
вз.-совм. к ур- «бить, ударить»)

Ч

чалыу «тесьма, шнурок (из плетеных ниток и т.п.)», «фи-
тиль» (от чалыу – *и.д.* к чал- «плести, заплетать что»)

чалыш- «скреститься» (от чалыш- – *вз.-совм.* к чал-)

чанчыл- «плясать (быстро)» (от чанчыл- – *страд.* к чанч-
«втыкать что; колоть (ножом, шилом и т.п.)»)

чарпыу «убыток, урон, ущерб» (от чарпыу – *и.д.* к чарпы-
«страдать»)

чөплеу «подсолнечник, подсолнух» (от чөплеу – *и.д.* к чөп-
ле- «клевать что»)

чулгъау «портянка, обмотка, онуча» (от чулгъау – *и.д.* к
чулгъа- «завертывать, обертывать что», «свертывать что»,
«наматывать что»)

чыгъыш «тропинка», «проход» (от чыгъыш- – *вз.-совм.* к
чыкъ- «подниматься, восходить, взбираться куда-л.», «подни-
маться вверх по чему»)

чырмау «помеха, препятствие» (от чырмау – *и.д.* к чырма-
«помешать кому»)

Ы

ызына «обратно, назад» (от ызына – *дат. пад.* ызы «след»)

ызындан «вслед кому-чему», «следом», «после, потом»,
«сзади» (от ызындан – *исх. пад.* ызы)

Э

эгеу «напильник» (от эгеу – *и.д.* к эге- «пилить, точить, об-
тачивать что (напильником)»)

эниш «спуск, склон, скат, покатость» (от эниш- – *вз.-совм.*
к эн- «спускаться, сходить (с горы), идти вниз»)

энишге «вниз» (от энишге – *дат. пад.* эниш)

эрттенгиде «утром» (от эрттенгиде – *мест. пад.* эр-
ттенги «утренний»)

эсирген «пьяный» (от эсирген «опьяневший» – *прич.*)

эшиу «вязанье» (от эшиу – *и.д.* к эш- «вязать (носки, сви-
тер и т.п.)»)

ЛИТЕРАТУРА

2. Абаев В.И. О подаче синонимов в словаре // ВЯ. 1957. №5.
3. Абаев В.И. Выступление на дискуссии по омонимии // Лексикографический сборник, 1960. Вып. 4.
4. Абдуллаев Р.Н. Аффиксы залоговых форм глаголов и их отношение к форме многократности // Изв. АН РАН Азерб. ССР. Серия литература, языки и искусства. Баку, 1966.
5. Абдурахманов Г.А. Субстантивированные прилагательные в узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1950.
6. Абсалямов З.З. Наречие // ГСБЛЯ. М., 1981.
7. Аймурзаева А.А. Субстантивация имен прилагательных и причастий в современном каракалпакском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1985.
8. Аймурзаева А.А. Субстантивация – один из способов словообразования // Вестник Каракалпакского филиала АН Узб. ССР. № 2. Нукус, 1981. №4.
9. Алиев У.Б. Причастие карачаево-балкарского языка // Уч. зап. КБГУ. Вып.4. Нальчик, 1958.
10. Арапова Н.С. Эвфемизмы // ЛЭС. М., 1990.
11. Арутюнова Н.Д. Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации (на материале испанского языка) // ВЯ, 1960. №2.
12. Арутюнова Н.Д. Метонимия // ЛЭС. М., 1990.
13. Аспекты семантических исследований. М., 1980.
14. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
15. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
16. Ахматов И.Х. Инструкция для составления «Толкового словаря современного карачаево-балкарского языка» (в трех томах). Нальчик, 1976.
17. Ахтямов М.Х. Проблемы омонимии в современном башкирском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
18. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.

19. Балаж Я. Синтагмация и лексикализация (к теоритическим вопросам лексикологии и лексикографии) // Лексикология и лексикография. М., 1972.
20. Балдингер К. Семасиология. Берлин. М., 1960. Вып. 4.
21. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
22. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
23. Барзилович А.М. Субстантивация прилагательных в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.
24. Баскаков Н.А. Залог в каракалпакском языке. Ташкент, 1951.
25. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. М., 1952. Т.-2.
26. Баскаков Н.А., Инжекова – Грекул А.И. Хакасский язык // Хакасско-русский словарь. М., 1953.
27. Баскаков Н.А. Двойственная природа частей речи (на материале тюркских языков) // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов): Тезисы докладов. Л., 1965.
28. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык // Языки народов СССР. – Т.-2. Тюркские языки. – М., 1966.
29. Баскаков Н.А. Морфология (общие вводные замечания) // Грамматика караачево-балкарского языка: фонетика, морфология, синтаксис. – Нальчик, 1976.
30. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков: (структура слова и механизм агглютинации). М., 1979.
31. Баскаков Н.А. О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках // Советская тюркология. 1986. №2.
32. Беглярова С.А. Адвербиализация в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Баку, 1979.
33. Бозиев А.Ю. Глагольное словообразование // Уч. зап. Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Сер. филологическая. – Нальчик, 1964. – Т. 2. – С. 34-45.

34. Бозиев А.Ю. Глагол // ГКБЯ. Нальчик, 1966.
35. Благова Г.Ф. Заметки и взаимно-совместном залоге // СТ. 1976. № 6.
36. Боровков А.К. О частях речи в тюркских языках // Революция и письменность. Л., 1936.
37. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1958.
38. Будагов Р.А. Многозначность слова // ФН, 1958. №1.
39. Будагов Р.А. Закон многозначности слова // Русская речь. 1972.
40. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
41. Вэлиди Ж. Татар теле грамматикасы (на арабск. графике). Казан, 1969.
42. Виноградов В.В. О грамматической омонимии // РЯШ, 1940. №1.
43. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии: (на материале русского и родственных языков) // Вопросы теории в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М., 1952.
44. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов // ВЯ, 1953.
45. Виноградов В.В. Современный русский язык. М., 1958.
46. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // ВЯ, 1960. №5.
47. Виноградов В.В. Избранные труды. Т. 3. Лексикология и лексикография. М., 1977.
48. Вопросы двуязычной лексикографии. Изд-во ЛГУ, 1973.
49. Гаджихмедов Н.Э. Грамматические категории глагола в кумыкском языке. Махачкала, 1987.
50. Гак В.Г. Транспозиция // ЛЭС. М., 1990.
51. Ганиев Ф.А. Конверсия как один из способов словообразования в современном татарском литературном языке // Уч. зап. Азгосуниверситета, серия языка и литературы. 1969. №5. – № 6.
52. Ганиев Ф.А. Конверсия в татарском языке. Казань, 1985.

87. Дудников А.В. Современный русский язык. М., 1990.
88. Дукальский Е.С. Имена действия в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.
89. Евгеньева А.П. Выступление на дискуссии по омонимии // Лексикографический сборник, 1960. Вып. 4.
90. Егоров В.Г. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930.
91. Ельмслев Л. Прологомены в теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960.
92. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
93. Жигadlo В.Н. Субъектные и объектные отношения глагола в форме страдательного // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук, 1961. № 301.
94. Жирмунский В.М. Развитие категории частей в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками // Изд. АН СССР, ОЛЯ, 1946. Т. 4. Вып. 3-4.
95. Звегинцев В.А. Семасиология. М., 1957.
96. Закиев М.З. О залогах татарского глагола // Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР (Совещание тюркологов, август, 1957). Уфа, 1958.
97. Зейналов Ф.Р. Принципы классификации именных частей речи. Баку, 1959.
98. Зэкиев М.З. Татар теле морфологиясэнэ кереш // Хэзерге татар эдэби теле морфологиясе. Казан, 1972.
99. Зиннатуллина К.З. Залоги глагола в современном татарском литературном языке. Казань, 1969.
100. Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Ч. 2. Грамматические категории глагола: Учебное пособие. Л., 1977.
101. Иванов С.Н. О соотношении грамматического и лексического в узбекских залогах // Уч. зап. ЛГУ, 1967 Вып. 12.
102. Иванов С.Н. Категория залога в определительных сочетаниях на *-ган* в узбекском языке // ВЯ, 1969. №2.
103. Иванов С.Н. О соотношении грамматического и лексического в узбекских залогах // Уч. зап. ЛГУ. Вып. 12. № 294. 1977.

104. Калакуцкая О.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., 1971.
105. Калинин А.В. Лексика русского языка. М., 1978.
106. Карачаево-балкаро-русский словарь. М., 1989.
107. Кацнельсон С.Д. Порождающая грамматика и принципы деривации // Проблемы языкознания. М., 1967.
108. Кишტიкова Л.Х. Адвербиализация (на материале карачаево-балкарского языка): Учебное пособие. Нальчик, 2003.
109. Кобещидзе И.Н. Разграничение сфер глагольного словообразования и словоизменения в языке орхоно-енисейских надписей // Советская тюркология. 1972. №5.
110. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского языка. М.-Л., 1960.
111. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв.). Л., 1980.
112. Котелова Н.Э. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975.
113. Краснов И.А. Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке (рукопись). М., 1955.
114. Кузнецова Э.В. О статусе слова // Исследование по семантике. Уфа, 1983.
115. Курилович Е. Р. Заметки о значении слов // Вопросы языкознания. 1955. № 3.
116. Курилович Е.Р. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Е.Р. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
117. Курилович Е.Р. Общая теория частей речи. М.-Л., 1966.
118. Леонтьев А.А. Табу // ЛЭС. М., 1990.
119. Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
120. Лопатин В.В. Лексикализация // ЛЭС. М., 1990.
121. Мелиоранский П.М. Араб – филолог о турецком языке. – СПб., 1900.
122. Мизиев А.М. Слова, образованные от причастий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1999.

123. Мизиев А.М. Лексикализация имен действия в карачаево-балкарских пословицах и поговорках // Литература народв Северного Кавказа: художественные и методологические проблемы изучения. Тезисы докладов. Карачаевск, 1999.
124. Новиков Л.А. и др. Категориальные лексико-семантические отношения и классы единиц // Современный русский язык. Теоретический курс: Лексикология. М., 1987.
125. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973
126. Отаров И.М. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1978.
127. Отаров И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1995.
128. Патачикова Д.Ф. Наречие // ГХЯ. М., 1975.
129. Перетрухин В.Н. Введение в языкознание. Белгород, 1969.
130. Пешковский А.М. Понятие отдельного слова. Л., 1925.
131. Прохорова В.Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке. М., 1980.
132. Пшуков Х.Х. Полисемия и омонимия в кабардино-черкесском языке. Нальчик, 1982.
133. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание: Морфология / Под ред. и с пред. Н.А. Баскакова. М., 1957.
134. Реформатский А.А. Выступление на дискуссии по омонимии // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4.
135. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1960.
136. Реформатский А.А. М., 1967.
137. Розвадовский Я. Словообразование и значение слова (на немецком языке). Хейдельберг, 1904.
138. Саруева М.Ф. Наречие // ГНЯ. Черкесск, 1973.
139. Севортян Э.В. К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М., 1952.
140. Севортян Э.В. Словообразование в тюркских языках // ИСГТЯ. Ч.2. Морфология. М., 1956.
141. Севортян Э.В. Аффиксы глагольного словообразования в азербайджанском языке. М., 1962.

142. Серебренников Б.А. Глагол // Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку, 1979.
143. Словарь башкирского языка. М., 1993.
144. Смирницкий А.И. Значение слова // ВЯ, 1954. №3.
145. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
146. Смирнова Н.С. К вопросу многозначности слов // Исследования по лексикологии и словообразованию. Красноярск, 1970. С. 161-165.
147. Словарь башкирского языка (на башкир. яз.). Уфа, 1993 (Т.1.)
148. Словарь русского языка. М., 1984 (т.4).
149. Современный русский язык. Морфология. М., 1952
150. Сорокин Ю.С. Инструкция по составлению словаря к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя. М., 1960.
151. Сороколетов Ф.П. Смысловая характеристика термина в толковых словарях // ЛС. Вып. 5. М., 1962.
152. Соттаев А.Х. Имя существительное // ГКБЯ. Нальчик, 1976.
153. Татарская грамматика. Т.1. Казань, 1995.
154. Толковый словарь татарского языка (в 3-х томах). Казань, 1977-1979.
155. Тузова М.Ф. Словообразование // Современный русский литературный язык. М., 2001.
156. Туркина Р.В. Семантическая структура слова. Учебное пособие. Калинин, 1977.
157. Урусбиев И.Х. Глагол // Грамматика карачаево-балкарского языка: Фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик, 1976.
158. Уфимцева А.А. Словарь в лексико-семантической системе языка. М., 1962.
159. Фатыхов А.Х. Категория залога в башкирском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Ташкент, 1953.
160. Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX вв. Новосибирск, 1973.
161. Филиппов А.В., Шанский Н.М. Лексикология // Современный русский литературный язык. М., 1981.

162. Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология. М., 1990.
163. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1978.
164. Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.
165. Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование и словоизменение. Черкесск, 1977.
166. Хабичев М.А. Именное словообразование и словообразование в куманских языках. М., 1989.
167. Хаджилаев М.А. Очерки караачево-балкарской лексикологии. Черкес, 1970.
168. Хаджилаев Х.И. Служебные части речи // Грамматика карачаево-балкарского языка: Фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик, 1976.
169. Хангишиев Дж. М. Причастия в кумыкском языке. Пособие по спецкурсу. Махачкала, 1985.
170. Хангишиев Дж. М. Къумукъ тил. Морфология. Магъачкъала, 1995.
171. Хангишиев Дж. М. Именные формы глагола в кумыкском языке в сравнительном освещении (имена действия и инфинитивы).
172. Хангишиев Дж. М. Именные формы глагола в кумыкском языке в сравнительном освещении: имена действия и инфинитивы. Махачкала, 1998.
173. Харитонов Л.Н. Залоговые формы глаголов в якутском языке. М., 1963.
174. Хачирова Е.М. Субстантивация глаголов и имен прилагательных в карчаево-балкарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003
175. Чарыяров Б.Ч. Категория залога в современном туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ахшхабад, 1956.
176. Черданцева Т.З. О многозначности слова (на материале итальянского языка) // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.
177. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1964.

178. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык. Ч. I Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Грамматика и орфография. М., 1981.
179. Шарафутдинова К.А. Раскрытие значений слова в двуязычном словаре. Ташкент, 1968.
180. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
181. Шевченко Л.А. Современный русский язык. Лексика. М., 1979.
182. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973
183. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
184. Шмелев Д.Н. Омонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
185. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
186. Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.
187. Юлдашев А.А. Полная лексикализация грамматических форм слова. М., 1972.
188. Юлдашев А.А. Об одном специфическом типе лексического значения // ВЯ, 1976. №4.
189. Юлдашев А.А. Лексикализация тюркских грамматических форм как объект словообразовательной морфологии и словаря // ВЯ, 1977. №1.
190. Юлдашев А.А. Словообразование и модификация глагола с помощью форм залога // Исследования по грамматике современного башкирского языка. Уфа, 1979.
191. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология: (развитие корневых слов). Фрунзе, 1959.
192. Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Словари

- АРС – Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1962,
БРС – Башкирско-русский словарь. М., 1958,
ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1960.
КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
КРС¹ – Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1989 (1954).
КРС² – Киргизско-русский словарь. М, 1965,
КРПС – Караимско-русско-польский словарь. М, 1974.
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
НРС – Ногайско-русский словарь. М., 1963.
ОСТН – Опыт словаря тюркских наречий I-IV т. СПб, 1893.
РКС – Русско-кумыкский словарь. Махачкала, 1977.
СРЯ – Словарь русского языка. М., 1984 (т. 4).
СТЯ – Словарь туркменского языка. Ашхабад, 1962.
ТРС – Татарско-русский словарь. М., 1966.
ТРС – Туркменско-русский словарь. М., 1968.
ТСАЯ – Толковый словарь азербайджанского языка. Баку, 1966 (т.1), 1980 (т.2).
ГСБЯ / СБЯ – Толковый словарь башкирского языка (Словарь башкирского языка). М., 1993 (т.1, 2).
ТСКБЯ – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1996 (т. 1), 2002 (т. 2), 2005 (т. 3).
ТСККЯ – Толковый словарь каракалпакского языка. Нукус, 1980 (т. 1).
ТСТЯ – Толковый словарь татарского языка. Казань, 1977 (т. 1), 1979 (т. 2), 1981 (т. 3),
ТСУЯ – Толковый словарь узбекского языка. М., 1981 (т. 1, 2).
УРС – Узбекско-русский словарь. М., 1959.
ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков / Составитель Э.В. Севортян. М., 1974.
ЯРС – Якутско-русский словарь. М., 1972.

2. Периодические издания

ВЯ – журн. «Вопросы языкознания»

ИЯШ – журн. «Иностранные языки в школе»
ЛС – Лексикографический сборник
РЯШ – журн. «Русский язык в школе»
СТ – журн. «Советская тюркология»
ТПЛК – Труды Пражского лингвистического кружка
ФН – журн. «Филологические науки»

3. Грамматики

ГАЯ – Грамматика азербайджанского языка. Фонетика, морфология и синтаксис. Баку, 1971.
ГКБЯ – Грамматика карачаево-балкарского языка: Фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик, 1976.
ГКЛЯ – Грамматика киргизского литературного языка. Ч. I Фонетика и морфология. Фрунзе, 1980 (на кирг. яз.).
ГНЯ – Грамматика ногайского языка. Ч. I Фонетика и морфология. Черкесск, 1973.
ГСБЛЯ – Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
ГСРЛЯ – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. М., 1982.
ГХЯ – Грамматика хакасского языка. М., 1975.
СКЯ – Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962.
СТЛЯ – Современный татарский литературный язык. М., 1969.
ТГ – Татарская грамматика. В трех томах. I том. Казань, 1995.

4. Языки

аз. – азербайджанский
алт. – алтайский
англ. – английский
араб. – арабский
балк. – балкарский
башкир. – башкирский
исл. – исландский
каб.-черк. – кабардино-черкесский

казах. – казахский
кар. / карач.-балк. – карачаево-балкарский
караим. – караимский
кирг. – киргизский
кит. – китайский
ккалп. – каракалпакский
кумык. – кумыкский
лат. – латинский
монг. – монгольский
ног. – ногайский
татар. – татарский
тувин. – тувинский
турец. – турецкий
туркм. – туркменский
тюрк. – тюркские
узб. – узбекский
уйгур. – уйгурский
хакас. – хакасский
чуваш. – чувашский
як. – якутский

5. Прочие сокращения

анат. – анатомическое
арх. – архаизм
афф. – аффикс
бот. – ботаника
буд. вр. – будущее время
букв. – буквально
вет. – ветеринария
вз.-совм. – взаимно-совместный залог
возвр.-страд. – возвратно-страдательный залог
вопр. – вопросительный (союз)
вып. – выпуск
высш.шк. – высшая школа
газ. – газета
глаго. – глагол
грам. – грамматический термин

234

груб. – грубое слово
дат. пад. – дательный падеж
деепр. – деепричастие
дет. – детское слово
диал. – диалектизм
дис. – диссертация
желат. накл. – желательное наклонение
журн. – журнал
знач. – значение
и.д. – имя действия
ист. – историзм
исх. пад. – исходный падеж
лит. – литературный
мед. – медицинский термин
мест. пад. – местный падеж
погов. – поговорка
посл. – пословица
прич. – причастие
прост. – просторечное
разг. – разговорное
рел. – религиозный термин
спорт. – спортивный термин
СПб – Санкт-Петербург
страд. – страдательный залог
страд.-возвр. – страдательно-возвратный залог
т. – том
уч.-зап. – ученые записки
ц.д. – цокающий диалект
этно. – этнографический термин
юр. – юридический термин

60.
Научное издание

Жамал Магомедович ГУЗЕЕВ

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

Компьютерная верстка
Ф.В. Газаевой

Корректор
Ф.В. Газева

Подписано в печать 19.10.2009.

Бумага офсетная. Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 12,39 Тираж 500 экз. заказ № 17.

ISBN 978-5-91766-010-3

9 785917 660103

Отпечатано в Издательстве КБИГИ
с готового оригинал-макета

Институт гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, Пушкина, 18